

МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК «ТОМСКАЯ ПИСАНИЦА»

22/2025

Учёные записки

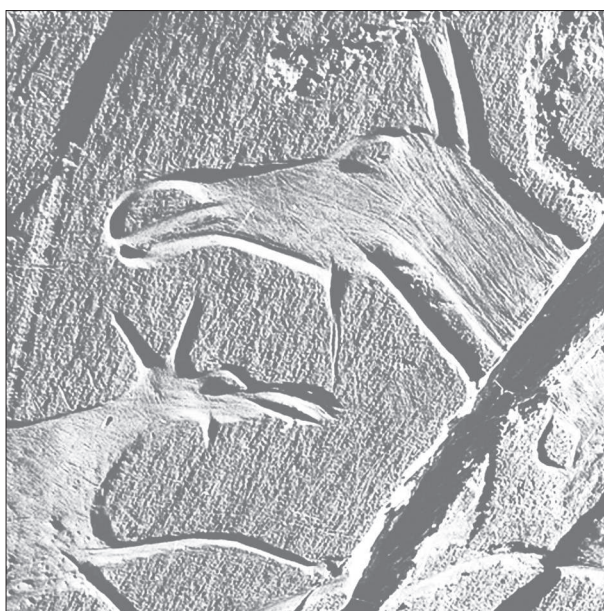
МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА

ТОМСКАЯ

ПИСАНИЦА

Учёные записки музея-заповедника «Томская Писаница»

Transactions of the "Tomskaya Pisanitsa" Museum-Reserve

Выпуск 22 Volume

2025

ISSN 2411-7838

Научное издание
Учёные записки музея-заповедника
«Томская Писаница»

Журнал издаётся с 2015 г.,
выходит два раза в год

Учредитель

Государственное автономное учреждение
культуры «Кузбасский музей-заповедник
"Томская Писаница"»

650000, г. Кемерово, ул. Томская, 5а

Тел./факс: (3842) 75 86 33,

e-mail: pisanitsa@mail.ru

Официальный сайт: www.gukmztp.ru

Периодическое издание, нацеленное
на публикацию актуальных научных ис-
следований в области теории и практики
музееведения, истории, археологии, этно-
логии, культурологии, архивного дела и
краеведения.

Журнал включен
в национальную базу данных
«Российский индекс научного цитирования»
(РИНЦ, договор № 245-04/2015).

Разделы тематического рубрикатора РИНЦ:

История. Исторические науки

Культура. Культурология

Главный редактор:

А. Н. Мухарева, канд. ист. наук, ст. науч. сотр.
научно-экспозиционного отдела музея-
заповедника «Томская Писаница», доц. ка-
федры археологии Института истории и
международных отношений Кемеровского
государственного университета

Редакционная коллегия:

А. Г. Марочкин, канд. ист. наук, заведующий
лабораторией археологии Института эко-
логии человека, Федеральный исследова-
тельский центр угля и углехимии СО РАН

Е. А. Миклашевич, ст. науч. сотр. научно-экс-
позиционного отдела музея-заповедника
«Томская Писаница», науч. сотр. центра па-
леоискусства Института археологии РАН,
Вице-президент Сибирской Ассоциации
исследователей первобытного искусства

Е. А. Орлова, канд. ист. наук, ст. науч. сотр.
научно-экспозиционного отдела музея-
заповедника «Томская Писаница»

И. Д. Русакова, канд. ист. наук, науч. кон-
сультант музея-заповедника «Томская Пи-
саница»

Ответственный секретарь:

С. В. Иванова, ст. хранитель отдела фондов
музея-заповедника «Томская Писаница»

Редактор текстов на английском:

Т. А. Логунов, канд. филол. наук, доц. ка-
федры иностранных языков в профессио-
нальной коммуникации Института исто-
рии и международных отношений Кеме-
ровского государственного университета

Редакционный совет:

М. В. Головин, директор музея-заповедника
«Томская Писаница» – *председатель совета*
Л. Н. Ермоленко, д-р ист. наук, проф. ка-
федры археологии Института истории и
международных отношений Кемеровского
государственного университета, Президент
Сибирской Ассоциации исследователей
первобытного искусства

Л. Ю. Китова, д-р ист. наук, проф. кафедры
археологии Института истории и междуна-
родных отношений Кемеровского государ-
ственного университета

А. И. Мартынов, д-р ист. наук, проф. ка-
федры археологии Института истории и
международных отношений Кемеровско-
го государственного университета, акаде-
мик РАН, главный специалист музея-
заповедника «Томская Писаница»

СОДЕРЖАНИЕ

Археологические исследования

Горяев В. С.

Находки бронзовых предметов на Тутальской писанице 5

Илюшин А. М.

Исследование одиночного кургана Шабаново-8
в Касьминском археологическом микрорайоне 13

Ключников Т. А., Заика А. Л., Матвеев В. Е., Грачёв Д. А.

Новые наскальные рисунки эпохи ранней бронзы
в восточных предгорьях Кузнецкого Алатау 24

Ковтун И. В.

Компаративная палеолингвогенетика 34

Русакова И. Д.

Тамги на плитах оград курганов
в окрестностях села Абакано-Перевоз в Хакасии 61

Музейное дело

Семёнов Д. Ю.

Выставочный проект «Хрупкий мир» музея-заповедника «Томская Писаница»
(из опыта репрезентации наскального искусства Притомья) 87

Архивные изыскания

Усков И. Ю.

Формирование территориальной геральдики Кузбасса
XVII – первой четверти XXI века 94

.

CONTENTS

Archaeological research

Goryaev V. S.

Bronze artifacts found at the Tutalskaya pisanitsa 5

Ilyushin A. M.

Research at the Shabanovo-8 single mound
in Kasma archaeological microdistrict 13

Klyuchnikov T. A., Zaika A. L., Matveev V. E., Grachev D. A.

New rock paintings from the Early Bronze Age
in the eastern foothills of the Kuznetsk Alatau 24

Kovtun I. V.

Comparative paleolinguogenetics 34

Rusakova I. D.

Tamgas on the mound fence slabs
from the vicinity of Abakano-Perevoz in Khakassia 61

Museum activities

Semenov D. Y.

The exhibition project “Fragile World” of the “Tomskaya Pisanitsa” Museum-Reserve
(from the experience of representing the rock art of the Tom region) 87

Archival research

Uskov I. Yu.

The formation of Kuzbass regional heraldry
in the 17th – early 21st century 94

НАХОДКИ БРОНЗОВЫХ ПРЕДМЕТОВ НА ТУТАЛЬСКОЙ ПИСАНИЦЕ

В. С. Горяев

Музей-заповедник «Томская Писаница»

В статье впервые публикуются бронзовые предметы, найденные на вершине Тутальской писаницы (р. Томь) и предлагается их культурно-хронологическая атрибуция. Топографическая особенность залегания артефактов на вершинах скал рассматривается как региональная традиция, сближающая Томскую и Тутальскую писаницы с культовыми местами Западной Сибири и свидетельствующая о длительном почитании сакрального ландшафта независимо от смены культур.

Ключевые слова: наскальное искусство, культовая металлопластика, культовое место, ранний железный век, средневековье

BRONZE ARTIFACTS FOUND AT THE TUTALSKAYA PISANITSA

V. S. Goryaev

"Tomskaya Pisanitsa" Museum-reserve

The article is the first publication of bronze artefacts found at the summit of the Tutalskaya pisanitsa (the Tom River). The author suggests their cultural and chronological attribution. The topographic features of the artifacts location on the cliff tops are considered as a regional tradition that links the Tomskaya and Tutalskaya pisanitsas to cult sites in Western Siberia and attests to the long-standing veneration of the sacred landscape independent of cultural transitions.

Keywords: rock art, cult metalwork, cult site, Early Iron Age, Middle Ages

Введение

На памятниках наскального искусства Томи достоверные находки, связанные с разными аспектами культовых действий, обнаружены только на Томской писанице [Моор и др., 2024; 2025]. При этом между обнаружением первых археологических предметов на вершине основного скопления с изображениями [Мартынов, 1970, с. 27, 28] и полевым исследованием памятника, подтвердившим наличие культового места на Томской писанице, прошло более 50 лет.

Отнесение части материалов стоянки Долгая I, расположенной непосредственно над изображениями второй группы Новоромановской писаницы, к свидетельству ритуально-культовых практик [Ковтун, Марочкин, 2014, с. 103] остаётся дискуссионным и требует дополнительного обоснования. Авторы этой гипотезы предполагают

культовый характер находок массового остеологического материала в непосредственной близости от памятника наскального искусства только на уровне «высокой степени вероятности», отмечая в целом охотничье-промысловый характер стоянки [Там же]. Впрочем, этот факт не исключает вероятности обнаружения культовых объектов как на Новоромановской, так и на остальных писаницах Томи в дальнейшем.

Находки последних лет на Томской писанице, их культурно-хронологическая атрибуция и топографическое расположение заставляют задуматься о том, как один и тот же культурный ландшафт на протяжении тысячелетий, сохраняя сакральное значение для представителей разных культур, подвергался трансформациям восприятия, семантики и ритуальных практик со стороны сменявших друг друга сообществ.

Однако такое понимание динамики сакрального пространства на примере Томской писаницы скорее является исключением, чем правилом. Именно оно ставит перед исследователями вопрос о том, насколько репрезентативны наши знания о памятниках наскального искусства и какие материалы, данные и методы изучения необходимо привлекать для понимания характера использования памятника на всём протяжении его существования.

Таким образом, проблема верификации культового статуса наскальных комплексов напрямую связана не только с наличием или отсутствием археологических свидетельств ритуальной деятельности, но и с методологической непроработанностью критериев выделения культовых пространств на памятниках такого типа. В большинстве случаев исследователи сталкиваются с разрозненными находками, не имеющими стратиграфической привязки или чётких хронологических границ, в итоге они могут интерпретироваться и как результат бытовых, и как следствие сакральных действий. Это создает риск либо неоправданного расширения круга «культовых пространств» за счёт памятников с неубедительным контекстом, либо, напротив, гиперкритичного отрицания их ритуальной функции при отсутствии прямых доказательств. Следовательно, для перехода от точечных наблюдений к системному пониманию феномена необходимо выработать согласованную методику полевой фиксации, камеральной обработки и междисциплинарной интерпретации материалов, происходящих из зон, топографически связанных с петроглифами.

Количество культовых мест в Томском и Среднем Приобье на настоящий момент не поддаётся строгому учёту. Большая часть коллекций представлена случайными находками с минимальным набором сопроводительных данных [Чиндина, 1984, с. 22]. Редкие случаи археологической фиксации позволяют значительно расширить информационный потенциал этих интереснейших памятников и перейти от искусствоведческого и типологического анализа предметов к понимаю культурно-хронологической атрибуции сакральных про-

странств и, в отдельных случаях, реконструкции обрядовой практики [Ширин, 1993; Яковлев, 2001; Моор и др., 2024; 2025].

Ситуация осложняется тем, что в последние десятилетия в поиск древних артефактов включились так называемые поисковые группы и отдельные личности. В отличие от сознательных советских граждан, которые во многих случаях передавали находки в музей, современные «кладоискатели» не желают расставаться с добытым «хабаром» и информацией об условиях его нахождения, что существенно затрудняет работу по поиску и идентификации археологических памятников в целом. Особенно остро эта проблема стоит для культовых объектов, которые зачастую сложно или практически невозможно выявить на рельефе.

Несмотря на то, что «в Кузбассе слабо представлен как самостоятельное направление поиск первобытных и средневековых артефактов» [Васютин и др., 2020, с. 311], армия «чёрных копателей» ежегодно ширится. В зону их внимания попадают и потенциальные места нахождения культовых мест, как в случае с Тутальской писаницей, где на вершине скалы копателями было обнаружено четыре предмета.

Обстоятельства находки

Летом 2023 г. в музей-заповедник «Томская Писаница» поступила информация о находке «чёрным копателем», проживающим в г. Юрге, серии бронзовых предметов в районе Тутальской писаницы. Сотрудниками музея были предприняты поиски контактов данного гражданина, но от прямой коммуникации он отказался, а также не захотел передать предметы в музей или хотя бы предоставить их для обследования и документирования. В итоге длительных переговоров через посредников были получены фотографии и общие сведения о месте обнаружения четырёх предметов.

Фотографии выполнены в ортогональной проекции, рядом размещена деревянная линейка. Наконечник стрелы приведён в одной проекции, личина и бляха сфотографированы с лицевой и оборотной сторон. Один из предметов – железная штампованная одноремешная бляха от конской упряжи – в данной статье не анализиру-

ется, поскольку является поздним предметом, широко применяющимся в обиходе до настоящего времени.

Находки сделаны на «Змеиных скалах», в разных местах, при обследовании территории металлоискателем. На Тутальских скалах существует два схожих топонима. Стоянка «Змеиные скалы» – туристический лагерь, где базируются альпинисты и туристы (преимущественно из г. Томска) во время проведения слётов и соревнований. «Змеиными скалами» местные жители называют первую от посёлка Сланцевый рудник возвышенность, на береговых скалах которой расположены плоскости 1 и 2 Тутальской писаницы [Ковтун, Русакова, 2013]. Очевидно, что речь идёт о втором местонахождении, о чём дополнительно свидетельствует расположенный на данной возвышенности геодезический пункт, указанный находчиком как ориентир.

Описание предметов

Наконечник стрелы трёхлопастной, втульчатый (общие размеры: 65 × 15 мм). Изготовлен из бронзы методом литья. Имеет круглую втулку. Жальца пластинчатые, скошены в сторону втулки, выступают за её края на 5 мм, одно жальце обломано. На втулке наблюдаются следы технологического брака, возникшего при отливке (рис. 1: 1).

Антропоморфная личина (общие размеры: 70 × 35 мм). Материал – бронза. Изготовлена методом литья в двустворчатой форме. Предмет имеет «листовидную» форму, представляет собой эллипс с приострѐнной верхней частью. В нижней части от эллипса отходит подпрямоугольный элемент («черешок») 22 × 7 мм со слегка скошенным нижним краем. Края обработаны. Следы технологического брака отсутствуют. Черты «лица» переданы выпуклым небрежно выполненным рельефом:

- глаза схематично обозначены окружностями, расположены асимметрично, левый глаз находится выше правого на 2 мм;
- рот в виде эллипса, «перекошен», левый угол рта расположен ниже правого на 2 мм;
- нос и центральная ось «лица» представлены вертикальной выпуклой линией, проходящей от приострѐнного верха на две трети длины личины;

- над глазами расположены две пары коротких выпуклых линий, сходящихся под тупым углом к центральной линии (носу). Аналогичные парные линии расположены под глазами. Подобные штрихи на кулайских личинах Н. В. Полосьмак и Е. В. Шумакова интерпретируют как татуировки [Полосьмак, Шумакова, 1991, с. 23] (рис. 1: 2).

Бляха круглая (диаметр: 45 мм). Изготовлена из бронзы в двустворчатой форме.

Рис 1. Находки на Тутальской писанице:
1 – наконечник; 2 – личина; 3 – бляха

Петля на реверсе отформована в тыльной полуформе с сердечником, представляет собой уплощённый сегмент длиной 20 мм. В прилегающей к бляхе плоской части сегмента – отверстие. На лицевой стороне, покрытой минеральными наслоениями (продукты коррозии), прослеживается спиралевидный орнамент, начинающийся от края. Изображение в центре бляхи не поддаётся идентификации. В 9 мм от края расположено сквозное отверстие диаметром 3 мм (рис. 1: 3).

Культурно-хронологическая атрибуция предметов

В Томском Приобье серия из семи типологически близких наконечников была обнаружена у д. Степановка [Плетнёва, 1977, рис. 24]. Л. М. Плетнёва относит Степановскую коллекцию к IV–III вв. до н. э. [Там же, с. 88]. В Новосибирском Приобье аналогичные наконечники встречаются в могильнике Каменный Мыс (курган 3, мог. 15 и курган 10, мог. 3) [Троицкая, 1979, с. 85, табл. IX, 14, 1], датируемый Т. Н. Троицкой III–II вв. до н. э. [Там же, с. 52]. На Алтае похожий наконечник представлен в материалах Новообинцевского кладя IV–III вв. до н. э. [Бородаев, 1987, с. 102, рис. 4, 13, с. 107, рис. 5, 6]. Л. М. Плетнёва выделяет для Нижнего Притомья в V–III вв. до н. э. шелонокскую культуру, относящуюся к кругу культур раннего железного века [Плетнёва, 2009]. К этому периоду, вероятно, относится и описываемый наконечник.

Форма найденной личины схожа с личинами с горы Кулайка [Мягков, 1929, таб. III–6; Чиндина, 1984, с. 241, рис. 35–1, ТОКМ 2281/59] и с Парабельского культового места [Чиндина, 1984, с. 241, рис. 35–1, ТОКМ 298/11]. Обе упомянутые личины Л. Н. Чиндина относит к саровскому этапу кулайской культуры, датированному ею в широком диапазоне III–I вв. до н. э. – V в. н. э. Помимо формы, сходство с личиной с Кулайки ограничивается частичным применением выпуклого рельефа, которым показаны нос и брови (наносник и линия шлема?), в то время как глаза и рот переданы углублённым рельефом. В отличие от описываемой находки, личина с Кулайки тщательно обработана, на ней отсутствуют «татуировки», расположение глаз и рта симметрично,

присутствует пуансонная окантовка бортика изделия (рис. 2: 1).

Личину с Парабельского культового места с описываемой находкой сближает форма и намеренная асимметрия черт «лица». У парабельской личины рот искривлён, внешние уголки глаз приподняты вверх. В отличие от личины, найденной на Тутальской писанице, черты «лица» показаны углублёнными линиями, обозначен контур бровей, «татуировки» и прочие линии, в том числе «нос», отсутствуют (рис. 2: 1).

При всей очевидной разнице в форме и технологии изготовления, на основании общей иконографии образов с личиной Тутальской писаницы близка серия личин из памятников рёлкинской культуры – могильника Рёлка и Тимирязевского I могильника [Чиндина, 1977; Беликова, Плетнёва, 1983] (рис. 3). В фондах музея «Археология, этнография и экология Сибири» КемГУ хранится серия личин с памятника Арчекас VIII на р. Кие, также имеющих парные «татуировки» на скулах (рис. 4).

Исходя из приведённых аналогий, хронологические рамки личины с Тутальской писаницы можно ограничить VI–VIII вв. Учитывая изготовление личины в двухстворчатой форме, а также тот факт, что традиция «татуировок» на личинах и антропоморфных фигурах уходит корнями в кулайскую культуру, возможно удревнение даты до V в. н. э.

Аналогов бляхе, обнаруженной на Тутальской писанице, несмотря на весьма показательный признак – формовку петли крепления, пока найти не удаётся.

Археологическое обследование Тутальской писаницы

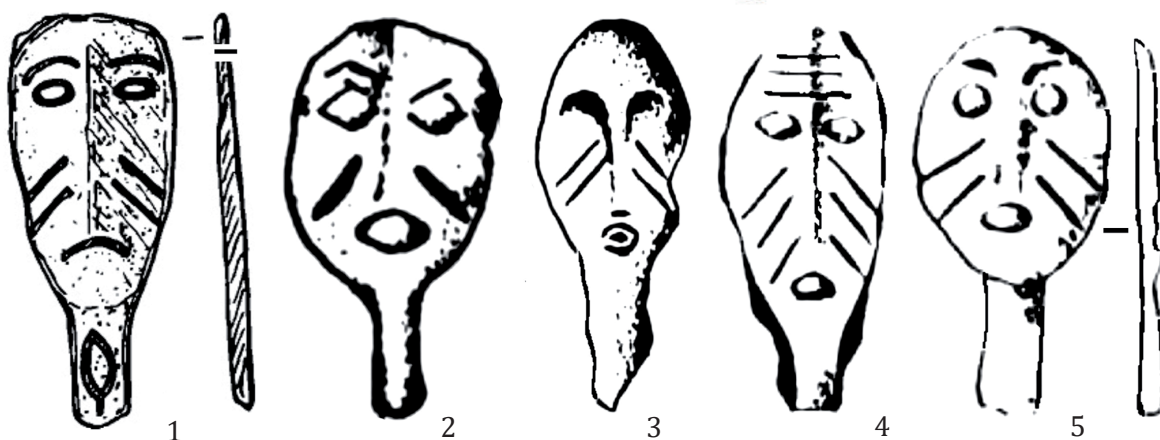
Изображения Тутальской писаницы были впервые обнаружены землеустроителем Н. Я. Овчинниковым в 1906 г., им же описаны и позднее опубликованы [1910]. После их открытия и вплоть до недавнего времени изучение Тутальской писаницы сводилось к поиску рисунков на скальных плоскостях и их копированию. Верхние площадки скал не осматривались, шурфовка не проводилась.

В целях определения границ памятника археологическими методами в октябре 2021 г. отрядом НПО «АрхеПолис» под ру-

Рис. 2. Личины эпохи раннего средневековья Томского Приобья: 1 – гора Кулайка; 2 – Парабельское культовое место (из фондов ГАУК «Томский областной краеведческий музей им. М. Б. Шатилова»: 1 – ТОКМ 2281/59; 2 – ТОКМ 298/11)

Рис. 3. Личины эпохи раннего средневековья Томского Приобья: 1 – могильник Рёлка; 2–5 – Тимирязевский I могильник (1 – по: [Чиндина, 1971]; 2–4 – по: [Беликова, Плетнёва, 1983])

ководством Е. В. Трусовой были обследованы участки правобережья р. Томи над плоскостями с петроглифами Тутальской писаницы протяженностью 2,3 км.

При выборке шурфа на площадке над плоскостями 1 и 2, содержащих древние изображения, обнаружен участок прока-

лённой почвы размерами 110×57 см, мощностью до 21 см. Находок в прокалённом слое не было, как, впрочем, и в остальных шурфах. По мнению автора работ, «наличие прокалённого слоя почвы в шурфе может свидетельствовать об использовании площадки ... для обрядовых действий. Ис-

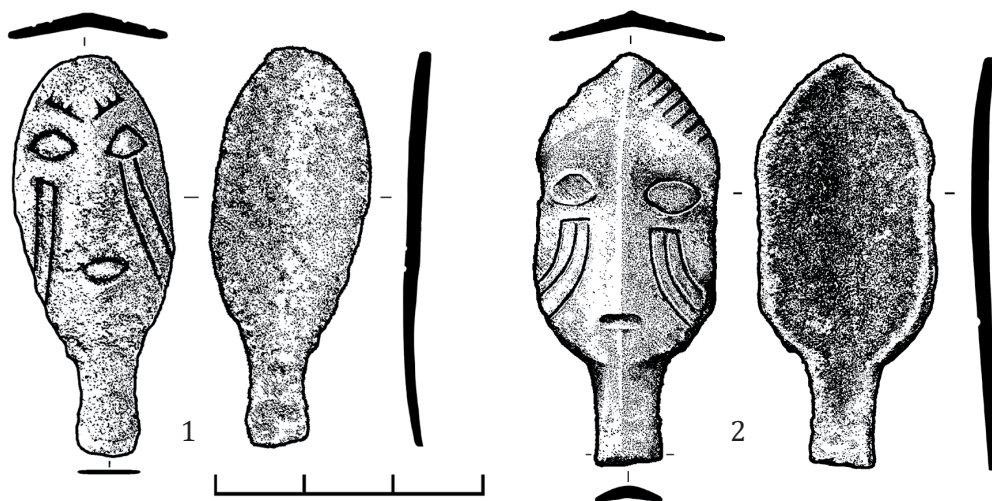

Рис. 4. Личины эпохи раннего средневековья с памятника Арчекас VIII (из фондов музея «Археология, этнография и экология Сибири» КемГУ: 1 – КМАЭ ОФ 325/1; 2 – КМАЭ ОФ 325/2)

пользование данной площадки в каких-либо иных целях (временная стоянка, рыбацкая стоянка) маловероятно из-за крайне сложного подступа к воде и неровности прилегающей территории. Площадка отделена от береговой линии крутым отвесным скальным обрывом высотой до 20 м. Относительно ровная часть площадки, где был произведён шурф, невелика; её размеры составляют приблизительно 10×15 м. Также следует исключить современное происхождение очага, поскольку прокол достаточно мощный (до 21 см), что свидетельствует о длительном либо достаточно частом и систематическом использовании очага» [Трусова, 2022, с. 20].

Описываемые находки на Тутальской писанице являются серьёзным аргументом верности выводов Е. В. Трусовой о наличии в этом месте ритуальной площадки. Однако их справедливость могут подтвердить только полевые исследования памятника на предмет выявления культового места.

Памятники наскального искусства Томи в контексте культовых мест Сибири

Общеизвестны археологические материалы, интерпретируемые как культовые места или «жертвенники» на писаницах Урала [Бадер, 1954], Горного Алтая [Кубарев, Маточкин, 1992; Молодин, Ефремова, 2010], Ангары [Заика, 2009], Забайкалья [Окладников, Запорожская, 1970], Якутии [Кочмар, 1994], Приамурья и Восточного Забайкалья [Мазин, 1994, Забияко, 2024]. В подавляющем большинстве культурный слой, содержащий археологические материалы, располагался у подножья скал с рисунками, либо предметы помещались в виде прикладов в расщелины скал.

Нельзя исключать, что ранее культурный слой мог существовать и у подножья томских писаниц, но на данный момент на участках правого берега долины р. Томи в районах памятников наскального искусства наблюдается полная эрозия прицокольных отложений террас, вплоть до обнажения цоколя речной долины [Кондаков, Возная, 1998].

Археологический материал на памятниках наскального искусства Томи – Томской, Новоромановской, а теперь и Тутальской писаницах – есть и расположен он на вер-

шинах скальных массивов. Подобные топографические условия залегания археологического материала не характерны для «жертвенников», фиксируемых на других памятниках наскального искусства. Лишь на трёх местонахождениях в разных регионах Сибири археологический материал был выявлен на вершинах скальных массивов с древними изображениями. На Ангаре в устье р. Каменки на вершине приустьевого мыса найден многочисленный каменный инвентарь, а также грунтовое неолитическое погребение [Заика, 2009]. В Забайкалье на вершине скалы, где располагается писаница Токтуй, были собраны кремневые орудия [Окладников, Запорожская, 1970, с. 47]. А. И. Мазин, рассматривая 37 жертвенников, расположенных у писаниц Приамурья и Восточного Забайкалья, упоминает один случай нахождения жертвенника на вершине скалы – на памятнике Нюкжа, откуда происходит коллекция каменных артефактов, частично окрашенных красным красителем [Мазин, 1994, с. 65].

Ранее исследователями в отношении случайных предметов, обнаруженных на Томской писанице, уже отмечалось, что «представленные находки художественной металлопластики сближают её с другими культовыми местами раннего железного века и начала раннего средневековья Западной Сибири» [Конончук, Марочкин, 2018, с. 88]. На р. Томи известны жертвенники («культовые места»), которые расположены в топографической ситуации, аналогичной той, что зафиксирована на Томской и Тутальской писаницах. Речь идёт о таких объектах, как Самусьские находки V, Дзержинские находки II, Степановские находки II [Ожередов, Яковлев, 1993], Томский могильник на Малом Мысе [Ширин, 1993, с. 164], Елыкаевское культовое место [Могильников, 1968]. За исключением клада в с. Дзержинское, все они расположены на высоком коренном борту правого берега р. Томи. Рассматривая условия нахождения культовой металлопластики на томских писаницах, мы можем отметить, что с культовыми местами Западной Сибири писаницы Томи сближают не только культурно-хронологические характеристики комплексов, но и топографическая ситуация их залегания.

Заключение

Проведённый анализ бронзовых предметов, обнаруженных «чёрным копателем» на Тутальской писанице, позволил соотносить представленные артефакты с шело-моксской культурой эпохи раннего железа, а также позднекулайским или рёлкинским временем.

Особый интерес вызывает представленная личина. Она сохраняет технологические традиции кулайского литья. При этом оформление скул личин с «черешками» косыми чертами в эпоху раннего средневековья на этой территории становится весьма распространённым явлением, что, вполне вероятно, может быть не только типологическим, но и культурно-хронологическим признаком.

Археологический материал на Томской и Тутальской писаницах залегает на вершинах скальных массивов, а не у подножия скал или в расщелинах, что типично для большинства памятников наскального искусства Западной и Восточной Сибири. Однако именно такое расположение – на высоком коренном берегу, на мысах или вершинах береговых скал – характерно для многих западносибирских культовых мест, включая Томскую писаницу. Это позволяет говорить об устойчивой региональной традиции, возникшей ещё в IV–III вв. до н.э. и сохранявшейся более тысячелетия вне за-

висимости от культурного фона. Отсюда можно сделать вывод, что появление жертвенников в этих местах, вероятно, было связано не столько с почитанием самих писаниц (что широко распространено у коренных сибирских народов), сколько с почитанием конкретного сакрального ландшафта. Именно этот принцип объединяет археологический контекст Томской и, вполне вероятно, Тутальской писаниц с культовыми местами Западной Сибири, а не с разнородными «жертвенниками у писаниц» других регионов.

В. И. Молодин писал: «изучение наскальных изображений должно носить комплексный характер. Оно предполагает детальное и всеобъемлющее исследование контекста, в котором существуют собственно наскальные рисунки. Имеются в виду прежде всего раскопки культурных слоёв, сформированных у скал с изображениями, либо имеющих место в пещерах» [Молодин, 2004, с. 57]. Фиксируемая на томских писаницах топографическая ситуация подтверждает и расширяет этот тезис. Возможно, наши данные о том, что на вершинах скал с петроглифами археологический материал встречается лишь эпизодически, исходят из того, что этим местам археологи уделяют гораздо меньше внимания, чем почвенным отложениям непосредственно под плоскостями с изображениями.

Источники

Трусова Е. В. Отчёт о проведении археологической разведки в Яшкинском районе Кемеровской области в 2021 г. по открытому листу № 0784–2021 от 02.06.2021 г. Кемерово, 2022. 83 с. // Архив музея-заповедника «Томская Писаница».

Литература

- Бадер О. Н. Жертвенное место под Писанным камнем на реке Вишере // Советская археология. 1954. Т. 21. С. 241–258.
- Беликова О. Б., Плетнёва Л. М. Памятники Томского Приобья в V–VIII вв. н.э. Томск: Изд-во ТГУ, 1983. 244 с.
- Бородаев В. Б. Новообинцевский клад // Антропоморфные изображения. Первобытное искусство. Новосибирск: Наука, 1987. С. 96–115.
- Васютин С. А., Марочкин А. Г., Герман П. В., Сизёв А. С., Горлышкин Н. Е. Основные вызовы сохранению археологического наследия Кузбасса. Часть I: «археологическое» кладоискательство // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 2 (82). С. 307–317.
- Забияко А. П. Петроглифы Амура. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2024. 600 с.
- Заика А. Л. Неолитическое погребение в устье р. Каменки на Нижней Ангаре // Известия лаборатории древних технологий. 2009. № 7. С. 60–72.

- Ковтун И. В., Марочкин А. Г. Мифокалендарные ритуалы на местонахождении Долгая-1 у Новоромановской писаницы // Археология, этнография и антропология Евразии. 2014. № 2 (58). С. 101–110.
- Ковтун И. В., Русакова И. Д. Тутальская писаница // Теория и практика археологических исследований. 2013. № 1 (7). С. 5–32.
- Кондаков А. И., Возная А. А. Палеоландшафты окрестностей «Томской писаницы» в голоцене // Природа. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1998. С. 31–37. (Музей-заповедник «Томская писаница». Вып. 1).
- Конончук К. В., Марочкин А. Г. Предметы художественной металлопластики из окрестностей Томской писаницы // Археология, этнография и антропология Евразии. 2018. Т. 46 (№ 3). С. 83–91.
- Кочмар Н. Н. Писаницы Якутии. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1994. 263 с.
- Кубарев В. Д., Маточкин Е. П. Петроглифы Алтая. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1992. 123 с.
- Мазин А. И. Древние святилища Приамурья. Новосибирск: Наука, 1994. 100 с.
- Мартынов А. И. Эхо веков. Кемерово: Кемеровское книжное изд-во, 1970. 52 с.
- Могильников В. А. Елыкаевская коллекция Томского университета // Советская археология. 1968. № 1. С. 263–268.
- Молодин В. И. Наскальное искусство Северной Азии: проблемы изучения // Археология, этнография и антропология Евразии. 2004. № 3 (19). С. 51–64.
- Молодин В. И., Ефремова Н. С. Грот Куйлю – культовый комплекс на реке Кучерле (Горный Алтай) // Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 2010. 264 с.
- Моор Н. Н., Аболонкова И. В., Горяев В. С., Селецкий М. В., Онищенко С. С. Предварительные результаты исследования археологического контекста Томской писаницы // Журнал института наследия. 2024. № 1 (36). С. 35–41.
- Моор Н. Н., Селецкий М. В., Аболонкова И. В., Горяев В. С., Онищенко С. С., Чеботарева Е. Б. Результаты исследований археологического контекста Томской писаницы в 2023–2024 гг. // Труды VII (XXIII) Всероссийского археологического съезда: в 3 т. Красноярск: СФУ. 2025. Т. III. С. 196–198.
- Мягков И. М. Древности Нарымского края (в собрании Томского Краевого музея) // Труды Томского краевого музея. Томск: 1929. Т. II. С. 51–86.
- Овчинников Н. О «писаных» камнях в Томском уезде // Алтайский сборник. Барнаул: Издание Алтайского Под-Отдела Западно-Сибирского Отдела ИМПЕРАТОРСКОГО Русского Географического Общества. Типо-Литография Главного Управления Алтайского округа, 1910. С. 1–6.
- Ожередов Ю. И., Яковлев Я. А. Археологическая карта Томской области. Томск: Изд-во ТГУ, 1993. Т. 2. 208 с.
- Окладников А. П., Запорожская В. Д. Петроглифы Забайкалья. Л.: Наука, 1970. Ч. 2. 262 с.
- Плетнёва Л. М. Томское Приобье в конце VIII–III вв. до н. э. Томск: Изд-во ТГУ, 1977. 108 с.
- Плетнёва Л. М. Шеломокская культура // Энциклопедия Томской области. Томск: Изд-во ТГУ, 2009. Т. 2: «Н–Я». С. 916–917.
- Полосьмак Н. В., Шумакова Е. В. Очерки семантики кулайского искусства. Новосибирск: Наука, 1991. 92 с.
- Троицкая Т. Н. Кулайская культура в Новосибирском Приобье // Новосибирск: Наука, 1979. 123 с.
- Чернецов В. Н. Наскальные изображения Урала. М.: Наука, 1971. 148 с. (САИ. В4-12 (2)).
- Чиндина Л. А. Древние личины из Васюганья // Советская археология. 1971. № 4. С. 233–236.
- Чиндина Л. А. Могильник Рёлка на Средней Оби. Томск: Изд-во ТГУ, 1977. 192 с.
- Чиндина Л. А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Кулайская культура. Томск: Изд-во ТГУ, 1984. 256 с.
- Чиндина Л. А. История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья (рёлкинская культура). Томск: Изд-во ТГУ, 1991. 184 с.
- Ширин Ю. В. К истории «культовых мест» Западной Сибири // Археологические исследования в Среднем Приобье. Томск: Изд-во ТГУ, 1993. С. 152–162.
- Яковлев Я. А. Иллюстрации к ненаписанным книгам: Саровское культовое место. Томск: Изд-во ТГУ, 2001. 273 с.

ИССЛЕДОВАНИЕ ОДИНОЧНОГО КУРГАНА ШАБАНОВО-8 В КАСЬМИНСКОМ АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ МИКРОРАЙОНЕ

А. М. Илюшин

Кузбасский государственный технический университет им. Т. Ф. Горбачёва

В статье описывается история открытия и исследований одиночного кургана Шабаново-8 в долине среднего течения р. Касьмы на территории села Шабаново в Ленинск-Кузнецком муниципальном округе Кемеровской области – Кузбасса. Впервые публикуются материалы археологического погребального памятника, которые добыты в результате спасательных раскопок в 1999 г. Новые материалы описываются, классифицируются и подвергаются сравнительному типолого-хронологическому анализу. Памятник датируется развитым средневековьем (концом XII–XIII вв.) и отождествляется с шандинской археологической культурой в Кузнецкой котловине и культурой населения Восточного Дешт-и-Кыпчак.

Ключевые слова: Кузнецкая котловина, Касьминский археологический микрорайон, одиночный курган, развитое средневековье, шандинская археологическая культура

RESEARCH AT THE SHABANOVO-8 SINGLE MOUND IN KASMA ARCHAEOLOGICAL MICRODISTRICT

A. M. Ilyushin

T. F. Gorbachev Kuzbass State Technical University

The article describes the history of the discovery and exploration of the single burial mound Shabanovo-8 in the middle reaches of the Kasma River on the territory of the eponymous village in Leninsk-Kuznetsky Municipal District, Kemerovo Region – Kuzbass. This is the first publication of materials from this archaeological burial site which were obtained as a result of salvage excavations in 1999. New materials are described, classified, and subjected to comparative typological and chronological analysis. The site dates back to the Late Middle Ages (the late 12th and 13th centuries) and is associated with the Shanda archaeological culture in the Kuznetsk Basin and the culture of the Eastern Desht-I Qipchaq population.

Keywords: Kuznetsk Basin, Kasminsky archaeological microdistrict, single burial mound, developed Middle Ages, Shanda archaeological culture

Введение

Кузнецкая комплексная археолого-этнографическая экспедиция (ККАЭЭ) с 1988 г. проводит систематические полевые археологические исследования в долине р. Касьмы, которая представляет собой уникальный археологический микрорайон по количеству и разнообразию объектов культурного наследия. Археологические памятники образуют кустовые скопления, как правило, близ современных населённых пунктов. Одно из таких скоплений расположено на обоих берегах р. Касьмы близ с. Шабаново и на его территории, где выявлено более

десяти археологических памятников. ККАЭЭ долгие годы работала в этом «археологическом оазисе», раскапывая различные погребальные памятники и отдельные участки поселений, которые подвергались активному разрушению в результате воздействия антропогенных и естественных природных факторов [Илюшин, 2006]. В числе таких археологических объектов был одиночный курган Шабаново-8, раскопанный ККАЭЭ в 1999 г. [Илюшин, 2000, с. 6–11]. Однако до сих пор результаты этих исследований полностью не опубликованы и малоизвестны специалистам. Поэтому целью настоя-

щей работы является введение в широкий научный оборот материалов, добытых в результате раскопок этого кургана, и их историко-культурная интерпретация для определения места этого объекта на культурно-хронологической шкале древностей в Касьминском археологическом микрорайоне и Кузнецкой котловине. В работе используются такие методы научного исследования, как описание, типологическая классификация и сравнительный анализ.

Открытие и изучение археологического памятника. Одиночный курган Шабаново-8 на момент открытия располагался на северной окраине центральной части с. Шабаново, рядом с изгородью бывшего гаража МТС Гидромелиорации (рис. 1–3). Памятник был открыт А. М. Илюшиным в 1989 г. и визуально обследовался им же в 1992, 1993, 1995 и 1998 гг. [Илюшин, 1989, с. 6; 1992, с. 6; 1993; 1993а, с. 15; 1995, с. 49; Илюшин, Сулейменов, Ковалевский, 1995, с. 7]. При открытии и пополнении данных об археологических памятниках на территории с. Шабаново этот объект предварительно обозначался как Шабаново-4 и Шабаново-7, но уже в 1995 г. получил окончательное обозначение как Шабаново-8. При проведении визуальных обследований па-

мятника в конце 1980-х и первой половине 1990-х гг. отмечалось, что насыпь кургана подвержена частичному разрушению из-за функционирования грунтовых дорог, которые пролегали через насыпь кургана. Площадь памятника использовалась для выпаса скота, что позволяло оценивать его состояние как удовлетворительное. Однако при осмотре этого памятника в 1998 г. был установлен факт его аварийного состояния. Вблизи ЮВ полы курганной насыпи началось строительство частного хозяйственного сооружения, принадлежащего местному фермеру В. Чибиряку. Грунтовая дорога, которая проходила ранее через центральную и северную части этого археологического объекта, сильно изменила морфологию курганной насыпи, а закрытие предприятия гидромелиорации, прежде располагавшегося на территории села, привело к тому, что территория этого археологического памятника, по существу, превратилась в свалку. Эти обстоятельства и предопределили проведение аварийных (спасательных) раскопок кургана в 1999 г.

Раскопки кургана осуществлялись по общепринятой методике с учётом ближайших сооружений (изгородь и хозяйственная постройка), примыкающих к археоло-

Рис. 1. Фрагмент карты Google Maps с обозначением месторасположения одиночного кургана Шабаново-8 (1) и Шабаново-9 (2)

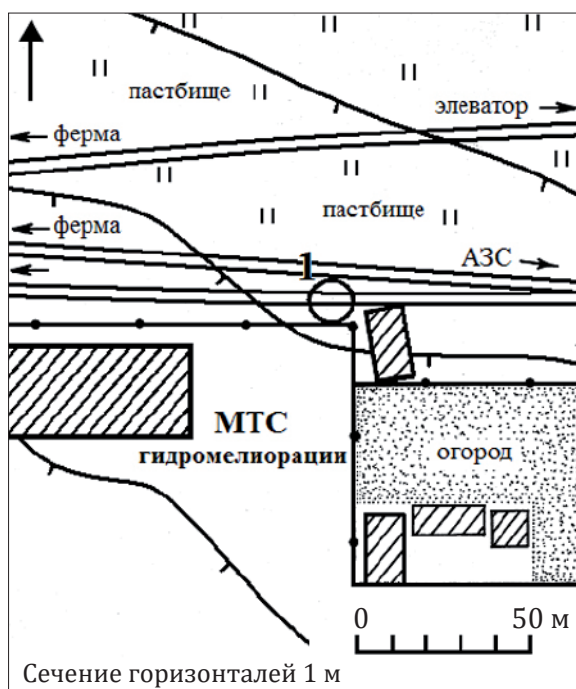

Рис. 2. План расположения одиночного кургана Шабаново-8 на момент открытия в 1989 г.

Рис. 3. Одиночный курган Шабаново-8. Вид на памятник с севера перед началом раскопок в 1999 г.

гическому объекту. Первоначально измерялись параметры раскапываемого объекта, определялся нулевой уровень, а затем делалась разметка бровки, ориентированная по линии Ю–С. После этого проводилась разборка и зачистка западной части курганной насыпи, а также зачистка профиля насыпи кургана вплоть до материка с фиксацией находок по отношению к нулевому уровню на чертежах и фото. Затем по слоям разбиралась и зачищалась восточная часть насыпи кургана с фиксацией на чертежах и фото всех выявленных конструкций на уровне материка. При раскопках насыпи кургана использовался бульдозер Т-75, с помощью которого под наблюдением сотрудников ККАЭЭ разбиралась сначала западная, а затем восточная части курганной насыпи, представлявшей собой плотный монолит грунта, укатанный и утрамбованный от воздействия ранее функционировавшей грунтовой дороги. После снятия земляной насыпи кургана при помощи техники дальнейшие раскопки велись вручную.

До начала раскопок курган представлял собой округлую, сильно задернованную, оплывшую и закатанную грунтовыми дорогами земляную насыпь диаметром 19,16 м

и высотой 0,86 м без каких-либо следов дополнительных погребальных сооружений и конструкций. В процессе раскопок насыпи кургана и зачистки материка было выявлено, что курганная насыпь находилась во внутреннем пространстве, оконтуренном рвом подтрапецевидной формы с заovalенными углами. Выборка заполнения рва и его зачистка позволили выявить первоначальные размеры всех погребальных сооружений и зафиксировать следы ритуальной тризны. Насыпь кургана имела округлую форму диаметром 19,16 м и на 1,25 м возвышалась над уровнем материка. Она состояла из слоёв дёрна 0,31 м, чернозёма 0,64 м и погребённой почвы (жёлтый суглинок) 0,30 м. В центре насыпи на глубине 0,43–0,67 м была зафиксирована прослойка из жёлтой материковой глины округлой формы диаметром 6,04 м. По профилю курганной насыпи также были выявлены следы грабительских раскопок, расположенные в центральной части. Глубина грабительских раскопок достигала уровня дна грунтовых могил и погребённой почвы 0,90–0,95 м, а диаметр ям насчитывал 2,30 м и 1,43 м. Внешние и внутренние размеры контуров рва составляли

24,16×21,67 м и 22,92×19,58 м, длинной осью он был ориентирован по линии ЮЗ–СВ, а его ширина и глубина от уровня материка равнялась 0,84–2,48 м и 0,12–0,83 м. В северо-восточной части рва был зафиксирован небольшой перешеек – вход в сакральное пространство – длиной 1,04 м, который на 0,09 м был углублён в материк и возвышался над дном рва, примыкающего к нему с северной стороны на 0,23 м, составляя с последним единое сооружение. По причине закладки фундамента хозяйственной постройки не удалось проследить ширину перешейка и его высоту по отношению к южной части рва. По этой же причине не удалось полностью исследовать ров, так как фундамент строящегося здания перекрывал его восточную часть. При зачистке рва были зафиксированы: в юго-восточной части на глубине 1,36 м скопление костей лошади; в юго-западной части на глубине 1,27 м, 1,41 м и 1,53 м три скопления костей животных без определения; в западной части на глубине 1,31 м два скопления костей животных; в северной части на глубине 1,26–1,37 м скопление из костей животных без определения в виде гряды длиной 4,58 м и шириной 0,59–1,02 м, а на глубине 1,32 м и 1,27 м скопления костей скелета овцы, лежавших в анатомическом порядке, и лошади (рис. 4–7). Во всех скоплениях, где не были проведены определения видового состава животных, присутствовали и преобладали кости лошади.

В процессе разборки насыпи кургана и зачистки материка были выявлены и обследованы две грунтовые могилы и захоронение двух собак. Приводим их описание.

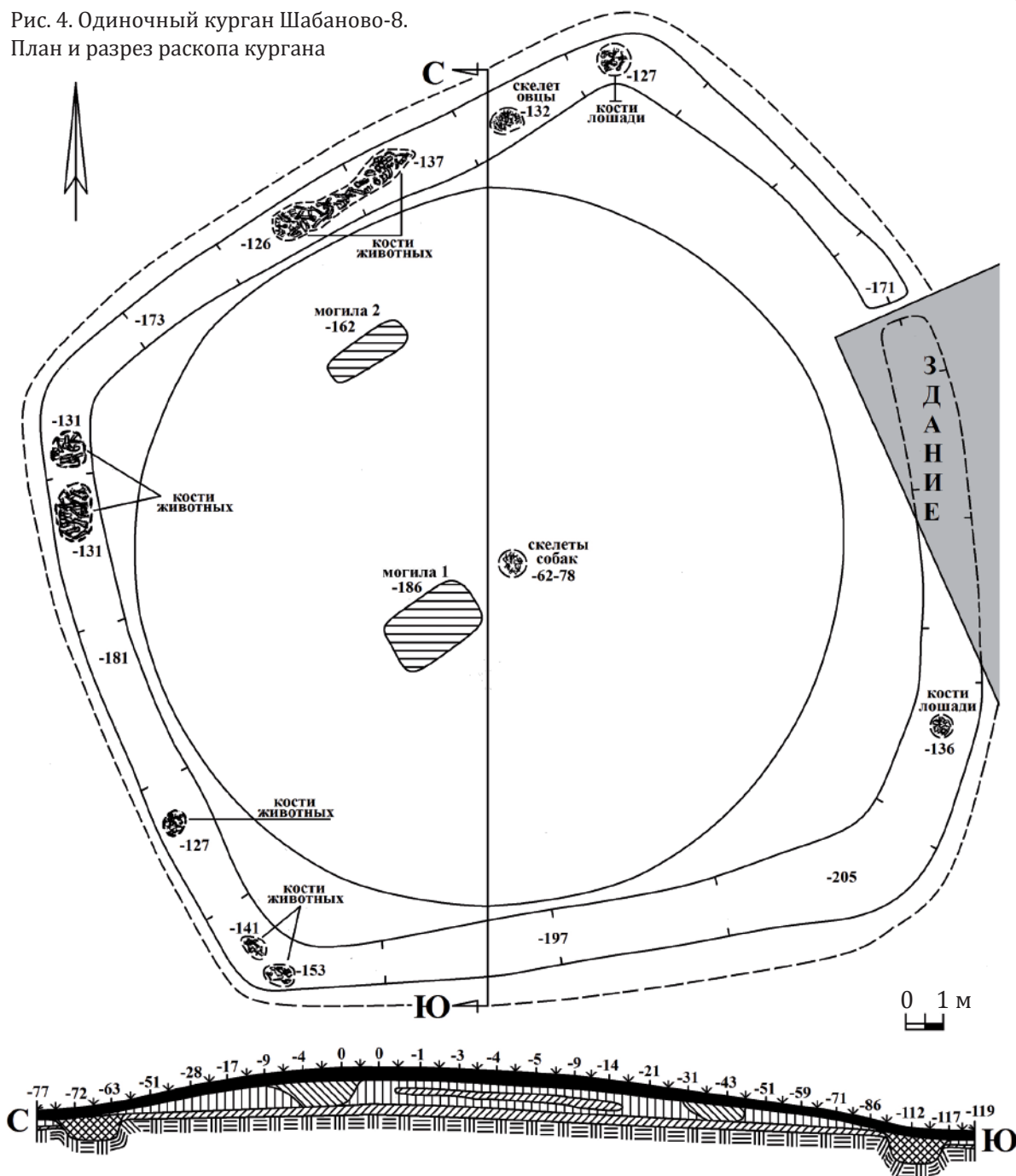
Захоронение собак (взрослой особи 7–9 лет и молодой 2–4 лет, определения сделаны на кафедре зоологии КемГУ. – А. И.) было зафиксировано в центральной части курганной насыпи, в 1,5 м на СВ от могилы 1, на глубине 0,62–0,78 м. Оно располагалось в пределах грабительского раскопа и было сильно разрушено. В анатомическом порядке сохранились лишь отдельные части скелетов (черепа, рёбра, лопатки, позвонки). По взаиморасположению могилы 1 и костей погребённых животных

можно предполагать, что они – результат единых погребально-поминальных обрядовых действий (рис. 4).

Могила 1 расположена в центральной части под насыпью кургана и представляет собой парное погребение двух взрослых людей в грунтовой могильной яме по обряду ингумации. Грунтовая могильная яма имеет форму овала размерами 3,87×2,79 м, длинной осью вытянутого по линии ЮЗ–СВ и углублена в материк на 0,54 м. Могила была подвержена грабительскому раскопу. При выборке заполнения и зачистке грунтовой могильной ямы в юго-западной и центральной частях, на глубинах 1,53 м, 1,67 м и 1,81 м, были зафиксированы разной величины фрагменты разрушенной грабителями внутримогильной деревянной конструкции. Характер и первоначальные параметры этой внутримогильной конструкции по сохранившимся фрагментам определить невозможно. Скелеты погребённых были сильно разрушены и разбросаны грабителями по всей могиле. В разрушении костных останков также активное участие приняли грызуны, чьи норы пронизывали всё внутреннее пространство могилы. В могильной яме отсутствовали черепа погребённых людей. По сохранившимся в первоначальном состоянии костным останкам можно предполагать, что погребения были совершены на дне грунтовой могильной ямы, параллельно друг другу, в вытянутом положении на спине по линии ЮЗ–СВ и были ориентированы головами на СВ. Одно погребение было совершено у южной стенки могилы, другое – у северной. У южного погребения между берцовых костей ног и справа от них на глубине 1,81 м были зафиксированы позвонки (пяти и трёх) животных (предположительно, курдючные кости барана. – А. И.), лежащие в анатомическом сочленении. В северо-восточной части могилы на глубинах 1,39 м и 1,57 м были найдены фрагменты деревянной кибиты лука и железного ножа (рис. 4; 8; 9: 1, 2; 10).

Могила 2 расположена под северо-западной полкой насыпи кургана и представляет собой погребение взрослого человека в грунтовой могильной яме по обряду ин-

Рис. 4. Одиночный курган Шабаново-8.
План и разрез раскопа кургана

гумации. Грунтовая могильная яма имела форму овала размерами 1,52×0,54 м, длинной осью вытянутого по линии ЮЗ–СВ, и углублена в материк на 0,45 м. Могила была подвержена грабительскому раскопу. После выборки заполнения и зачистки грунтовой могильной ямы на дне на глубине 1,52 м были зафиксированы два позвонка и две кости руки погребённого в могиле человека. По сохранившимся костям и месту их расположения в могиле можно пред-

полагать, что первоначально погребённый, вероятно, был ориентирован головой на СВ (рис. 4; 11; 12).

Исследование материалов. На момент раскопок одиночный курган Шабаново-8 предварительно был датирован началом II тыс. н.э. Автором высказано предположение, что этот объект был сооружён тюркоязычными кочевниками, мигрировавшими в бассейн р. Касьмы на территорию Кузнецкой котловины в предмонгольский пе-

Рис. 5. Одиночный курган Шабаново-8. Скопление костей лошади в ЮВ углу рва, фото с севера

риод [Илюшин, 2000, с. 10]. Сегодня, несмотря на разграбление и негативное антропогенное воздействие на поминально-погребальный комплекс, материалы раскопок одиночного кургана Шабаново-8 можно классифицировать по элементам-признакам погребального обряда и археологическим находкам. Раскопанный объект интерпретируется как одиночный курган, расположенный на высокой террасе, удалённой от водоёма. По размерам и форме земляной насыпи он относится к типу больших и округлых, диаметром более 12 м. По высоте насыпи курган относится к типу объектов, высота которых составляет 0,51–1,0 м. Выявленный ров, окружающий земляную насыпь, относится к типу рвов трапециевидной формы с заваленными углами, длинной осью вытянутых по линии ЮЗ–СВ, с ритуальной площадкой. Во рву были выявлены девять скоплений костей животных, семь из которых можно отнести к типу кости животных (без определения), и по одному типу – скопления костей лошади и овцы. При разборке курганной насыпи на глубине были выявлены захоронения двух собак. Под насыпью кур-

гана выявлены две могилы. По способу захоронения они относятся к группе ингумации, по типам – парное захоронение взрослых людей на спине в вытянутом положении (без определения пола) и одиночное погребение взрослого человека с неуставленной позой. Захоронения совершены в грунтовых ямах, углубленных в материк, без каких-либо дополнительных сооружений. Ямы имеют овальную форму без каких-либо конструкций над ними. В заполнении и на дне могилы 1 выявлены фрагменты дерева без определения внутримогильной конструкции. Ориентация грунтовых могильных ям по длинной оси ЮЗ–СВ. Ориентация всех погребённых взрослых людей головой на СВ. В могиле 1 были зафиксированы кости овцы или барана и предметы вооружения. Последние были представлены фрагментами деревянной кибиты лука и железного ножа.

Совокупность этих данных позволяет провести сравнительный типолого-хронологический анализ с другими погребальными памятниками Касьминского археологического микрорайона и Кузнецкой котловины. Из 20 типов-признаков элемен-

тов погребального обряда, выявленных в Шабаново-8, наибольшее количество (12) аналогий в долине р. Касьмы фиксируется в погребальных памятниках Торопово-1 и Мусохраново-1, а также (11) в Шабаново-9. Эти памятники датированы XIII–XIV вв., второй половиной XII – началом XIII в. и XII–XIII вв. [Илюшин, 1999, с. 68; 2010, с. 105; 2021, с. 66]. На других территориях Кузнецкой котловины по количеству аналогий можно выделить курганные могильники Ишаново (12 общих типов-признаков) и Новокамышенка (11), расположенные в долинах среднего течения рек Ур и Иня. Эти погребальные памятники датированы концом XII–XIII вв. и рубежом XII–XIII вв. [Илюшин, 2014, с. 70; 2021, с. 73]. Корреляция дат памятников, на которых было обнаружено наибольшее количество аналогий выявленным на Шабаново-8 типам-признакам погребального обряда, позволяет датировать этот объект концом XII–XIII вв. Все погребальные памятники, с которыми было выявлено наибольшее сходство по элементам-признакам погребального обряда, относятся к шандинской археологической культуре в Кузнецкой котловине, которая входит в басандайскую

Рис. 6. Одиночный курган Шабаново-8. Скопления костей животных в ЮЗ и З частях рва, фото с ЮЮЗ

Рис. 7. Одиночный курган Шабаново-8. Скопления костей животных в северной части рва, фото с ЮЮЗ

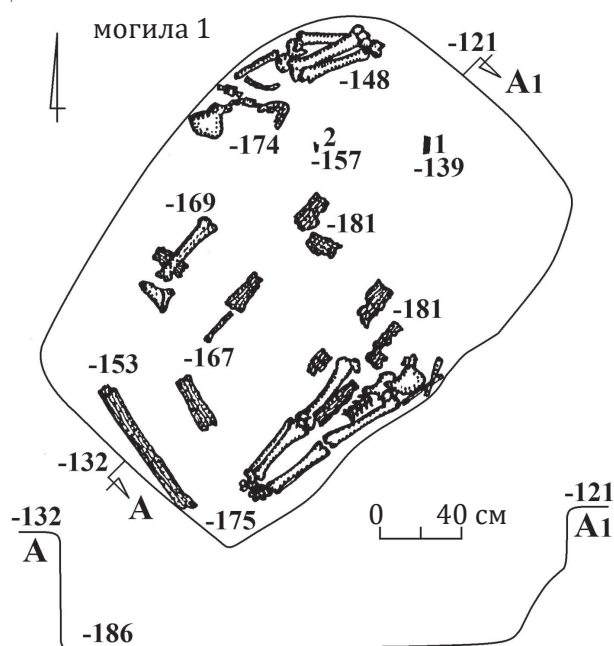

Рис. 8. Одиночный курган Шабаново-8. План и разрез могилы 1. Находки: 1 – фрагмент кибити лука; 2 – фрагмент ножа

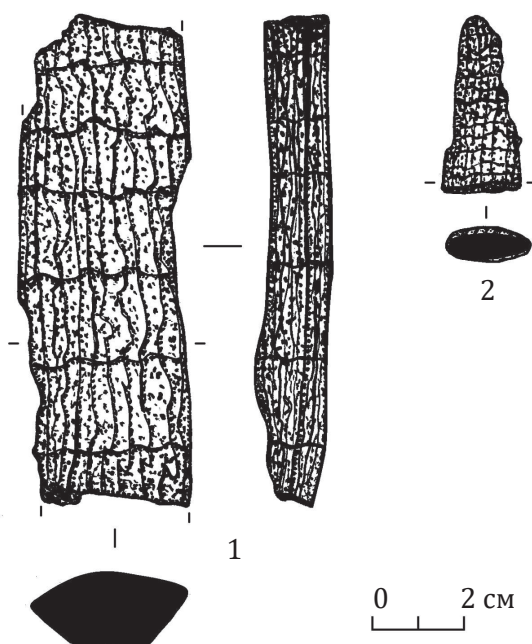

Рис. 9. Одиночный курган Шабаново-8. Находки из могилы 1: 1 – фрагмент кибити лука, 2 – фрагмент ножа; 1 – дерево; 2 – железо и дерево

Рис. 10. Одиночный курган Шабаново-8. Вид на могилу 1, фото с ССВ

этнокультурную общность Верхнего Приобья и является составной частью Восточного Дешт-и-Кыпчак [Илюшин, 1998; 2005, с. 120–125; 2011; и др.]. Это позволяет отнести исследуемый объект к этой же культуре и общности.

Найденные захоронения собак в центральной части курганной насыпи в 1,5 м на СВ от могилы 1 позволяют высказать новую гипотезу об этом элементе поминально-погребального обряда. Подобные захоронения собак под курганными насы-

пиями вблизи грунтовых могил известны на территории Кузнецкого Присалаирья по раскопкам погребальных памятников Озерки-1, Мусохраново-1 и Ишаново, которые датируются в пределах второй половины XII–XIII вв. [Васютин А., Васютин С., Онищенко, 2012, с. 145; Илюшин, 2014, с. 8, 9, 80; 2017; 2021, с. 12, 90]. Ранее с учётом того, что выявленные захоронения собак, как правило, находились в пределах грабительских раскопов, эти артефакты связывали с религиозными воззрениями грабителей. Была высказана гипотеза, что их размещали на месте грабежа для самосохранения от преследования «злых духов или сил» из разграбленной могилы, способных отомстить грабителям за сделанные ими разрушения [Илюшин, 2021, с. 90]. Однако публикуемые материалы позволяют высказать иную гипотезу. С учётом того, что захоронения собак фиксируются практически на синхронных и однокультурных объектах, можно предполагать, что они являются одним из элементов поми-

нально-погребального обряда. Их расположение близ могил (домов умерших) свидетельствует о том, что они, вероятно, выполняли свою традиционную функцию охраны погребённых.

Не исключено, что статус этого памятника как одиночного кургана Шабаново-8 в перспективе может поменяться на курганную группу или курганный могильник. В пользу этого свидетельствуют следующие факты.

Во-первых, со слов местных жителей известно, что в 1987 г. Кузбасский отряд Южно-Сибирской археологической экспедиции кафедры археологии КемГУ под руководством В. В. Боброва раскопал объект, внешне похожий на одиночный курган Шабаново-8, который располагался в 20–30 м на ЮВ от него. На момент открытия нами одиночного кургана Шабаново-8 в 1989 г. следы этих раскопок отсутствовали, так как на этом месте уже функционировал огород усадьбы по ул. Молодёжная, 6. Материалы этих раскопок и разведок Кузбас-

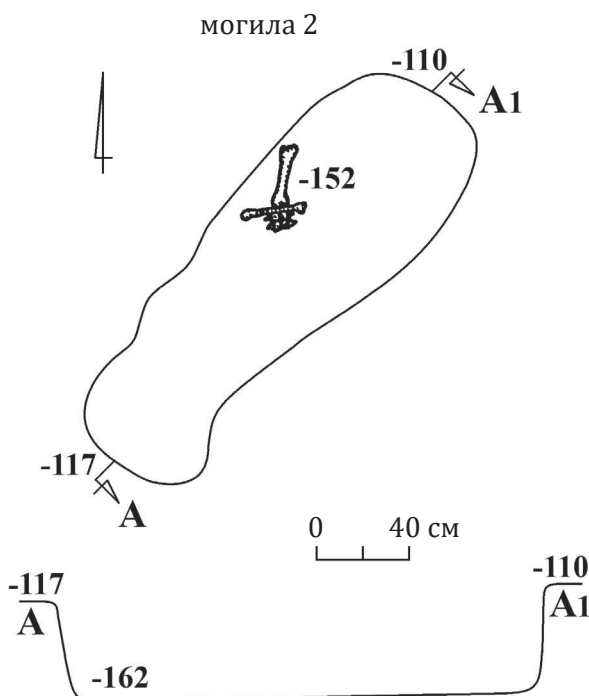

Рис. 11. Одиночный курган Шабаново-8. План и разрез могилы 2

Рис. 12. Одиночный курган Шабаново-8. Вид на могилу 2, фото с ЮЗ

ского отряда в долине р. Касьмы и на территории с. Шабаново 1987 г. не введены в широкий научный оборот и отсутствуют в архивах и фондах музеев. Зато известно, что в 1958 г. А.И. Мартынов на территории с. Шабаново открыл два земляных кургана диаметром 8–14 м и высотой 0,5–1,0 м, которые располагались в 250 м на север от семилетней школы [Мартынов, 1963, с. 23; Кулемзин, Бородин, 1989, с. 72]. По этим данным исследуемый одиночный курган Шабаново-8, вероятно, входил в состав этой курганной группы из двух объектов.

Во-вторых, в 1993 г. на северной окраине с. Шабаново в 0,5 км на СВ от Шабаново-8 ККАЭЭ был открыт ещё один одиночный курган – Шабаново-9 (рис. 1), который был раскопан в 1999 г. [Илюшин, 1993, с. 15; 1993а, с. 15, 16; 2000, с. 11–16]. Материалы, полученные в ходе раскопок одиночного кургана Шабаново-9 при публикации были датированы XII–XIII вв., отнесены к шандинской археологической культуре и отождествлены с культурной традицией кыпчаков [Илюшин, 2005, с. 39, 120–126; 2010]. Проведённый выше сравнительный анализ типов-признаков элементов погребального обряда свидетельствует, что объекты Шабаново-8 и Шабаново-9 очень близки между собой. Это позволяет высказать гипотезу, что они представляют собой остатки некогда единого крупного

курганного могильника, который располагался на северной окраине современного с. Шабаново, но был подвержен разрушению под воздействием разнообразных антропогенных факторов (распашка, сооружение кладбища, хозяйственное и домашнее строительство).

Заключение

Участниками ККАЭЭ в конце 1980-х и 1990-е гг. в Касьминском археологическом микрорайоне на территории с. Шабаново в Ленинск-Кузнецком муниципальном округе Кемеровской области – Кузбасса были исследованы ранее выявленные и открыты новые археологические объекты. Публикуемые материалы раскопок одиночного кургана Шабаново-8 в 1999 г. были датированы концом XII–XIII вв. и отождествлены с шандинской археологической культурой развитого средневековья Кузнецкой котловины. Сходство этого объекта с ранее опубликованными материалами одиночного кургана Шабаново-9 [Илюшин, 2010], а также результаты исследований курганной группы Шабаново-3, поселений Шабаново-5 и Шабаново-10 [Илюшин, 1998а; 2015; 2016; 2025] позволяют предполагать, что этот памятник был сооружён населением, которое проживало в развитии средневековья на территории современного с. Шабаново и являлось составной частью Восточного Дешт-и-Кыпчак.

Источники

Илюшин А. М. Отчёт о разведке археологических памятников на территории с. Шабаново и в его окрестностях в Ленинск-Кузнецком районе Кемеровской области в 1989 году. Кемерово, 1989 // Научно-отраслевой архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 13650–1990.

Илюшин А. М. Отчёт о результатах археологических исследований на территории Беловского, Гурьевского и Ленинск-Кузнецкого районов Кемеровской области в 1992 году. Кемерово, 1992. 150 с. // Архив кафедры археологии КемГУ, д. 655.

Илюшин А. М. Отчёт об археологических разведках в Гурьевском и Ленинск-Кузнецком районах Кемеровской области в 1993 году. Кемерово, 1993. 63 с. // Из личного архива автора.

Илюшин А. М. Отчёт о полевых исследованиях по картографированию археологических памятников на территории Ленинск-Кузнецкого района Кемеровской области в 1993 году. Кемерово, 1993а. 24 с., 59 илл. // Из личного архива автора.

Илюшин А. М. Отчёт о полевых археологических исследованиях Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции в 1995 году. Кемерово, 1995. 363 с. // Из личного архива автора.

Илюшин А. М. Отчёт об аварийных археологических раскопках на территории села Шабаново в Ленинск-Кузнецком районе Кемеровской области в 1999 году. Кемерово, 2000. 89 с. // Из личного архива автора.

Илюшин А. М., Сулейменов М. Г., Ковалевский С. А. Отчёт об охранных археологических исследованиях Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции на территории Ленинск-Кузнецкого района Кемеровской области в 1995 году. Кемерово. 1995. 159 с. // Из личного архива автора.

Мартынов А. И. Список археологических памятников Кузбасса. Кемерово, 1963 // Из личного архива автора.

Литература

Васютин А. С., Васютин С. А., Онищенко С. С. Калтышинский археологический микрорайон в конце VIII – первой половине XI вв. н. э.: природа и культура (степное Присалаирье). Кемерово: ОФСЕТ, 2012. 213 с.

Илюшин А. М. Басандайская этнокультурная общность на территории Верхнего Приобья в период развитого средневековья (по материалам Кузнецкой котловины) // Этническая история тюркских народов Сибири и сопредельных территорий. Омск: ОмГУ, 1998. С. 91–94.

Илюшин А. М. Курганная группа Шабаново-3 // Вопросы археологии Северной и Центральной Азии. Кемерово–Гурьевск: Изд-во КузГТУ, 1998а. С. 54–78.

Илюшин А. М. Население Кузнецкой котловины в период развитого средневековья (по материалам раскопок курганного могильника Торопово-1) // Труды Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции. Кемерово: Изд-во КузГТУ, 1999. Т. 3. 208 с.

Илюшин А. М. Этнокультурная история Кузнецкой котловины в эпоху средневековья. Кемерово: Изд-во КузГТУ, 2005. 240 с.

Илюшин А. М. Картографирование и раскопки археологических памятников в окрестностях села Шабаново // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Азбука, 2006. Вып. XV. С. 208–211.

Илюшин А. М. К вопросу о кыпчакском компоненте в культуре средневекового населения Кузнецкой котловины (по материалам раскопок Шабаново 9) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2010. № 1. С. 97–106.

Илюшин А. М. Басандайская этнокультурная общность как Верхнеобская орда восточного Дешт-и-Кыпчак // Этническая история и культура тюркских народов Евразии. Омск: Издатель-Полиграфист, 2011. С. 130–132.

Илюшин А. М. Курганы кыштымов в долине Ура // Труды Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции. Кемерово: Изд-во КузГТУ, 2014. Т. 8. 216 с.

Илюшин А. М. Новые материалы о местах проживания населения Кузнецкой котловины в развитом средневековье // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Изд-во АГУ, 2015. Вып. XXI. С. 92–98.

Илюшин А. М. Поселение Шабаново-5 как объект культурного наследия средневекового населения Кузнецкой котловины // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Изд-во АГУ, 2016. Вып. XXII. С. 98–104.

Илюшин А. М. Курганная группа Озерки-1 (классификация и культурно-хронологический анализ материалов) // Научно-технический прогресс: актуальные и перспективные направления будущего. Кемерово: ЗапСибНЦ, 2017. Т. I. С. 17–19.

Илюшин А. М. Средневековые курганы в долине Касьмы // Труды Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции. Кемерово: Изд-во КузГТУ, 2021. Т. 9. 195 с.

Илюшин А. М. Курганный могильник Новокамышенка // Труды Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции. Кемерово: Изд-во КузГТУ, 2024. Т. 10. 192 с.

Илюшин А. М. Исследования на поселении Шабаново-5 в Касьминском археологическом микрорайоне // Учёные записки музея-заповедника «Томская Писаница». 2025. Вып. 21. С. 13–36.

Кулемзин А. М., Бородкин Ю. М. Археологические памятники Кемеровской области: Материалы к Своду памятников истории и культуры СССР. Кемерово: Кемеровское книжное изд-во, 1989. Вып. I. 158 с.

НОВЫЕ НАСКАЛЬНЫЕ РИСУНКИ ЭПОХИ РАННЕЙ БРОНЗЫ В ВОСТОЧНЫХ ПРЕДГОРЬЯХ КУЗНЕЦКОГО АЛАТАУ

Т. А. Ключников¹, А. Л. Заика², В. Е. Матвеев³, Д. А. Грачёв⁴

¹ АНО «Археологическое исследование Сибири»;

² Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева;

³ ООО «Научно-производственное объединение “Археологическое проектирование и изыскания”»;

⁴ Независимый исследователь

Статья посвящена новому памятнику наскального искусства, расположенному в горно-таёжной части Республики Хакасия, на южных склонах Батенёвского кряжа. В ходе исследований в местности «Сорские столбы» были обнаружены четыре участка с изображениями, нанесёнными красной краской. Найденные рисунки стилистически входят в круг образов окуневской археологической культуры и могут быть датированы эпохой ранней бронзы.

Ключевые слова: Республика Хакасия, Батенёвский кряж, наскальные изображения, росписи, окуневская культура, ранний бронзовый век

NEW ROCK PAINTINGS FROM THE EARLY BRONZE AGE IN THE EASTERN FOOTHILLS OF THE KUZNETSK ALATAU

T. A. Klyuchnikov¹, A. L. Zaika², V. E. Matveev³, D. A. Grachev⁴

¹ NPO “Archaeological Research of Siberia”;

² V. P. Astafiev Krasnoyarsk State Pedagogical University;

³ “Archaeological Projects and Research” Scientific and Production Association LLC;

⁴ Independent researcher

The article focuses on the study of a new rock art site in the mountain-taiga area of the Republic of Khakassia, on the southern slopes of the Batenyovo Ridge. During research in the Sorskie Stolby area, four sites with images painted in red were found. Stylistically, the discovered paintings belong to the circle of images of the Okunevo archaeological culture and can be dated to the Early Bronze Age.

Keywords: Republic of Khakassia, Batenyovo Ridge, rock art, painted rock art images, Okunevo culture, Early Bronze Age

Введение

Наскальные рисунки в местности «Сорские столбы» были впервые обнаружены краеведом и экскурсоводом из г. Абакана Д. А. Грачёвым. В марте и октябре 2025 г. на основании предоставленной им информации объект был обследован объединённым отрядом АНО «Археологическое исследование Сибири», ООО «Научно-производственное объединение “Археологическое проектирование и изыскания”» и Красноярского государственного педагогического университета.

Памятник расположен в Усть-Абаканском районе Республики Хакасия, в 12 км к юго-западу от д. Белелик, на вершине Косинского хребта (абсолютные отметки до 1015 м), в центральной части Батенёвского кряжа, на одной из его возвышенностей – горе Большой Чалпан (967 м). Рисунки приурочены к скальным выходам, имеющим неофициальное наименование «Сорские столбы» (рис. 1). Они представляют собой столбообразные выходы пород интрузивного магматического происхождения (грано-сиениты). Рельеф местности

Рис. 1. Карта с указанием расположения новых наскальных изображений, выявленных в 2025 г.

среднегорный с характерной для подтаёжной зоны Хакасии растительностью, представленной берёзой, лиственницей, осиной, сосной, елью. Геология района расположения археологических объектов представлена породами как магматического, так и метаморфического, а также осадочного типов.

Всего в ходе исследований было выявлено четыре локальных участка наскальных изображений, получивших название по ближайшему населённому пункту и вершине, на которой они находятся, «Белелик. Петроглифы (Писаница Большой Чалпан)».

Участниками отряда была проведена фотосъёмка плоскостей с наскальными изображениями, составлены топографические планы участков с рисунками и их описание. Для обработки исходных фотографий применялась программа ImageJ (плагин DStretch).

Описание объектов

Поскольку описание участков «Белелик. Петроглифы 1» (Писаница Большой Чалпан 1) и «Белелик. Петроглифы 2» (Писаница Большой Чалпан 2) было ранее опубликовано авторами в Окуневском сборнике (3) [Заика и др., 2025], в настоящей статье приводится лишь краткая характеристика этих местонахождений.

Белелик. Петроглифы 1 (Писаница Большой Чалпан 1)

Объект представляет собой глыбу гранита, выступающую из осыпей южного склона хребта. Высота каменного блока составляет порядка 5–6 м, ширина – 7–8 м. Южная нижняя часть его обвалилась на высоте 2,5 м, раскололась почти пополам и внешний сегмент длиной 3 м сдвинулся по осыпи на 2 м вниз, образовав скальную нишу и узкий проход между ними. Внутри неё, на тыловой поверхности ниши и внешней грани «внутреннего» сегмента обвалившегося блока выявлены рисунки, выполненные красной охрой различных оттенков.

Плоскость 1 находится в левой верхней части внешней грани «внутреннего» сегмента обвалившегося блока. Рисунки, выполненные охрой светло-бордового оттенка, выявлены на высоте 0,5–1,5 м от подножия и занимают участок шириной в 1,5 м. Поверхность грани сравнительно ровная, имеются локальные повреждения в местах отслоения скальных пород на глубину до 1,5 см. Плоскость вертикальная, под небольшим положительным углом наклона (+10°) обращена на юго-запад.

В верхней части плоскости изображена крупная антропоморфная личина шири-

ной около 1 м. Сохранились боковые фрагменты по всей видимости её полукруглого контура, который ограничен верхним краем каменного блока. Ниже, вдоль левого края камня выявлена фрагментарно сохра-

нившаяся орнито-антропоморфная фигура, обращённая в правую сторону (в сторону личины). Фигура фас-профильная: голова и ноги её показаны в профиль, туловище и верхние конечности – в фас (рис. 2).

Рис. 2. Белелик. Петроглифы 1 (Писаница Большой Чалпан 1). Плоскость 1 (фото до и после обработки в DStretch)

Плоскость 2 расположена за пределами отслоившегося блока, на расстоянии 1 м левее плоскости 1 и практически на одном уровне с ней, на соседней обнажившейся поверхности гранитной глыбы. Шириной 0,9 м, она находится на высоте 1,35 м от подножия и под небольшим отрицательным углом наклона (-18°) обращена на юго-юго-восток. Плоскость сравнительно ровная, покрыта обширной полосой известковых натёков, в границах которых хорошо видны выполненные ярко красной с вишнёвым оттенком охрой широко расставленные округлые пятна двух глаз личины и ниже – короткая наклонная линия рта (рис. 3).

Белелик. Петроглифы 2 (Писаница Большой Чалпан 2)

Объект находится в 330 м к северо-западу от первого местонахождения на вершине хребта и представляет собой столбовидный гранитный останец. На юго-западной стороне вследствие обвала скальных блоков образовался небольшой грот (вход шириной около 2 м), к которому приурочены рисунки.

Плоскость 1 имеет высоту 2,35 м, ширину 3,3 м и крутой наклон (-60°); является правой стенкой грота, обращена на северо-запад. Обнаруженные на плоскости фрагменты красочных линий могут формировать рисунок копытного животного, обращённого в левую сторону. С определённой долей вероятности можно полагать, что изображён бык в позе «внезапной остановки».

Плоскость 2 находится в 3,4 м левее входа в грот на широком скальном фризе. Высота её 2 м, ширина 1,4 м. Плоскость вертикальная, под небольшим отрицательным углом наклона (-15°) обращена на северо-восток. В центре плоскости зафиксирована антропоморфная неоконтуренная личина, выполненная красной охрой бурого оттенка (рис. 4).

Белелик. Петроглифы 3 (Писаница Большой Чалпан 3)

Участок расположен на вершине хребта в 85 м к северо-востоку от писаницы Большой Чалпан 1, в 288 м к юго-востоку от пи-

саницы Большой Чалпан 2. Он приурочен к скальной нише длиной 16 м, глубиной до 4,5 м и высотой до 6 м, экспонированной на северо-восток. Рисунки выполнены красной охрой, зафиксированы на протяжении 10 м на четырёх плоскостях.

Плоскости указываются по порядку в направлении с севера на юг.

Плоскость 1 длиной 0,9 м и высотой 0,4 м находится в центре ниши на высоте 2,5 м от подножия. Имеет подтреугольную форму, вертикальная, обращена на восток-северо-восток (аз. 160°). На поверхности плоскости зафиксировано несколько размытых линий красной краски, составлявших вероятно когда-то фигуративное изображение, которое в настоящее время интерпретировать не представляется возможным.

Плоскость 2 расположена в 4,5 м к юго-востоку от плоскости 1. Имеет подпрямоугольную форму, обращена на восток-северо-восток (аз. 165°). Наклон плоскости – 28° , длина – 0,5 м, высота – 0,3 м. В её центре зафиксирован рисунок «солярного знака», выполненного тонкими линиями красной краски.

Плоскость 3 расположена на скальном выступе на краю ниши, в 3 м к юго-востоку от плоскости 2. Наклон плоскости 30° , длина 0,5 м, высота 0,3 м. Обращена она на север (аз. 90°). В центре плоскости выявлено изображение «солярного знака», выполненное линиями красной краски (рис. 5).

Плоскость 4 расположена за границей ниши перед скальным прижимом в 1,5 м южнее плоскости 3. Плоскость в целом вертикальная, подпрямоугольной формы, шириной 1 м, высотой 0,9 м. Экспонирована на северо-восток (аз. 130°). В правой верхней части плоскости зафиксировано изображение «солярного знака», выполненное линиями красного цвета. В правой нижней части – две точки, также выполненные красным красителем. Кроме того, на плоскости фиксируются следы красящего пигмента, возможно – остатки разрушенных изображений. Ситуация осложняется тем, что на поверхности скалы присутствуют естественные выходы красите-

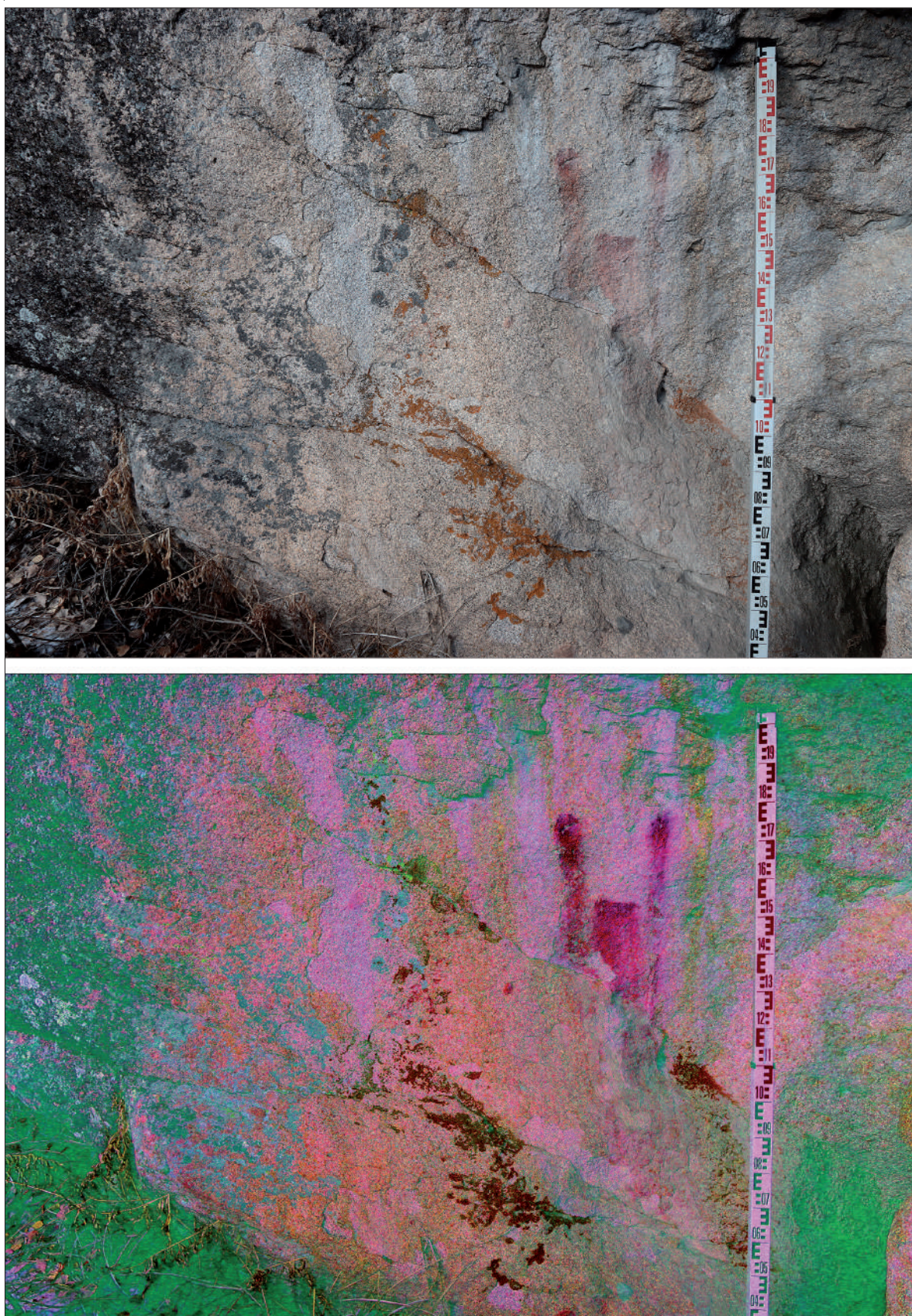

Рис. 3. Белелик. Петроглифы 1 (Писаница Большой Чалпан 1). Плоскость 2 (фото до и после обработки в DStretch)

Рис. 4. Белелик. Петроглифы 2 (Писаница Большой Чалпан 2). Плоскость 2 (фото до и после обработки в DStretch)

ля красного цвета, приуроченные к многочисленным выломам и трещинам. Такие выходы создают иллюзию наличия большего количества наскальных изображений и затрудняют выявление настоящих рисунков (рис. 6).

Белелик. Петроглифы 4 (Писаница Большой Чалпан 4)

Участок расположен в 330 м к северо-западу от объекта «Белелик. Петроглифы 1» и в 20 м к юго-западу от участка «Белелик. Петроглифы 2», на юго-западной стороне

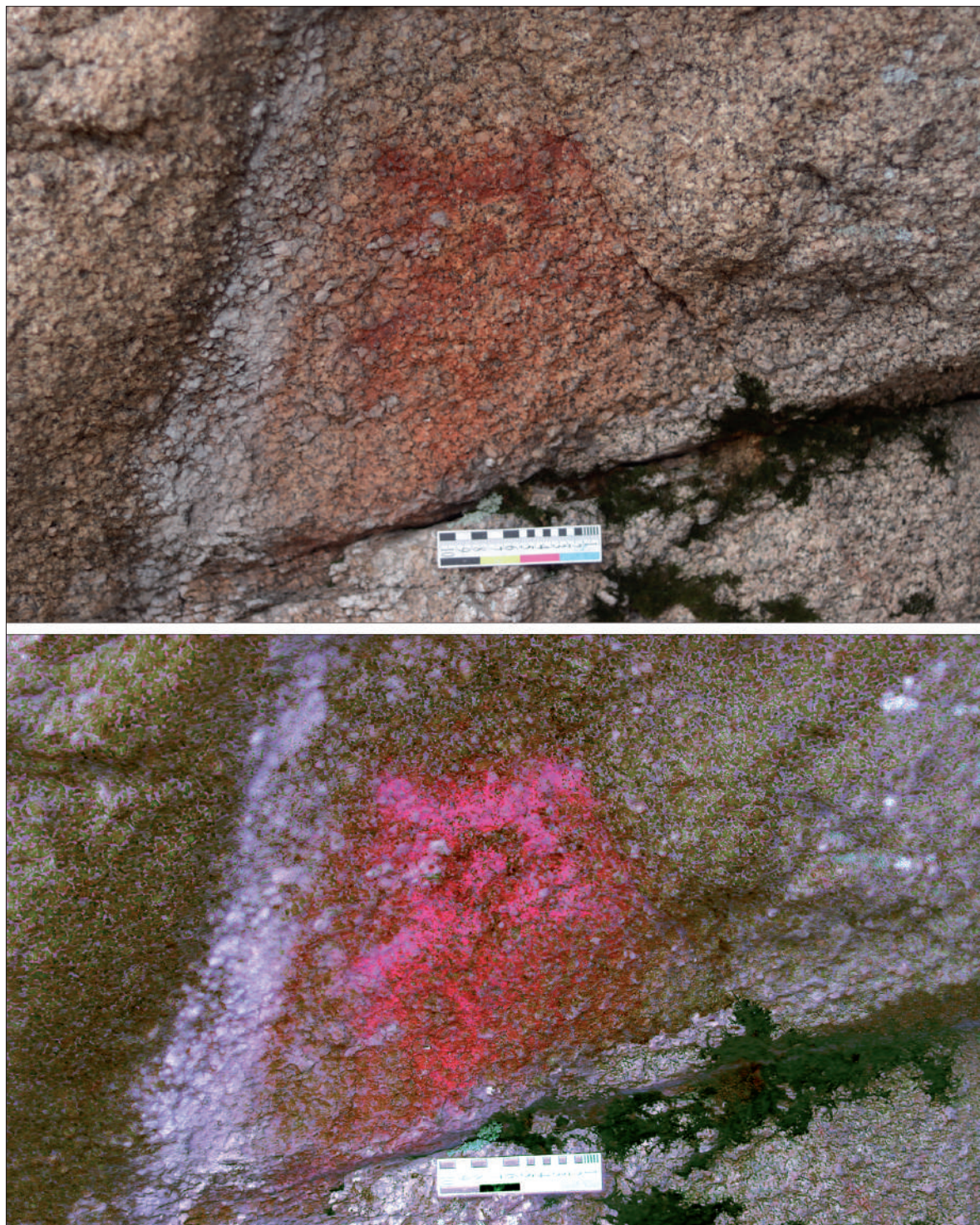

Рис. 5. Белелик. Петроглифы 3 (Писаница Большой Чалпан 3). Плоскость 3 (фото до и после обработки в DStretch)

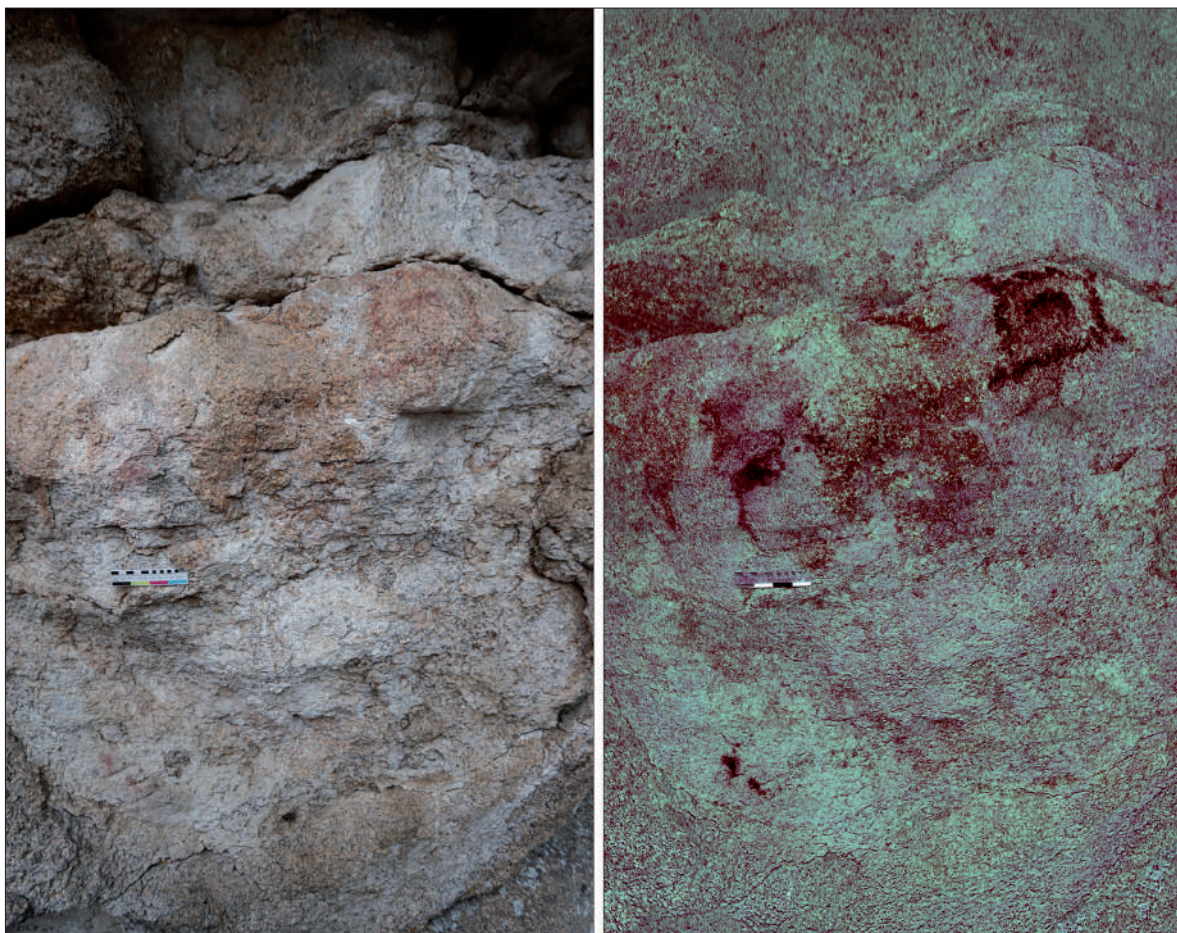

Рис. 6. Белелик. Петроглифы 3 (Писаница Большой Чалпан 3). Плоскость 4 (фото до и после обработки в DStretch)

того же скального выхода. На участке зафиксирована одна плоскость с изображениями двух «солярных» знаков.

Высота плоскости 1,4 м, ширина 0,3 м. Плоскость почти вертикальная и ориентирована на юго-запад. Рисунки расположены в верхней её части, на высоте 1,15 м от подножья (нижний знак). По стилю рисунки этого участка идентичны изображениям предыдущего, но имеют важное отличие – у обоих знаков отсутствует точка в центре круга (рис. 7).

Выводы

Судя по стилистическим и иконографическим признакам, а также сюжетным характеристикам рисунков, их следует соотносить со временем существования окуневской культуры эпохи ранней бронзы Хакасско-Минусинской котловины. Антропоморфные изображения, обнаруженные на Батенёвском кряже, имеют многочислен-

ные аналогии среди сюжетов окуневского искусства, как на скалах, так и на могильных плитах и изваяниях [Леонтьев и др., 2006]. Птицеголовый персонаж находит прямые соответствия рисункам на плитах окуневского кургана Тас-Хааза [Липский, Вадецкая, 2006, табл. XIV, XIX, рис. 4]. «Солярные» символы в виде округлых или квадратных контуров с четырьмя лучами и пятном в центре широко представлены среди сюжетов окуневского искусства на могильных плитах и изваяниях [Леонтьев, 2006, с. 271], а также предметах мобильного искусства [Лазаретов, 2006, табл. XIV, 3; Гультов и др., 2006, рис. 10; 6, рис. 6, 1].

Таким образом, новые находки рисунков на Батенёвском кряже расширяют ареал окуневского наскального искусства и по своим топо-ландшафтным характеристикам вносят значимые коррективы в устоявшиеся представления о приорите-

Рис. 7. Белелик. Петроглифы 4 (Писаница Большой Чалпан 4). Плоскость 1 (фото до и после обработки в DStretch)

тах в выборе мест для наскального творчества древним населением эпохи ранней бронзы Хакасско-Минусинской котловины. Во всяком случае, окуневские изображения на вершинах хребтов в горно-таёжной местности вдали от водотоков зафиксированы впервые. Также впервые окуневские

изображения «солярных» символов зафиксированы на скальных поверхностях. Обнаруженные наскальные рисунки, по всей видимости, маркируют культовое место, располагавшееся на вершинах Батенёвского кряжа. Дальнейшие исследования объектов будут продолжены.

Литература

Заика А. Л., Ключников Т. А., Матвеев В. Е. Окуневские изображения на скалах Батенёвского кряжа // Окуневский сборник. Вып. 3. Материальная культура и погребальный обряд, антропология, искусство и ритуальные практики. Санкт-Петербург: ИИМК РАН, 2025. С. 226–234.

Ключников Т. А., Заика А. Л., Матвеев В. Е., Грачёв Д. А. Новые писаницы Батенёвского кряжа // Сборник докладов и сообщений «Мартьяновские краеведческие чтения». Минусинск: МРКМ им. Н. М. Мартьянова, 2025. Вып. 18. С. 119–122.

Леонтьев Н. В., Капелько В. Ф., Есин Ю. Н. Изваяния и стелы окуневской культуры. Абакан: Хакаское книжное изд-во, 2006. 236 с.

Леонтьев С. Н. К вопросу о керамической традиции окуневской культуры Среднего Енисея // Окуневский сборник 2. Культура и её окружение. СПб.: Изд-во «Эликсис Принт», 2006. С. 260–272.

Лазаретов И. П. Окуневские могильники в долине реки Уйбат // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология. СПб.: «Петро-РИФ», 1997. С. 19–64.

Гультов С. Б., Подольский М. Л., Цыганков И. Н. Окуневский курган «94-й километр» // Окуневский сборник 2. Культура и её окружение. СПб.: Изд-во «Эликсис Принт», 2006. С. 120–129.

КОМПАРАТИВНАЯ ПАЛЕОЛИНГВОГЕНЕТИКА

И. В. Ковтун

Независимый исследователь

Работа представляет новую мультидисциплинарную отрасль научного знания, названную автором компаративной палеолингвогенетикой. Обоснованы предмет и метод зарождающейся науки, синтезирующей результаты в области естественных и гуманитарных исследований.

Ключевые слова: индоиранцы, индоарии, уральские языки, мифология, палеогенетика, глоттохронология, языковое родство, сейминско-турбинский феномен, аркаимо-синташтинский комплекс, абашевская культура

COMPARATIVE PALEOLINGUOGENETICS

I. V. Kovtun

Independent Researcher

The paper introduces a new multidisciplinary branch of scientific knowledge termed by the author as comparative paleolinguogenetics. It substantiates the subject matter and method of this emerging field of research synthesizing results from the natural sciences and humanities.

Keywords: Indo-Iranians, Indo-Aryans, Uralic languages, mythology, paleogenetics, glottochronology, linguistic affinities, Seima-Turbino phenomenon, Arkaim-Sintashta complex, Abashevo culture

I

Последнее десятилетие отмечено попытками сопоставления древних обладателей определённых гаплогрупп с представителями современных крупных этноязыковых конгломератов/языковых семей. Пожалуй, чаще других эта корреляция проводилась в отношении носителей индоиранских и уральских диалектов. Передача и наследование специфических генетических маркеров не составляют самостоятельного доказательства принадлежности их носителей к общей языковой группе. Но в сочетании с наследуемым мировоззренческим комплексом и глоттохронологическими соответствиями подобное заключение обретает аргументированную обоснованность. При сохранении в производном сообществе, наряду с генетическими кодами, этиологически схожей картины мира, типичных мифокалендарных мотивов, сопоставимой космогонии и теогонии, очевидно прямое наследование ключевых идейных догматов, а не опосредованное фрагментарно-спорадическое заимствование. Доктриналь-

но целостная мировоззренческая система описывает устройство мира, природу общественных институтов и место индивидуума в этих реалиях, от рождения человека до посмертного перевоплощения души. Фиксация и передача данных установлений в изустной и изобразительной форме сопровождалась обрядовыми фасцинациями. Подобные средства особого воздействия охватывали иные жанры фольклора: музыкально-песенный, танцевальный и др. В этот фольклорно-эпический ряд входят культовые, магические, мифокалендарные и иные прототеатральные сцены, сводящиеся к воспроизведению эпизодического содержания мифов лицами со жреческими прерогативами. Такие устные и образно-знаковые «тексты», взаимосвязанно воплощённые в различных видах традиционного и/или ритуального искусства, аккумулируют инвариантные социокультурные коды, передающиеся при пространственно-временных трансформациях взаимодействующих сообществ. Указанные проявления общественного сознания и архетипов

коллективного бессознательного как продуктов духовной культуры древних социумов образуют предмет компаративной мифологии или область исследований археологической палеоэтнологии и палеофольклористики.

Идейные нарративы мировоззренческой доктрины органично и неразрывно связаны с языком коммуникации индивидуумов и языковой/диалектной принадлежностью социальных объединений. Языковая среда буквально переплетена с системой доминантных мировоззренческих представлений, подобно генам, передающимся от исходного носителя к социоконтактным субъектам и далее к их потомкам. Указанный механизм представляется областью такой специальной дисциплины как когнитивная лингвистика, в предмет которой входят в т.ч. языковые формы концептуализации и категоризации палеофольклора. Это сфера иррационально обусловленных и социально-детерминированных речевых актов, отличающаяся стереотипизацией лексических средств выражения и канонизацией означаемого плана содержания. Поэтому базовое условие восприятия мировоззренческого контента реципиентами социума сводится к владению языком са크ральных нарративов усваиваемого идейно-доктринального массива. При отсутствии языкового барьера и брачных связях участников контактирующих сообществ инвариантная комбинация генетических маркеров и мировоззренческих паттернов распространяется в следующих поколениях, а равно в производных социокультурных образованиях. Следовательно, инвариантное сочетание наследуемых генетических показателей и схожего мировоззренческого уклада при адекватной глоттохронологии возникновения/филиации данной языковой общности/диалекта удостоверяет языковое родство и преемственность индивидов выборки.

Но иногда общие гаплогруппы присутствуют в популяциях, относящихся к обоим ветвям языковой семьи или к различным языковым семьям. В указанных случаях восприятие мировоззренче-

ских постулатов представителей одной диалектной группы носителями другого языка не могло не сопровождаться состоянием внутри-/межгрупповой диглоссии или иной формы билингвизма. Не исключены и языковые ситуации, обусловленные культурно-историческим взаимодействием нескольких полидиалектных группировок. Именно такое состояние по антропологическим, генетическим и культурным признакам скорее всего сопровождало бытованию многих сейминско-турбинских сообществ. В частности, похожую картину отражает ряд памятников сейминско-турбинского круга в восточной части ареала [Ковтун, 2012г, с. 14, 15; 2013в, с. 41 и др.].

Известны и другие эпохально близкие ситуации подобного сочетания. Например, В. В. Иванов усматривал в полиэтнической, по его мнению, культуре Аркаима-Синташты след северной группы праиранцев, продвигавшейся на Кавказ, в Южное Приуралье, Среднюю Азию и контактировавшей с носителями северокавказского и картвельского языков [Иванов, 2003, с. 8]. Он полагал, что состав диалектов, взаимодействовавших в аркаимо-синташтинское время в южноуральском и соседних регионах, включал индоевропейские, особенно индоиранские и, возможно, тохарский, финно-угорские, енисейские и северокавказские языки [Иванов, 1999, с. 45]. По мнению исследователя, неоднородное население «протогородов» аркаимо-синташтинского комплекса говорило уже на восточно-иранском диалекте скифской (аланской) группы, финно-угорском и (пра)енисейском языках при явном преобладании восточно-иранского субстрата [Иванов, 2004, с. 63]¹. Подобное многоязычие В. В. Иванов считал характерным признаком аркаимо-синташтинского периода, присущим «всей области распространения древних металлопроизводящих городищ Южного Урала». Это удостоверяют взаимопроникновения терминов индоевропейских, особенно индоиранских и, возможно, тохарских, финно-угорских, енисейских и северокавказских языков, обозначавших металлы, колеснич-

¹ Вероятно, под восточно-иранской подразумевается древне(восточно)иранская, иначе «ранне-древнеиранская» группа диалектов [Гамкрелидзе, Иванов, 1984, с. 854].

ную атрибутику и лошадей [Иванов, 1999, с. 45–47]. В одной из последних публикаций В. В. Иванова с Т. В. Гамкрелидзе вновь отмечалось присутствие иранского субстрата в аркаимо-синташтинском комплексе: «Синташта (где есть основания предполагать иранский слой населения)» [Гамкрелидзе, Иванов, 2013, с. 128].

Неоднородность аркаимо-синташтинского массива, обусловленная тесным полиэтническим и полидиалектным взаимодействием, удостоверяется и данными палеоантропологии. Отмечена исключительная механическая смешанность синташтинской популяции, представлявшей конгломерат разнородных антропологических типов, ещё не успевших перемешаться между собой [Зубова, Чикишева, Поздняков, 2014, с. 553].

Такую этнолингвокультурную мозаичность подтвердили и результаты палео-генетических исследований человеческих образцов из аркаимо-синташтинских захоронений: «Наш анализ 50 особей из могильника синташтинской культуры Каменный Амбар 5 выявил множественные группы аномальных особей, которые мы напрямую радиоуглеродно датировали как современников основного кластера, но которые также имели генетические отличия, указывая на то, что это был космополитичный памятник.

Одна группа аномальных особей имела повышенную долю центрально-степной_EМВА (Энеолит Средний Бронзовый Век. – *И. К.*) (в основном связанной с WSHG (родственные охотникам-собираателям Западной Сибири, т.е. древний, вероятно, неолитический генетический субстрат. – *И. К.*)) родословной, другая – повышенную долю западно-степной_EМВА (связанной с ямной культурой), а третья – повышенную долю родословной, связанной с ЕЕНГ» (восточноевропейская культура охотников-собираателей с предковой компонентой, восходящей к охотникам-собираателям Восточной Европы VI тыс. до н. э. – *И. К.*) [Narasimhan et al., 2019, p. 7].

В качестве наследуемых признаков индивидуума и социальной группы генетическая инвариация передаётся физиологически, а мировоззренческая – в беспись-

менных обществах – изустно. Условием первой остаются исключительно брачные связи или, как минимум, межполовые контакты, а залогом мировоззренческой преемственности выступают системные практики социализации и аккумуляции. Устойчивое сочетание двух этих факторов в хронологически длительном и пространственно протяжённом градиенте транскультурных взаимосвязей представляется обоснованным доказательством языкового родства эпохально и территориально отдалённых сообществ. При этом ключевым верифицирующим признаком выступает двойная комбинация (бикомбинация) устойчиво повторяющихся (инвариантных) генетических кодов и мировоззренческих паттернов, присущих индивидуумам и образуемым ими коллективам. Иначе говоря, необходимо совпадение неизменного сочетания оригинальных духовных и телесных качественных признаков, устойчивое соединение которых повторяется в последующих сообществах.

Абрис контуров этой области познания охватывает трансотраслевое сопереесечение популяционной палеогенетики, археологической палеоэтнологии и палеофольклористики, связующих данные глоттохронологии и компаративной мифологии. Соответственно, в основание метода реконструкции языковой принадлежности положены бикомбинированные инвариации генетических маркеров и доктринальных мировоззренческих представлений, выявленные в эпохально различных сообществах. Так, совпадение двух независимых сравнительных линий в сочетаниях устойчивых повторений схожих значений объединяет наследуемые генетические и социолингвофольклорные коды в единое и взаимно удостоверяемое доказательство хронологически отдалённого языкового родства. Наконец, данные лексикостатистики позволяют соотнести генетикомировоззренческие инвариации с глоттохронологическим древом филиации различных языковых/диалектных популяций.

Таким образом, верификация истоков постиндоиранских и прото-/раннеуральских диалектов обусловлена мультидисциплинарным кваттетом содержательно

сочетаемых данных археологии, палеогенетики, сравнительно-исторического языкознания и компаративной мифологии или археологической палеоэтнологии и палеофольклористики. В этой интегральной совокупности достоверность ретроспективной идентификации носителей языка/диалекта опирается на перечисленные взаимно подтверждающие основания. При исключении любой из четырёх составляющих архитектура метода и генеалогическая реконструкция утрачивают доказательную устойчивость, подобно потерявшему равновесную опору трёхногому стулу. Поэтому диахронная связь языков древних и современных сообществ удостоверяется только четырёхкомпонентной системой соподчинённого и непротиворечивого комплекса инвариантных соответствий.

Археологические изыскания предоставляют остеологические образцы, сведения о комплексе материальной и отчасти духовной культуры, определяют место, время и окружение объектов исследования. Палеогенетический анализ этих образцов выделяет предковые генетические компоненты и формирует пространственно-временной градиент включающих их популяций. Сравнительно-историческое языкознание охватывает ареальный базис реконструкций языкового родства и глоттохронологические основания соотнесения данных археологии и палеогенетики с вехами дивергенции искомым языковым групп и/или диалектов. Компаративная мифология, археологическая палеоэтнология и палеофольклористика определяют трансэпохальные инвариантные доминанты мировоззренческого комплекса: от археологических культур до современных популяций-носителей определённых диалектов и их языковых семей.

Итак, для нового мультидисциплинарного направления определены особый предмет и специальный многокомпонентный метод научного познания. В корреляции взаимодоверяющих данных четырёх дисциплин раскрывается содержание методологии ретроспективного кладолингвогенетического и сравнительного палеофольклорного исследования. Предметная область формирующегося направления

сводится к установлению истоков и путей генерации носителей языков/диалектов в составе древних социумов, представленных поликультурными свитами, перипатетическими сообществами и отдельными археологическими культурами. Соответственно, ключевой предмет изысканий охватывает социокультурные атрибуты и пространственно-временные факторы происхождения и генеалогии крупных языковых общностей/семей. По совокупности субдисциплинарных составляющих, особому предмету и системно организованным методическим приёмам анализа это обособленное научное направление представляется компаративной палеолингвогенетикой. Так, на сопереесечении археологии, популяционной палеогенетики, сравнительно-исторического языкознания и компаративной мифологии/археологической палеоэтнологии или палеофольклористики рождается самостоятельная область научного знания.

II

Палеогенетические основы этого научного направления заложены исследовательской группой под руководством Дэвида Райха (Department of Genetics and Human Evolutionary Biology Harvard Medical School and Harvard Faculty of Arts and Sciences) [Narasimhan et al., 2019, p. 5, 11; Zeng et al., 2025; Райх, 2020, с. 212, 213].

Параллельно в схожем тематическом направлении в отношении истоков уральской языковой семьи небезуспешно продвинулся и другой коллектив специалистов, в работе которого автору также довелось участвовать [Childebayeva et al., 2024]. В обоих случаях ключевая идея исследовательского замысла заключалась в корреляции предковых компонентов представителей археологических культур неолита и эпохи бронзы с генетическими маркерами современных носителей искомым языков/диалектов. Полученные результаты позволили сформулировать аргументированную гипотезу о языковой принадлежности ряда древних социокультурных образований Северо-Западной и Центральной Азии, об истоках отдельных языковых семей и их филиаций. Но обоснование такого языкового родства нуждается в глоттохроноло-

гических схождениях и установлении мировоззренческих/мифодоктринальных инвариаций, связующих современных и предполагаемых древних представителей языковых общностей.

В свою очередь даже при имеющихся глоттохронологических верификациях, но без естественно-научных методов палеогенетики, выводы автора о праиндоарийском/протоиндо-нуристанском и уральском компонентах в сейминско-турбинских популяциях также оставались детально обоснованной версией. Аналогичная ситуация – и с идеей взаимодействия сейминско-турбинских, абашевских и аркаимо-синташтинских социумов, наряду с прочими субстратами включавших диалекты как минимум двух различных ветвей распадающейся позднеиндоиранской общности [Ковтун, 2012в, с. 53–66; 2012г, с. 6–16, 24–27, 29, 33–36, 38–57, 60–65, 68–80, 83–89, 94–96; 2013в, с. 41, 59, 108–110, 145, 174, 179–180, 182 и др.; 2016, с. 88, 97, 156 и др.; 2019а, с. 3, 4, 173; и др.]. Но сравнительный палеогенетический анализ и глоттохронологические соответствия подтвердили обоснованность указанных констатаций, опиравшихся на компаративную мифологию, археологическую палеоэтнологию или палеофольклористику позднеиндоиранских/праиндоарийских/протоиндо-нуристанских, пра-/древнеиранских и прафинно-угорских/праобско-угорских народов.

Так оформляющийся междисциплинарный синтез образует основание самостоятельной научной дисциплины и её оригинального научного метода, определяющих горизонты нового научного знания. При этом достоверность полученных результатов подтверждается непротиворечивым схождением сопоставимых значений естественно-научных и гуманитарных отраслей. С применением такого мультидисциплинарного подхода связаны перспективы и масштаб формирующегося информационного поля. Результат данной работы раскрывает происхождение главных групп крупнейшей индоиранской ветви (не менее 1,7 млрд. человек) самой большой языковой семьи мира – индоевропейской, а также истоки уральской семьи языков (более 25 млн. человек). Поэтому научное значе-

ние и социокультурные факторы подобных исследований сложно переоценить.

До недавнего времени по остеологическим образцам человека с финального неолита до эпохи бронзы и позже возможно было определить в основном дату, возраст, пол, антропологические характеристики и палеодиету индивидуума, отчасти его прижизненные заболевания и травмы, включая смертельные. Применение методологического арсенала компаративной палеолингвогенетики открыло возможность установления языка или диалекта группы языков, на котором говорил обладатель исследуемых скелетных фрагментов.

III

Около двадцати лет автором обосновываются системные соответствия значимого мировоззренческого компонента сейминско-турбинского, елунинского, самусьского и иных социумов развитой бронзы Северо-Западной Азии ряду ключевых мотивов, сюжетов и персонажей протоведийской мифологии. Эти идеи и доводы опубликованы, главным образом, в 2008–2019 гг. и позднее в серии из сорока работ, включая шесть монографий [Ковтун, 2008, с. 140, 141, рис. II, 1; 2009, с. 404–406; 2010, с. 188, 189; 2010а, с. 115–118; 2010б, с. 77–83; 2010в, с. 121–123; 2010г, с. 66–80; 2011, с. 109–111; 2011а, с. 331–338; 2011б, с. 92–111; 2011в, с. 121–128; 2012, с. 172–178; 2012а, с. 106–116; 2012б, с. 95–105; 2012в, с. 53–70; 2012г; 2013, с. 195–204; 2013а, с. 138–141; 2013б, с. 18–35; 2013в; 2014, с. 470–478; 2014а, с. 5–13; 2014б, с. 10, 15, 19, 22, 24, 25, 28, 29, 31, 39–43, 61–63, 92–94, 108, 109, 111–121, 123, 130, 138, 139, 145–147; 2014в, с. 61–68; 2015, с. 51–61; 2016; 2017, с. 494, 495; 2017а, с. 110–116; 2019, с. 66–101; 2019а; 2020, с. 86–89; Kovtun, 2021, р. 49–65; Ковтун, 2021, с. 77, 81; 2021а, с. 64–66; 2021б, с. 26, 27, 36–41; 2021в, с. 359, 364–366; 2023, с. 15, 16, 18–22, 25–28; 2024, с. 23–28; 2024а, с. 29, 33–36; 2025, с. 186–188; 2025а, с. 54–64].

Сейчас изложенные выводы получили точные палеогенетические подтверждения, совпадающие с предшествующими антропоморфологическими наблюдениями и сведениями глоттохронологии. Указанные данные удостоверяют сопряжённость смысловых значений изобразительных и риту-

ально-обрядовых артефактов сейминско-турбинского и аркаимо-синташтинского, андроновского и постандроновского времени с архаичными контекстами древнейших литературных памятников и фольклорных источников ведийской, постведийской и пра-/древнеиранской (авестийской) эпохи.

Ранее установлено, что представители брахманских и ряда других высоких каст современного населения Индии принадлежат, главным образом, к особому, т. н. неоиндийскому антропоморфологическому типу. Индивидуумы данного типа отличаются светлой или умеренно смуглой кожей, заметным, хотя и довольно умеренным развитием третичного волосяного покрова, прямыми волосами, сглаженными скулами, почти полным отсутствием эпикантуса, очень узким и резко выступающим носом, ортохейлийной, средней толщины верхней губой, что в совокупности соответствует кругу европеоидных форм. С этим типом сопоставлен темнокожий «палеоиндийский» тип, сочетающий австралоидные, европеоидные и даже монголоидные вариации и переходный между ними «мезоиндийский» тип. С «мезоиндийским» типом и с переходным от «неоиндийского» к «мезоиндийскому» типу связаны, в основном, средние касты, но изредка встречаются низкие и несколько высоких каст. В палеоиндийской группе сосредоточены исключительно низкие касты и племенные группы. Данные различия обоснованно связывались с миграцией светлокожего европеоидного арийского населения, занявшего привилегированное положение в древнеиндийском социуме, закреплённое в системе кастовых отношений [Арутюнов, 2003, с. 423–425]. Благодаря труднопроницаемости кастовых границ, эти расовые и антропоморфологические различия сохранились до настоящего времени. При этом симптоматично, что к арийским мигрантам восходят представители жреческого сословия, составлявшие высшую варну брахманов – хранителей архаичных мировоззренческих и ритуальных традиций.

Новейшими генетическими исследованиями подтверждено, что истоки двух привилегированных брахманских каст – брах-

манов (брахминов) и бхумихаров – в значительной степени восходят к скотоводам азиатских степей эпохи развитой бронзы. Из 140 проанализированных южноазиатских популяций только шесть групп обнаружили генетическую связь с древними степными сообществами. Представители пяти из этих шести групп относятся к высоким брахманским кастам: «Степное происхождение современных жителей Южной Азии в первую очередь идёт по мужской линии и наиболее чётко прослеживается в группах брахманов (брахминов) и бхумихаров. Большая часть степных предков в Южной Азии – мужчины, что говорит об асимметричном социальном взаимодействии между потомками степных скотоводов и людьми Indus Periphery Cline. Группы, считающие себя жреческими, включая брахманов (брахминов), являющиеся традиционными хранителями литургических текстов на раннем индоевропейском языке санскрите, как правило, имеют больше степных предков, чем ожидалось (хотя есть исключения) на основе смешения ANI (Ancestral North Indian – предки северной Индии. – И. К.) – ASI (Ancestral South Indians – предки южной Индии. – И. К.), что представляет независимую линию доказательств степного происхождения индоевропейских языков Южной Азии», и далее: «тот факт, что у традиционных хранителей религиозных ритуалов на санскрите (брахманов) (брахминов) больше степных предков, чем предсказывалось по простому смешению ASI–ANI, предоставляет независимую цепь свидетельств – помимо отличительного профиля происхождения, общего для Южной Азии и Восточной Европы бронзового века, отражающего общие черты индоиранских и балто-славянских языков, – в пользу степного происхождения индоевропейских языков Южной Азии в эпоху бронзы» [Narasimhan et al., 2019, p. 5, 11; см. также: Райх, 2020, с. 212, 213].

Показателен социальный статус обладателей «степного генетического субстрата» и «неоиндийского» антропоморфологического типа. Индивиды с такой антропологической внешностью выделяются не только общими генетическими признаками, но и относятся к одному социальному рангу

в системе кастовой иерархии. Следовательно, генетические истоки высших кастовых популяций непосредственно связаны с их социальными функциями, важнейшая из которых заключается в сохранении и передаче сакральных нарративов, зафиксированных в древних ведийских и постведийских текстах. Из числа этих людей и выявлены носители «степного генетического субстрата». Поэтому совпадение данных генетики, антропоморфологии и принадлежности к жреческим кастам указывает на северные истоки мировоззренческих представлений, к наиболее архаичным пластам которых восходит ведийская мифологическая традиция.

Авторы цитированного исследования резюмируют итоги своей работы: «После упадка цивилизации долины Инда её народы смешались с людьми на юго-востоке, образовав одну из двух основных предковых популяций Южной Азии, чьи прямые потомки живут в Южной Индии. Одновременно они смешались с потомками степных скотоводов, которые, начиная примерно с 4000 лет назад, распространялись через Центральную Азию, образовав другую основную предковую популяцию. Степная родословная в Южной Азии имеет тот же профиль, что и в Восточной Европе бронзового века, отслеживая движение людей, которое затронуло оба региона и, вероятно, распространило отличительные черты, общие для индоиранских и балто-славянских языков» [Narasimhan et al., 2019, p. 1].

Время появления «степного генетического субстрата» в Южной Азии исследователи определяют рубежом III и II тыс. до н.э.: «4000 лет назад», «2000 г. до н.э.», а его проникновение в Индостан связывают со степной предковой генетической компонентой: «Наш анализ показывает, что в Центральной степи и Минусинской кот-

ловине в эпоху средней и поздней бронзы западно-степная MLBA-группа (Средний Поздний Бронзовый Век. – И. К.) смешивалась с примерно 9 % предков ранее проживавших в регионе людей, имеющих предковую принадлежность к WSHG (родственные охотникам-собираателям Западной Сибири, т.е. древний, вероятно, неолитический генетический субстрат. – И. К.), образуя особый кластер центрально-степной MLBA-группы, который стал основным каналом распространения скотоводческой ямной культуры в Южную Азию»², и далее: «Между 2000 и 1000 г. до н.э. люди, в основном центрально-степного происхождения MLBA, продвинулись в сторону Южной Азии, смешиваясь с людьми вдоль периферийного клина Инда, что привело к образованию степного клина... После ~2000 г. до н.э. смеси разнородных популяций – ASI и ANI – объединились, образовав современный индийский клин, представленный сегодня разнообразными группами в Южной Азии...

Хотя древняя ДНК задокументировала перемещения степных скотоводческих предков на запад, обеспечивая вероятный канал распространения многих индоевропейских языков в Европу, цепочка передачи в Южную Азию осталась неясной из-за отсутствия соответствующей древней ДНК. Наши наблюдения за распространением центрально-степных MLBA-предков в Южную Азию в первой половине II тыс. до н.э. предоставляют это особо примечательное доказательство, дающее правдоподобное генетическое объяснение лингвистического сходства между балто-славянской и индоиранской подсемьями индоевропейских языков...

Таким образом, в Европе мы имеем недвусмысленный пример того, как люди с предками из степи оказывали глубокое

² Под ямной культурой подразумеваются не одноимённые сообщества, а предковая генетическая компонента, ранее унаследованная мигрантами от неких представителей ямной культурно-исторической общности. В конце III тыс. до н.э. этот поток обрёл выраженный южный вектор, зафиксированный и в Бактрийско-Маргианском археологическом комплексе: «Предки, происходящие от ямной культуры, появились к 2100 г. до н.э., поскольку с 2100 по 1700 г. до н.э. мы наблюдаем выбросы из трёх памятников, связанных с ВМАС, с указанием происхождения, в конечном итоге, происходящего от западных степных скотоводов ЕМБА... Таким образом, наши данные документируют движение на юг предков, в конечном счёте, произошедших от степных скотоводов-ямников, которые распространились в Центральную Азию к рубежу второго тысячелетия до н.э.» [Narasimhan et al., 2019, p. 4].

демографическое влияние на регионы, в которые они распространялись, одновременно перенимая важные аспекты местной материальной культуры. Наши результаты документируют аналогичное явление в Южной Азии, где местное аккультурированное население имеет до ~20 % предков, полученных от западно-степного EMBA, согласно нашему моделированию (через ~30 % предков, внесённых группами центрально-степного MLBA). Наш анализ также предоставляет вторую линию доказательств связи между степным происхождением и индоевропейскими языками. Обогащение степным происхождением в группах, которые считают себя традиционно жреческими, примечательно, поскольку некоторые из этих групп, включая брахманов, являются традиционными хранителями литературы, написанной на раннем санскрите. Возможное объяснение заключается в том, что приток центрально-степных MLBA предков в Южную Азию в середине II тыс. до н.э. создал метапопуляцию с различной долей степного происхождения, причём люди с большей степной родословной (или меньшей примесью к группам индской периферии) имели тенденцию более тесной связи с индоевропейской культурой.

Из-за сильной эндогамии, которая держала группы в целом изолированными от соседей на протяжении тысячелетий, часть этой популяционной субструктуры сохраняется в Южной Азии среди современных хранителей индоевропейских текстов» [Narasimhan et al., 2019, p. 5, 11, 12].

Группа западно-степного MLBA-кластера «включала людей археологических комплексов шнуровой керамики, срубной, петровской и синташтинской культур, расселявшихся на обширном пространстве от границы Восточной Европы до северо-западного Казахстана». При этом симптоматично, что проникновение в Южную Азию осуществлялось носителями генетической предковой компоненты Central Steppe_MLBA, отличающейся от западно-степной MLBA примесью, полученной восточнее Зауралья от автохтонного населения Казахстана и Западной Сибири: «дополнительный кластер, Central Steppe_MLBA, который отличается от Western Steppe_

MLBA, поскольку он несёт около 9 % дополнительной родословной, полученной от скотоводов бронзового века Центральной степи, в первую очередь, связанной с WSHG родословной (Central Steppe_EMBA). Таким образом, особи с родословной Western Steppe_MLBA смешивались с местным населением по мере интеграции на восток и юг» [Narasimhan et al., 2019, p. 7].

Помимо представителей абашевской и синташтинской культур, предковая компонента Steppe_MLBA, маркирующая нелинейную миграционную диффузию протоиндоевропейцев/праиндоариев в Южную Азию, зафиксирована у репрезентативного количества индивидуумов из Ростовки и Сатыги XVI: «Индо-иранская экспансия была связана с распространением Steppe_MLBA от населения Синташты зауральского региона в другие части Центральной и Западной Азии ... и далее в Южную Азию. Наши данные, полученные из Ростовки и Сатыги-16, указывают на контакт и смешение между населением Steppe_MLBA (которое с точки зрения археологии, очевидно, относится к абашевской культуре [Janhunen, 2009; Chernykh, 2008; Chernykh, 2017; Ковтун, 2013]) и Yakutia_LNBA, представляя привлекательный контекст, в котором этот языковой обмен мог впервые начаться, и предлагают ещё одну линию доказательств присутствия уралоязычных групп на сейминско-турбинских памятниках, в соответствии с предшествующими определениями [Ковтун, 2013; Grunthal et al., 2022]» [Zeng et al., 2025, p. 9, 10, fig. 4].

Как видно, в образцах погребённых из двух сейминско-турбинских могильников устойчиво фигурирует сочетание степной предковой компоненты Steppe_MLBA с генетической компонентой Yakutia_LNBA, отождествляемой с распространением пра-/раннеуралоязычного населения.

Вышеперечисленные обстоятельства свидетельствует не только о степных истоках позднеиндоиранских диалектов, но и о распространении их носителями оригинального мифологического/мировоззренческого контента. Не случайно особые антропоморфологические черты «неоиндийского» типа высших брахманских каст и степные генетические признаки Ancestral

North Indian (ANI) отличают именно хранителей идейной доктрины социума. Симптоматично, что при общем степном первоисточнике указанного продвижения людей, языков и идей два генетически обособленных градиента этого процесса достигают Южной Азии и Восточной Европы. В Северо-Западной Азии эпохи развитой бронзы такое сочетание присуще только протоведийскому мировоззренческому комплексу сейминско-турбинских сообществ и продолжающим данную традицию восточноевропейским памятникам и находкам сейминско-турбинского облика. Это совпадение и транскультурная природа сейминско-турбинского феномена свидетельствуют о его значительной роли в распространении позднеиндоиранских/протоиндо-нуристанских/праиндоарийских диалектов и в генерации идейных доктрин, серии образов и сюжетов протоведийской мифологии. Сделанный вывод подтверждают инвариантные соответствия смысловых значений ритуальной сейминско-турбинской металлопластики Волго-Камья, Северо-Западной, а также Центральной Азии мифологическому содержанию древнейших пластов ведийских памятников и различных фольклорных источников. В указанном историческом контексте находят объяснения и многочисленные схождения между индоарийской и финно-угорской, а чаще обско-угорской мифологией [Ковтун, 2012а, с. 14, 15, 84–87; 2013в, с. 41, 57, 59, 91–95, 97, 103, 106–110, 118–120, 138, 145, 147, 174–180, 182, 187–201, 203–206 и др.; 2014б, с. 22, 25–29, 31, 36, 42, 43, 61–63, 111, 121, 122, 123, 130, 133–140, 145, 147; 2016, с. 108, 126, 138; 2019а, с. 43, 44, 61, 76, 155, 158, 163, 164, 174, 244; 2024, с. 21–25; 2024а, с. 34–42; 2025а, с. 55]. Общие этнолингвокультурные истоки присущи и установленной типологической близости мифологии Ригведы и евразийского шаманизма [Огибенин, 1968, с. 78, 79; Элиаде, 2000, с. 191, 250, 252, 254–256, 258–260, 369–374 и др.].

Приведённый пример наглядно удостоверяет и доказательно определяет значимое место компаративной мифологии/археологической палеоэтнологии или палеофольклористики в квартете субдисциплин палеолингвогенетики. Обладатели

инвариантного сочетания предковой «степной генетической компоненты» популяции ANI со статусом блюстителей традиционного идейного уклада демонстрируют бикомбинированную генетико-мировоззренческую наследственность подобных индивидуумов. В свою очередь, их языковая среда, органично переплетённая с мифодоктринальными нарративами, неотделима от прерогатив жрецов и адептов сакральных практик. Такая связка предопределила инвариантность совокупного градиента, преодолевшего пространство и время, но не утратившего ключевых антропоморфических, генетических и мировоззренческих доминант.

Итак, генетический и мировоззренческий «степной субстрат» у представителей брахманских каст удостоверяет нелинейное проникновение потомков многосоставной абашевско-синташтинской и сейминско-турбинской свиты культур в южном направлении. Первая стадия этого процесса фиксируется по археологическим источникам и обнаруживает очевидные признаки социокультурного интербридинга упомянутых образований. Указанные популяции составили взаимодействующую метаоснову последующей нелинейной миграционной диффузии в Южную Азию. В дальнейшем, на протяжении многих поколений материальная культура и археологический облик носителей протоиндо-нуристанской/праиндоарийской генетико-мировоззренческой бикомбинации неоднократно видоизменялись. Поэтому вся цепь преемственности обладателей такой инвариации генетических маркеров и мировоззренческих паттернов археологически трудноуловима. Соответственно, без данных палеогенетики и адекватных сведений компаративной мифологии/археологической палеоэтнологии или палеофольклористики задача культурной идентификации большинства промежуточных звеньев такой цепи не разрешима.

IV

За истекшие четверть века в сравнительно-историческом языкознании появилось три заметных лексикостатистических исследования, определяющих хронологические рубежи филиации индоиранского

состояния. Так, Р.Грей и К.Эткинсон, не будучи лингвистами, с помощью нетрадиционных методов исследования констатировали начало распада индоиранской общности 4600 лет назад или около 2600 г. до н.э. [Gray, Atkinson, 2003, p. 437].

По сути это же время удостоверяется глоттохронологией В. Блажека и И. Хегедюш. Исследователи пришли к выводу о распаде индоиранского языкового единства около 2700 г. или 2600 г. до н.э., причём, на иранскую и индо-нуристанскую ветви [Blažek, Hegedűs, 2012, p. 43]. Около 1900 г. до н.э. из индо-нуристанской ветви выделились ведийский (индоарийский) и нуристанский, а 1600 г. до н.э. датировано расхождение собственно индоарийского (ведийского) и дардского языков: «иранская и индоиранская ветви, представленные авестийским и ведийским соответственно, начали отделяться в то же время, что и предшественники авестийского и нуристанских языков, а именно примерно в 2700 г. до н.э. (или 2600 г. до н.э. с более поздним датированием ведийских и авестийских текстов), за ним последовало отделение нуристанских и ведийского примерно в 1900 г. до н.э. (или в течение 19-го века до н.э. с поздним датированием ведийских текстов)» [Blažek, Hegedűs, 2012, p. 43] (табл. 1).

Авторы ссылаются на доклад Г. С. Старостина, отнесшего начало индоарийско-иранских расхождений к середине III тыс. до н.э.: «по последним расчётам, выполненным Георгием Старостиным, время индоарийско-иранской дивергенции приходится приблизительно на 2500 г. до н.э.» [Blažek, Hegedűs, 2012, p. 43].

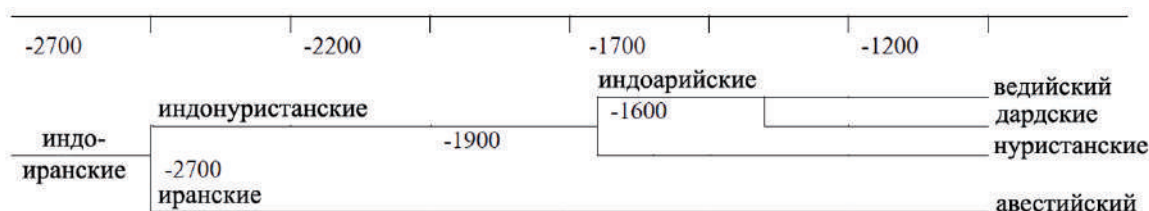
Сравнительно недавно группа российских исследователей представила байесовские даты распада индоиранской общности: 2044–1458 гг. до н.э. (в среднем 1740 г. до н.э.). Окончание этого процесса синхронизируется с закатом синташтинской куль-

туры, которую некоторые археологи отождествляют с собственно индоиранцами [Kassian et al., 2021, p. 968, Table 3; p. 972]. Думается, полученные в модифицированной процедуре исследования [Там же, p. 954–964] вышеприведённые даты фиксируют финал самого процесса дивергенции индоиранского единства, окончательно завершившегося около XVIII в. до н.э. Поэтому исходная фаза бифуркации позднеиндоиранского массива и отправная точка расхождения протоиндо-нуристанских или позднее праиндоарийских диалектов с пра-/древнеиранской кладой восходят к более ранним периодам. Накопление и проявления лексических расхождений зачастую предваряется и сопровождается взаимобусловленными социокультурными пертурбациями. Хронологические границы такого динамичного периода в доандроновской доистории юга Западной Сибири и сопредельных территорий охватывают всю вторую половину III тыс. до н.э.

Кроме того, в схеме В. Блажека и И. Хегедюш распад индоиранского состояния в 2700 г. или 2600 г. до н.э. начинается не с выделения индоариев, а с обособления иранской и индо-нуристанской ветвей [Blažek, Hegedűs, 2012, p. 43]. Время выделения ведийского (индоарийского) диалекта из индо-нуристанской ветви датировано около 1900 г. до н.э. Поэтому в этой части указанные данные близки или сопоставимы с глоттохронологией российского исследования (сравн.: [Kassian et al., 2021, p. 968, Table 3; p. 972]).

На этот хронологический отрезок ретроспективно указывают и датированные документальные свидетельства появления индоариев на исторической авансцене. Они неоднократно приводились мною в различных работах, но без их включения анализ индоиранского распада останется лакунарным. Самый известный эпизод связан с за-

Табл. 1. Филиация индоиранской клады по глоттохронологии В. Блажека и И. Хегедюш

ключённым в XIV в. до н. э. хеттско-митаннийским брачным договором, содержащим имена четырёх (или пяти) индоарийских богов. Договор заключили митаннийский царь Маттиваза и отдававший ему в жёны свою дочь хеттский царь Шуппилиума (Шуппилиума I) [Барроу, 1976, с. 31; Дюмезиль, 1986, с. 17, 18; Елизаренкова, 1989, с. 430; и др.]. Другое, более позднее прочтение царских имён: Куртивазза (Куртиваза) или Шаттивазза [Абаев, 1972, с. 31; Гиндин, 1972, с. 290, 293; Дюмезиль, 1986, с. 17] и Суппилиумас I (Супиллиума I) соответственно [Дьяконов, 1970, с. 40; Гиндин, 1972, с. 285, 293; Барроу, 1976, с. 31; Вильхельм, 1992, с. 98; Кузьмина, 1994, с. 5; Akurgal, 2001, р. 78, 79]. Позднее И. М. Дьяконов, вслед за Н. Б. Янковской, отождествил Куртиваззу со сбежавшим в результате междоусобной борьбы двух братьев за престол митаннийским принцем Шаттивасой [Дьяконов, 1995, с. 128, 129]. Но эта интерпретация ничего не меняет ни в хронологии, ни в тексте заключённого договора. Он содержит впервые идентифицированные Г. Винклером имена четырёх (точнее пяти, т. к. Ашвины составляют пару) индоарийских божеств: Митра, Варуна, Индра и Насатьи [Елизаренкова, 1960, с. 9, 10; Дьяконов, 1970, с. 41; Гиоргадзе, 1971, с. 121; Абаев, 1972, с. 31; Гиндин, 1972, с. 285, 286, 293–296, 315; Барроу, 1976, с. 31; Чаттерджи, 1977, с. 50, 60; Эрман, 1980, с. 196, 197; Гамкрелидзе, Иванов, 1984, с. 548; Дюмезиль, 1986, с. 17, 18; Вильхельм, 1992, с. 98; Кузьмина, 1994, с. 5 (имя «Митра» опущено); Хелимский, 2000, с. 503; Bryant, 2001, р. 135; Иванов, 2001, с. 29; Lamborg-Karlovsky, 2002, р. 72; Чайлд, 2009, с. 28; и др.].

Ж. Дюмезиль усматривал в «богазкёйской группе богов», засвидетельствованной и в ведийской литературе, иллюстрацию своей концепции «трёх функций», олицетворяемых перечисленными божествами: «отправление сакральных действий, военная деятельность и экономика, – иерархизированная гармония которых необходима для жизни общества» [Дюмезиль, 1986, с. 17–19, 25 и др.]. И. М. Дьяконов же предположил, что имени Варуны в договоре нет, и его упоминание является следствием неверного перевода [Дьяконов, 1990, с. 103].

Комментируя богазкёйскую находку, ещё А. Мейе полагал, что «от XIV в. до хр. э. сохранился текст, свидетельствующий, что не-индоевропейский народ митанни поклонялся индо-иранским божествам Индре и Митре» [Мейе, 1938, с. 88]. К. Ф. Смирнов и Е. Е. Кузьмина отмечают проникновение в Митанни группы индоариев, занявших в этом государстве господствующее положение. Но одновременно упомянутых в тексте хеттско-митаннийского договора богов пришельцев исследователи называют индоиранскими [Смирнов, Кузьмина, 1977, с. 53]. Позднее Е. Е. Кузьмина предложила считать данный документ верхней границей (*terminus ante quem*) выделения индоиранцев из числа других индоевропейских народов и разделения самих индоиранцев. Но противоречивость трактовки только усугубилась, поскольку пришельцы называются и индоариями, и индоиранцами, а их боги считаются индоиранскими [Кузьмина, 1994, с. 5, 189, 190]. Показательно, что эту неопределённость критически оценивал ещё Л. А. Лелеков: «К. Ф. Смирнов и Е. Е. Кузьмина не решаются чётко отделять ранних индоариев от протоиранцев даже в эпоху развитой бронзы» [Лелеков, 1978, с. 224]. При этом в более поздней работе констатируется: «...установлено, что индоиранцы Митанни были уже выделившимися индоариями» [Кузьмина, 2008, с. 175].

Г. М. Бонгард-Левин и Э. А. Грантовский отмечают принадлежность богазкёйского квартета богов к раннеиндийской традиции и отсутствие Варуны в иранском пантеоне. При этом язык митаннийских ариев считают диалектом индоиранского в завершающий период существования арийского языкового единства [Бонгард-Левин, Грантовский, 1983, с. 168]. Индоиранскими считала заимствованные имена четырёх упомянутых богов А. Камменхубер. Но, по мнению Т. Барроу, Ж. Дюмезиля и П. Тиме, боги в этом договоре уже не общеиндоиранские, а индоарийские («ведические», «индийские») [Барроу, 1976, с. 31; Дьяконов, 1970, с. 52; Дюмезиль, 1986, с. 18]. По заключению Е. А. Хелимского, язык митаннийских пришельцев являлся «несомненно арийским и, более того, индоарийским» [Хелимский, 2000, с. 503]. Т. Я. Елизаренкова также

указывает, что по лингвистическим особенностям «митаннийский арийский» является индоарийским языком [Елизаренкова, 1989, с. 431]. Т. В. Гамкрелидзе и В. В. Иванов полагают, что «уже к середине II тыс. до н. э. внутри индоиранского выделились отдельные диалекты, один из которых отражён в митаннийских арийских языковых фрагментах» [Гамкрелидзе, Иванов, 1984, с. 547]. Хотя здесь же констатируется факт «наличия особого митаннийского арийского языка, отличного от древнеиндийского и древнеиранского», что в свою очередь «должно свидетельствовать о раннем начале процесса распада арийской диалектной общности, вероятно, не позднее III тыс. до н. э.» [Там же, с. 863]. В. И. Абаев также настаивает на индоарийской – «протоиндийской» принадлежности «митаннийского арийского», видя в нём след миграции носителей данного диалекта через Переднюю Азию в Индию [Абаев, 1972, с. 32, 33, 36]. По мнению автора, выделение из арийской общности протоиндоарийской группы произошло уже на прародине ариев в Юго-Восточной Европе, между Уралом и Каспием [Там же, с. 29; 1981, с. 84, 86]. Хронологические выкладки исследователя предполагают интенсивную динамику этого процесса. Существование арийской общности, контактировавшей с финно-угорским миром, относится ко второй половине III тыс. до н. э. Её распад на протоиранскую и протоиндийскую ветви датирован первой половиной II тыс. до н. э. [Там же, с. 32, 36]. Но одновременно отмечено, что «ни в середине, ни в начале II тыс. до н. э. ни о какой арийской общности уже говорить не приходится. Ко 2-й половине этого тысячелетия не только иранская группа полностью обособилась, но внутри этой группы имели место дальнейшие глубокие дивергенции...» [Там же, с. 32]. Следовательно, сам процесс распада представляется сравнительно быстротечным и относится к рубежу III–II тыс. до н. э.

Для определения времени распада индоиранской языковой общности показательны стадийные особенности «митаннийского арийского». Так, Т. Я. Елизаренкова полагала, что он уже «эволюционировал за пределы первоначального состояния» [Елизаренкова, 1989, с. 431]. Разбирая

известный хеттский «Трактат митаннийца Киккули об уходе за лошадьми» с арийской коневодческой терминологией, И. М. Дьяконов указывает, что «гlossы в “тексте Киккули” являются не свидетельствами живого индоиранского языка, но лишь окаменелостями, которые хурритоязычные писцы, этого языка уже не знавшие, передавали чисто механически», «живого арийского языка в Митанни к XV в. уже не было» [Дьяконов, 1970, с. 41]. «Окаменевшими гlossами» называла «митаннийский арийский» и А. Камменхубер, считавшая, что в Митанни не употреблялся разговорный древнеиндийский язык. По её мнению, источником заимствований являлась небольшая верхняя прослойка арийцев, достигших Митанни между 1450 и 1350 гг. до н. э. и хурритизированная здесь [Гиоргадзе, 1971, с. 122; Ковалевская, 2010, с. 32]. Соглашаясь с гlossовым характером индоарийских вкраплений в трактате Киккули, Л. А. Гиндин делает из этого абсолютно логичный вывод о раннем историческом появлении здесь «обособленных индо-арийцев, возможно, в правление вавилонского царя Самсуиллунаса (по новой датировке 1740 г.)» [Гиндин, 1974, с. 153, 154]. Заключение автора основано на представлении о раннем (рубеж IV–III тыс. до н. э.) обособлении индоариев и иранцев и, соответственно, анахронистическом характере индоарийских вкраплений в хурритских и хеттских текстах XV–XIV вв. до н. э. [Гиндин, 1992, с. 55].

Т. В. Гамкрелидзе и В. В. Иванов отрицали причисление «митаннийского арийского» к «мёртвым» языкам, называя его «языком живого общения для митаннийцев определённого социального слоя» [Гамкрелидзе, Иванов, 1984, с. 547]. Однако одновременно они допускали обособленное существование индоариев с рубежа IV–III тыс. до н. э., указывая, что «ещё в конце IV и начале III тыс. до н. э. южнее Кавказа... были распространены различные арийские диалекты, один из которых документально фиксирован в митаннийском арийском в середине II тыс. до н. э.» [Там же, с. 917].

Вероятно, собственно «митаннийскому арийскому» предшествовал сравнительно длительный период дивергенции данного

диалекта. Одни авторы считают его индоарийским (или протоиндоарийским), другим представляются иные атрибуции в рамках индоиранской ветви (см. обзор: [Bryant, 2001, p. 136–138]). Например, И. М. Дьяконов предполагал, что в Митанни прибыли непосредственные предшественники представителей третьей ветви индоиранских языков, говорившие на дардо-кафирских диалектах. Отождествляя дардо-кафиров с бишкентско-вахшской или донгальской культурами, автор допускал алакульскую (?) культурную принадлежность их митаннийских предшественников. Соответственно, упомянутые в хеттско-митаннийском договоре божества также предположительно считались дардо-кафирскими [Дьяконов, 1995, с. 129]. По мнению исследователя, митаннийско-индоиранский контакт, приведший к появлению коневодческой терминологии в Митанни, должен был состояться в первой – второй четверти II тыс. до н. э. [Дьяконов, 1970, с. 62].

Многие исследователи полагают, что у касситов уже в XVII в. до н. э. также имелись индоарийские имена богов (см. напр.: [Гиоргадзе, 1971, с. 121; Барроу, 1976, с. 31; Эрман, 1980, с. 197; Елизаренкова, 1989, с. 430; Bryant, 2001, p. 136; Грантовский, 2007, с. 404; Чайлд, 2009, с. 27]). Разделявший такое представление Л. С. Клейн полагал, что к 1800 г. до н. э. индоарийский язык уже существовал, хотя, вероятно, выделился значительно раньше [Кони, колесницы и колесничие..., 2010, с. 171]. Помимо сравнения касситского бога солнца *Surijaas* с ведийским солнечным божеством *Sūrya*, приводятся и другие свидетельства арийских заимствований в странах Малой и Передней Азии: «В хеттских текстах встречается имя бога огня *Akni* (ср. вед. *Agni* с той же функцией). А в именах царей Передней Азии можно выделить имена богов: *Aššura* (ср. вед. *asura*) и *Jami* (ср. вед. *Yamī* – сестру-близнеца царя мёртвых *Yama*)» [Елизаренкова, 1989, с. 430; см. также, напр.: Гиоргадзе, 1971, с. 121 (мнение, включая критику А. Камменхубер); Гиндин, 1972, с. 297–300; Чаттерджи, 1977, с. 60; Эрман, 1980, с. 197; Bryant, 2001, p. 135 и др.; Иванов, 2001, с. 38; Грантовский, 2007, с. 403–405; Чайлд, 2009, с. 27–29].

Арийское происхождение, включая ведийские соответствия, установлено и для нескольких десятков личных имён из аккадских и хурритских клинописных источников митаннийских провинций и из переписки митаннийского царя Тушратты (отец Куртиваззы, 1380–1350 гг. до н. э. [Akurgal, 2001, p. 193, 194]) с правителями Египта, сохранившейся в египетском дипломатическом архиве Эль Амарна. Отложения этой индоарийской антропонимики в переднеазиатских языках связываются с небольшими привилегированными социальными группами, к XV–XIV вв. до н. э. ассимилированными хурритами [Гиндин, 1972, с. 286–292, 316, 317]. Следовательно, появление этих индоарийских имён в Митанни восходит к более ранней эпохе. При этом время перечисленных индоарийских заимствований в Передней и Малой Азии синхронно хронологическому финалу сейминско-турбинской эпохи.

В 1970 г. Э. А. Грантовский считал, что «распад арийского диалектного единства относится к рубежу III и II тыс. до н. э. или к началу последнего». Однако в 1998 г., исходя из общеиндоиранского названия колесницы и воина-колесничего, а также датировки появления колесниц XVIII в. до н. э., исследователь сделал вывод о существовании индоиранской общности и в первых веках II тыс. до н. э. Время её распада определялось с конца первой четверти до середины II тыс. до н. э. [Грантовский, 2007, с. 410]. Недавно этот терминологический аргумент использовал и А. М. Лубоцкий, но без подобающей отсылки к заимствованным соображениям предшественника [Lubotsky, 2023, p. 261]. Данный довод не представляется бесспорным, т. к. нижняя дата захоронений с колесницами не исключает более раннего возникновения колесничной терминологии. Это очевидно, как и то, что появление самих колесниц и указанной лексики заметно предшествовало времени их ритуализации и включения таких повозок, их частей или субститутов в систему погребальной обрядности. Уточнённая хронология южно-уральских колесниц восходит к финалу III тыс. до н. э., как осевому времени состоявшейся бифуркации позднеиндоиранского массива, глав-

ным образом включавшего более гомогенные абашевские, а также поликомпонентные аркаимо-синташтинские и сейминско-турбинские группировки.

Схожая с Э. А. Грантовским и А. М. Лубоцким интерпретация и у Д. Энтони, считающего, что «на общем индоиранском языке, возможно, говорили во время периода Синташты с 2100 по 1800 г. до н. э. Архаический древнеиндийский, возможно, выделился в отдельный язык из архаичного иранского (возможно, индоиранского? – И. К.) около 1800–1600 гг. до н. э.» [Anthony, 2007, p. 408].

Д. И. Эдельман полагает, что «праязыковая система иранских языков мало отличается от индоиранской и её существование относится условно к самому началу II тыс. или скорее к концу III тыс. до н. э.» [Эдельман, 2002, с. 17]. Е. А. Хелимский определял время распада индоиранского единства «ранее XVII в. до н. э., т. е. до появления андроновской культуры» [Хелимский, 2000, с. 504].

Л. А. Гиндин относил раздельное существование индоарийских и иранских диалектов к концу III тыс. до н. э. [Гиндин, 1972, с. 315; 1974, с. 153, 154]. Позже автор констатировал диалектную расчленённость арийцев на индоариев и иранцев уже на рубеже IV–III тыс. до н. э. Как уже отмечалось, основания удревнения связывались с анахронистическими индоарийскими вкраплениями в хурритских и хеттских текстах XV–XIV вв. до н. э. Начало проникновения индоариев в Месопотамию и в сопредельные области к западу датировалось XVIII–XVII вв. до н. э. [Гиндин, 1992, с. 55]. Таким образом, согласно аргументации Л. А. Гиндина, «проникновение арийцев в Месопотамию и в сопредельные области к западу могло начаться в XVIII–XVII вв., в том числе и в государство Митанни» и, соответственно, «контакты с хурритами, которые уже в XV–XIV вв. сохранили аризмы в виде анахронистических окаменелостей, приходятся на конец XVIII – начало XVII в.» [Гиндин, 1972, с. 275, 314].

Отчасти на эти выводы опирался Л. А. Лелеков, относя появление индоариев в Передней Азии к концу XVIII в. до н. э. Это событие представлялось ключевым при определении времени выделения носителей

индоарийских диалектов: «Фундаментальным хронологическим критерием выступает факт обособленного существования индоариев до XVIII в. до н. э. где-то не слишком далеко от Передней Азии» [Лелеков, 1980, с. 123, 124]. Позднее Л. А. Лелеков отмечал «раздельность раннеиндийского и раннеиранского этносов и традиций во II тыс. до н. э. несомненно, с середины III тыс. – весьма вероятно, на что указывают реликтовые индо-хеттские эксклюзивы без иранских аналогий к ним» [Лелеков, 1988, с. 172]. По мнению исследователя, «из серии работ Вяч. Вс. Иванова, Л. А. Гиндина, Р. Гусман и др. приходится заключить, что предки хетто-лувийских иммигрантов некогда общались с протоиндийцами ещё где-то к северу от Чёрного моря, притом без участия иранцев. Хронологически это по любым оценкам происходило до середины III тыс. до н. э., но в таком случае первая стадия дезинтеграции индоиранского единства отодвигается в даль бесчисленных веков ещё глубже» [Лелеков, 1988, с. 171, 172]. Л. А. Лелеков полагал, что «общий первоисточник пантеонов митаннийских и пенджабских индоариев (уже или ещё без иранцев) должен датироваться до начала их миграций, т. е. до XVIII в. до н. э.» [Лелеков, 1980, с. 123]. По его мнению, сведения древневавилонских, хеттских и касситских источников «надёжно датируют индоязычную речь в Передней Азии минимум с XVII в. до н. э. и косвенно свидетельствуют о её гораздо более раннем просачивании в данный регион» [Лелеков, 1988, с. 171]. Следовательно, появлению переднеазиатских индоариев мог непосредственно предшествовать индоарийский субстрат в составе сейминско-турбинских сообществ [Ковтун, 2012г; 2013в], финал которых непосредственно предшествует XVII в. до н. э. Не противоречит этому и период распада индоиранского единства, датируемый большинством исследователей со второй половины и конца III тыс. до н. э. до начала II тыс. до н. э.

Таким образом, по сумме вышеперечисленных факторов и свидетельств отчётливо выраженное языковое обособление индоариев состоялось до XVIII в. до н. э. Следовательно, исходная фаза бифуркации поздней

индоиранского массива и начало процесса расхождения протоиндо-нуристанских или позднейших праиндоарийских диалектов с пра-/древнеиранской кладой должны определяться ещё более ранним временем. Полагаю, накапливающиеся лексические и обусловившие их возникновение социокультурные трансформации проявились не позднее второй половины – последней четверти III тыс. до н. э. В этот доандроновский период финала ранней бронзы и переходной эпохи от ранней к развитой бронзе на юге Западной Сибири и на сопредельных территориях происходит серия вспышек социокультурогенеза, катализированного проникновением иноэтнокультурноязычных мигрантов. Возникают гетерогенные социумы, сочетающие ранее неизвестные формы, жанры и образы изобразительного искусства, олицетворяющего новый мировоззренческий уклад с автохтонными субстратами и традиционными утилитарными образцами материальной культуры.

V

Без комплекса взаимоподтверждающих методических практик компаративной палеолингвогенетики достоверное установление верифицируемой языковой принадлежности бесписьменных обществ невозможно. Например, Г. Б. Зданович связывал петровское население с древними иранцами, а синташтинское – «с протоиндийцами, которые к XVI в. до н. э. покинули свою родину и ушли в Переднюю Азию, а затем в Индию» [Зданович, 1995, с. 42]. Подобная точка зрения отчасти разделяется некоторыми западноевропейскими исследователями [Kristiansen, 2011, p. 255], полагающими, что сходство отдельных синташтинских/андроновских и ведийских ритуалов Ригведы доказывает миграцию андроновских популяций в Северный Иран, Северную Индию и Пакистан: «После 1800/1700 гг. до н. э. позднее синташтинское население, по-видимому, расширилось на восток посредством сочетания колонизации и местной адаптации, сформировав андроновскую культуру, которая продолжала использовать колесницы. В конце концов, они мигрировали дальше на юг и восток, в Северный Иран и Северную Индию/Пакистан, где стали новой правящей

элитой. Отсюда Ригведа, гимны и ритуальные тексты, вероятно, записанные между 1500–1000 гг. до н. э., свидетельствуют об этой новой воинской культуре. Между ритуалами синташта/андроново и теми, что описаны в Ригведе, существует много сходств, и эти сходства простираются вплоть до скандинавского бронзового века» [Allentoft et al., 2015, Supplementary information, p. 5].

Неоправданно обобщённая трактовка игнорирует существенные различия между культурно-хронологическими и региональными филиациями данного поликультурного массива. К собственно андроновским древностям возможно относить только памятники восточной зоны (восточнее Иртыша), а равно схожие комплексы восточной, центральной и северной частей Казахстана. Поэтому ввиду отсутствия археологических свидетельств, ни о каких «андроновских колесницах» говорить не приходится. Не обосновано и утверждение о миграции андроновцев в Северный Иран и Северную Индию/Пакистан, где они якобы стали новой правящей элитой. Никаких овеществлённых свидетельств подобных миграционных потоков и связей, как аркаимо-синташтинского, так и собственно андроновского, нуртайского, петровского, алакульского, атасуского, кожумбердинского, нуринаского, фёдоровского или других субстантивных образований панандроновского мультикультурного конгломерата с археологическими культурами Индостана и примыкающих с севера территорий, нет. Соответственно, бездоказательно утверждение о создании древнейшей самхиты андроновскими мигрантами или их прямыми потомками. Собственно ведийские соответствия андроновскому погребальному ритуалу сводятся к кремации трупов и внутримогильному жертвенному столбу [Ковтун, 2021а, с. 64–66]. В аркаимо-синташтинских, петровских и нуртайских захоронениях при желании возможно усмотреть и элементы ашвамедхи. В культурной традиции этих народов сохранились такие архаичные позднеиндоиранские черты. Они сближают отдельные мировоззренческие доминанты указанных сообществ с собственно индоарийскими представлениями

об уникальности образа коня в космогонии мироздания и его сакральном значении в погребальных ритуалах. Помимо этого, вероятно и хронологически синхронное влияние протоиндо-нуристанского/праиндоарийского субстрата при взаимодействии аркаимо-синташтинских коллективов с абашевскими и сейминско-турбинскими группировками [Ковтун, 2013в, с. 50–57 и др.].

Таким образом, все эти схождения, как и смысловые значения «орнаментальных гимнов» андроновских сосудов [Ковтун, 2016], обусловлены иными обстоятельствами. Указанные соответствия объясняются общим индоиранским корнем и близостью точки бифуркации протоиндо-нуристанской/праиндоарийской и пра-/древнеиранской ветвей позднеиндоиранской культурно-языковой общности [Ковтун, 2016, с. 88, 97, 156 и др.; 2025а, с. 56–64]. Отсюда известные параллели между индоарийскими и древнеиранскими божествами, мифологическими персонажами, образами, мотивами и сюжетными коллизиями в Ригведе и Авесте. Например: двандва Митра/Варуна – Митра/Ахура; Варуна – Ахура-Мазда; Индра («Вритрахан», т.е. «убийца Вритры») – Веретрагна (Вртрагна); Ваю – Вайю; Трита – Трайтаона; Вишварупа – Ажи Дахака; Яма – Йима; сома – хаома и т.д. Поэтому предполагаемые соответствия ведийским ритуалам восходят к позднеиндоиранскому состоянию, черты которого сохранились в пра-/древнеираноязычном ядре аркаимо-синташтинских и андроновских сообществ.

Мифологическое ядро Авесты перекликается с Ригведой и восходит к индоиранской общности, т.е. к III тыс. до н.э. [Абаев, 1982, с. 19]. Ряд гимнов Ригведы и отдельные главы Гат вообще рассматриваются исследователями как варианты единого исходного текста [Лелеков, 1992, с. 87]. Это означает, что ведийско-авестийские схождения очерчивают область наиболее архаичных индоиранских сюжетов и персонажей. Древнейшие части Яштов и Видевдата вообще могли «сохраняться в виде застывших формул, выражений и целых отрывков, восходящих, может быть, даже и к эпохе арийской общности» [Соколов, 1961, с. 21].

Расстановка богов в письменно удостоверяющем появлении индоариев на мировой арене хеттско-митаннийском брачном договоре XIV в. до н.э. полностью идентична представленной в Ригведе, т.е. уже после расщепления индоиранской ареальной общности. Следовательно, оформление и характерное структурирование изустного «протографа» основного ядра прото-Ригведы состоялось задолго до XIV в. до н.э. По всей видимости, в это же время обрела свой первичный облик и прото-Авеста [Лелеков, 1992, с. 72].

Присущий собственно андроновским погребальным практикам культ огня также не может считаться исключительно индоарийским индикатором. Действительно, у ведийских индоариев известны огненные погребально-поминальные ритуалы и представления о похоронном обряде как о жертвоприношении Агни, передающем его своим пламенем на высшее небо [Гамкрелидзе, Иванов, 1984, с. 828; Пандей, 1990, с. 191–194, 198–202; Елизаренкова, 1999, с. 460, 461, 463; и др.]. Но при этом установлено, что «в иранской традиции особое развитие раннего индо-иранского (общепарийского) наследия привело к становлению нескольких специфических понятий и соответствующих им терминов. В результате возникло целое учение об огне, ставшее важной частью иранской религии» [Иванов, 2003, с. 19 и др.]. Доктрина священных огней Авесты представляется жречески рафинированной ментальной конструкцией, но источник самого культа огня и у древних иранцев, и у индоариев восходит к общеиндоиранской архаике.

Кстати сказать, по моим подсчётам, из 38 погребений Ростовки использование огня охватывает 24 захоронения (ср. по: [Матющенко, Сеницына, 1988, с. 7, 8, 10, 11, 13, 15, 16, 18, 23, 25, 27–29, 31, 45, 46, 57]), а в семи из них зафиксировано трупосожжение. На территории могильника обнаружено и уникальное сооружение, названное «крематорием», где, вероятно, сжигали умерших [Матющенко, Сеницына, 1988, с. 51, 52, 65]. Из 14 оставшихся погребений без следов применения огня бронзовые изделия отсутствуют в 10 могилах (см. по: [Матющенко, Сеницына, 1988, с. 21–23, 36–

40, 45, 46]). Но в 11 из 24 захоронений со следами огня также отсутствовали бронзовые орудия и оружие, литейные формы, куски руды, шлака и т.п. (см. по: [Матющенко, Синицына, 1988, с. 11–15, 17–21, 25, 27–29, 31, 45, 57]). Следовательно, огонь и огненные ритуалы Ростовки не были частью особого профессионального культа, связанного с кузнецами и металлургией. Приведённая корреляция удостоверяет использование огня в качестве элемента общепотребительных погребально-поминальных практик всего ростовкинского сообщества. При установленных генетических маркерах и мировоззренческих паттернах этот довод более значим для верификации собственно праиндоарийского субстрата не в аркаимо-синташтинских или андроновских комплексах, а в Ростовке.

Пра-/древнеиранская (или, как считает ряд авторов, индоиранская) принадлежность населения, оставившего комплекс аркаимо-синташтинских древностей, опирается ещё и на предположение, что фортификации т.н. Страны городов соотносятся с авестийской Варой [Гуревич, 1989, с. 48, 49; Стеблин-Каменский, 1993, с. 196; 1995, с. 167; 2009, с. 18; Кузьмина, 1994, с. 71, 72; Пьянков, 1999, с. 281; 2013, с. 388–397; Медведев, 1999, с. 283; Михайлов, 2002, с. 201; критику см.: Членова, 1995, с. 180–182; Lamberg-Karlovsky, 2002, р. 69]. Это подтверждает сопоставимость аркаимо-синташтинских сооружений с архаичным образом Вары, присущим устной пра-/древнеиранской традиции до его зороастрийской редакции в Видевдате.

Полагаю, описанные в Ригведе «осение крепости» даса/дасью и авестийская Вара (Var) восходят к единому типу и общему прототипу подобных сооружений и к одним и тем же создававшим их культурным группам. Разумеется, очевиден и композитный характер обоих образов. Их прототипические составляющие аккумулировались столетиями культурно-исторического опыта доведийских праиндоариев и доавестийских праиранцев. Но архаичный пласт подобных представлений, вероятно, генерирован в эпоху небесконфликтного взаимодействия социумов этих двух обо-

сбившихся ветвей индоиранской общности. С указанным историческим периодом и связано сохранённое устной традицией, а позднее перенесённое в Ригведу и Авесту переживание укреплённого глинобитными стенами оборонительного, культового, жилого и хозяйственного комплекса, защищавшего пра-/древнеиранское население от противостоящих им и их крепостям протоиндо-нуристанцев/праиндоариев и других противников [Ковтун, 2013в, с. 42–50 и др.]. Таким образом, ведийско-авестийские схождения берут начало в комплексе наиболее архаичных позднеиндоиранских мифологических сюжетов и персонажей.

Подобные проявления общекультурной позднеиндоиранской архаики присущи и ряду прочих западносибирских сообществ сейминско-турбинской эпохи. Например, в южносамусьских комплексах выявлена серпентоморфная вариация идеи божественной группы протоАдितьев и её степановская, крохалёвская, окуневская и восточно-казахстанская реплики, связанные единством позднеиндоиранских истоков. Идеографические соответствия данной мифологеме обнаружены у носителей пра-/древнеиранских или правосточно-иранских диалектов, представленных частью лингвистически гетерогенных аркаимо-синташтинских социумов. В этой среде формировался комплекс вариативных представлений о праобразах одноногого козла Аджи Экапада и «змея глубин» Ахи Будхньи, соотносящихся со змеиными чертами древнего индоиранского божества Варуны и с производной фигурой прото-Ахура-Мазды. Указанную триаду взаимно уподобляемых деифицируемых героев мифов функционально объединяет причастность к структурирующему столпу мироздания – Мировому дереву. Вертикальная символизация данного образа и фигурирует в орнаментальных композициях как аркаимо-синташтинских или андроновских, так и самусьских сообществ [Ковтун, 2013в, с. 81, 82; 2016, с. 135, 137; 2025а, с. 54–64].

Соответственно, присутствие значимого змееобразного божества или группы богов зафиксировано в пантеонах носителей и

пра-/древнеиранских, и протоиндо-нуристанских/праиндоарийских диалектов. Различия персонажей этой метамифологемы представляются следствием системного содержательно-смыслового расслоения мировоззренческого контента обособлявшихся группировок поздних индоиранцев. Такой идейный раскол обусловлен социокультурной и этноязыковой дивергенцией позднеиндоиранского массива. Свидетельства указанной бифуркации усматриваются и в иных доктринальных схождениях мировоззренческих традиций и элементов ритуально-обрядовых практик непосредственно не соприкасавшихся культур Северо-Западной Азии. В частности, юго-западная ориентация ряда солярных композиций писаниц Томи сопоставима с аналогичной сакрализацией данного направления в аркаимо-синташтинских, петровских, собственно андроновских, а также в ирменских захоронениях [Ковтун, 2024, с. 25–29].

Приведённые схождения восходят к общей позднеиндоиранской праоснове перечисленных мировоззренческих комплексов. В аркаимо-синташтинских, петровских, в собственно андроновских и отчасти в позднейших ирменских захоронениях обе идеологемы связаны с носителями пра-/древнеиранских/правосточно-иранских и производных/смешанных (ирменцы) диалектов. В свою очередь, представления о сакральном юго-западе у создателей солярных образов нижнетомских писаниц и идея метаморфозы антропо-серпентоморфных богов-змеев у самусцев и у их окружения проникли на восток вместе с протоиндо-нуристанскими или праиндоарийскими группировками. Так, некогда единые смысловые мотивы и сюжетные линии перевоплотились в отличные по форме, но схожие по содержанию календарные и теогонические мифы разошедшихся ветвей распадающегося позднеиндоиранского массива [Ковтун, 2025а, с. 63, 64 и др.].

В аналогичной парадигме обоснована и идея о сравнительно позднем окончательном распаде индоиранского состояния. Обобщая наблюдения О. Семереньи,

В. И. Абаева и О. Н. Трубочёва, Л. А. Лелеков констатировал, «что иранцы ещё только заканчивали становиться самими собой в VIII–VII вв. до н.э.», и «процесс брожения с нарастанием ираноязычия заканчивался очень поздно, в развитом железном веке» [Лелеков, 1988, с. 182]. Отдельные признаки ашвамедхи и, соответственно, элементов индоарийской мифологии, например, выявлены автором в погребальной обрядности ирменских сообществ, а по уникальным наскальным изображениям и бронзовым котлам с параллельной конской парой – у ираноязычной тагарской культуры Среднего Енисея [Ковтун, 2013в, с. 148–151, табл. 31, 105, 106; 2019а, с. 21–23]. Присутствию данного мировоззренческого субстрата указанные культуры, подобно аркаимо-синташтинским и андроновским социумам, также обязаны единому с индоариями позднеиндоиранскому истоку. Вероятно из этого же контекстуально-смыслового ряда, например, и уникальный большебереченский комплекс с конским жертвоприношением из Барабинской лесостепи (см. по: [Молодин, и др., 2012, с. 154–160]).

К числу подобных примеров относится биритуализм (сочетание кремации и ингумации) в мавзолеях Северного Тагискана и в раннесакских могильниках Южного Приаралья, а также камышовые подстилки в погребальной обрядности тагискенцев и саков, ассоциирующиеся с ритуальными установлениями Ригведы. Но одновременно биритуализм тагискенцев и саков представлялся свидетельством их ираноязычности [Яблонский, 1996; Итина, Яблонский, 2001, с. 103], что не соотносимо, т. к. Ригведу создали не иранцы, а индоарии.

Приведённые случаи описывают близкие индоарийским ритуальные практики ряда культур Северо-Западной и Центральной Азии. Но они не свидетельствуют об индоарийской принадлежности этих сообществ. Данные наблюдения подтверждают сравнительно позднее преодоление инерции культурной архаики индоиранского состояния, дивергенция которого началась за полтора тысячелетия до обозначенного исторического периода.

VI

Другим значимым результатом палео-генетических изысканий представляется пра-/раннеуральская языковая идентификация ряда популяций сейминско-турбинского времени Западной и Средней Сибири. Ранее языковая принадлежность сейминско-турбинских сообществ неоднократно соотносилась с самыми разными диалектами. Но такие гипотезы оставались умозрительными предположениями, т. к. никаких доказательств их достоверности авторы не обосновали. Так, О. Н. Бадер полагал, что язык населения, оставившего Сейминский могильник, был финно-угорским. По мнению исследователя, оно противостояло экспансии балановских, абашевских и срубных племён, «представляя собой один из западных форпостов финно-угорского мира в этой борьбе» [Бадер, 1964, с. 116]. Позднее близкая точка зрения высказывалась П. Хайду. Он считал распространение сейминско-турбинских древностей свидетельством вторичного взаимодействия обособившихся в Зауралье носителей протоугорского языка и проживавшего между устьями р. Оки и р. Камы населения, говорившего на прафинно-пермских диалектах: «...находившиеся по разные стороны от Уральских гор группы финно-угров и после обособления поддерживали друг с другом оживлённые торговые связи» [Хайду, 1985, с. 194, 195, 198].

В 2012 и 2013 г. автор впервые доказательно обосновал присутствие раннеуральского языкового субстрата в составе сейминско-турбинских сообществ: «Однако отождествление сейминско-турбинских группировок с носителями только индоарийского диалекта противоречит ареальным и антропологическим составляющим самого феномена. На его полидиалектность намекает наличие сейминско-турбинского металлокомплекса у разобщённых западносибирских, уральских и восточноевропейских культурных групп. Свидетельством подобного состояния представляется композиция на ноже из Ростовки, объединяющая «индоарийскую» лошадку и монголоидный облик влекомого ею лыжника. Антропологическая смешанность ростовкинской популяции является установлен-

ным фактом. Облик лыжника, сочетающий европеоидные и монголоидные признаки, по мнению В. А. Дрёмова, “достаточно точно передаёт черты этого населения”. В. П. Алексеев отрицал наличие «монголоидной примеси в составе исходных антропологических комплексов, носителями которых были индоиранцы, а также древние иранцы и индоарии», считая её происхождение, правда, у современных индоиранских народов, достаточно поздним и вторичным. Следовательно, монголоидный субстрат ростовкинской популяции может принадлежать носителям либо уральских – финно-угорских (протоугорских), или самодийских (прасамодийских) языков, алтайских (?) либо палеоазиатских – енисейских (праенисейских) диалектов» [Ковтун, 2012г, с. 14, 15; 2013в, с. 41].

Но ключевым верифицирующим фактором представлялись не антропоморфологические особенности, а индоарийско-обско-угорские, индоарийско-финские и индоарийско-финно-пермские лексические и мифологические соответствия. К числу первых, например, относятся ранние индоарийские заимствования в финно-угорских языках [Абаев, 1972, с. 27–29, 36; 1981, с. 84–86; Гиндин, 1974, с. 154; 1992, с. 60; Барроу, 1976, с. 27, 28; Лелеков, 1982, с. 157; Членова, 1984, с. 96–98; Кузьмина, 1997, с. 186; Редеев, 1997, с. 141–155; и др.]. Реконструированная система подобных заимствований и соответствий восходит к праиндоарийско-раннеуральским/протоугорским этнолингвокультурным взаимодействиям на сейминско-турбинском хронологическом горизонте [Ковтун, 2012в, с. 53–66; 2012г, с. 14, 15, 84–87; 2013в, с. 41, 57, 59, 91–95, 97, 103, 106–110, 118–120, 138, 145, 147, 174–180, 182, 187–201, 203–206 и др.; 2014б, с. 22, 25–29, 31, 36, 42, 43, 61–63, 111–121, 122, 123, 130, 133–140, 145, 147; 2016, с. 108, 126, 138; 2019а, с. 43, 44, 61, 76, 155, 158, 163, 164, 174, 244; 2024, с. 21–25; 2024а, с. 34–42; 2025а, с. 55]. Таким образом, обобщённые лексические сходения и выявленные мифодоктринальные заимствования указывали на пра-/раннеуральский/протоугорский языковой субстрат у ряда социокультурных образований сейминско-турбинской эпохи.

Через 12 лет обоснованная мною идея получила естественно-научное подтверждение в вышеуказанных исследованиях двух интернациональных групп специалистов. Выводы обеих работ, в которых автор участвовал, сводятся к присутствию генетически верифицированного раннеуралоязычного субстрата в Ростовке, Сатыге XVI и, вероятно, в других сейминско-турбинских сообществах. Эти данные отражают процесс первоначального распространения уральских языков в степной Евразии: «Большая группа исследователей уральских языков недавно предположила, что раннее уральское население было участником сейминско-турбинского феномена, который способствовал быстрому распространению на запад ~4 тыс. лет назад по системам рек. В то время как наши результаты говорят в пользу этого сценария, они не могут дать более точную информацию о вопросе расположения места происхождения, т. к. они совместимы с различными гипотезами. Некоторые лингвистические особенности (например, прото-уральский не имеет развитой металлургической терминологии) могут указывать на то, что сообщество носителей уральских языков немного предшествует Сеймо-Турбино. В любом случае, результаты наших исследований позволяют предположить, что если не носители прото-уральского, то, по крайней мере, носители раннего уральского (так же как и носители индо-иранских языков) были среди многих групп, которые взаимодействовали в интересах продвижения на протяжённые расстояния и социокультурного обмена, в результате которого появились интригующие и широко распространённые наборы остатков материалов, образующих сейминско-турбинский феномен» [Zeng et al, 2023, p. 14].

К схожим выводам одновременно пришли и авторы другой статьи: «С помощью новых данных Ростовки мы можем оценить недавнюю гипотезу о том, что уральские языки могли использоваться в рамках сейминско-турбинской сети, что привело к первоначальному распространению уральских языков на территории евразийской лесостепи (Ковтун, 2013; Grünthal, et al, 2022; Parpola, 2022). Геномные данные людей

Ростовки, связанных с Сеймо-Турбино, показывают признаки, в общем идентичные генетическому распределению современных носителей уральских языков экологической зоны лесотундры Крайнего Севера (тайга и тундра). Однако наши результаты также показывают, что связанные с Сеймо-Турбино люди из Ростовки, скорее всего, не происходят от одного народа, но вероятнее происходят из обширной географической области. Сейминско-турбинская культура была широтным феноменом на той же восточно-западной оси, где также располагались родные земли для предков уральских подгрупп. Таким образом, наши генетические результаты по времени и географически совпадают с гипотезой о том, что распространение уральских языков могло быть более быстрым в рамках сейминско-турбинской сети, но не являются ни точным, ни прямым доказательством. Данные человеческой ДНК из северной Евразии помогут пролить свет на детали более широкого распространения древних сибирских предков и их связь с прото-уральскими языковыми группами» [Childebayeva et al, 2024, p. 9].

Генетически удостоверены и заключения автора о смешанности и полидиалектности сейминско-турбинских социумов, включая Ростовку, а также о взаимодействии в рамках этого транскультурного феномена раннеуралоязычных и позднеиндоиранских/протоиндо-нуристанских/праиндоарийских и пра-/древнеиранских сообществ. Данные выводы о распространении и смешении предковых генетических компонент Yakutia_LNBA (Якутия Поздний Неолит Бронзовый Век) и Steppe_MLBA (Степь Средний Поздний Бронзовый Век), а также Cisbaikal_LNBA (Прибайкалье Поздний Неолит Бронзовый Век), представлены в цитированной выше работе. В указанном исследовании подтверждены впервые обоснованное мною присутствие в сейминско-турбинских сообществах раннеуралоязычного субстрата, взаимодействовавшего с праиндоарийской/протоиндо-нуристанской составляющей этих гетерогенных и, как минимум, билингвистических группировок [Ковтун, 2012в, с. 53–66; 2012г, с. 14, 15, 84–87; 2013в, с. 41, 57, 59,

91–95, 97, 103, 106–110, 118–120, 138, 145, 147, 174–180, 182, 187–201, 203–206 и др.; 2014б, с. 22, 25–29, 31, 36, 42, 43, 61–63, 111–121, 122, 123, 130, 133–140, 145, 147; 2016, с. 108, 126, 138; 2019а, с. 43, 44, 61, 76, 155, 158, 163, 164, 174, 244; 2024, с. 21–25; 2024а, с. 34–42; 2025а, с. 55]: «Вторым нашим главным аналитическим заключением является то, что Yakutia_LNBA может служить прекрасным генетическим маркером распространения ранних сообществ, говорящих на уральских языках, и самые ранние переселения их предков на запад связаны с людьми, ассоциирующимися с сейминско-турбинским феноменом... Мы обнаружили, что люди, погребённые в сейминско-турбинских могильниках, отличались высокой генетической вариабельностью... Наши результаты позволяют предположить либо однократное объединение индивидуумов из генетически и культурно разных социальных групп в мобильную популяцию (событие, которое могло иметь место в другом месте и до самих сейминско-турбинских памятников), либо – учитывая разные примеси у людей из сейминско-турбинских могильников – активное длительное взаимодействие людей из разных групп в деятельности, приведшей к образованию данных памятников, в течение многих поколений. Эти находки соотносятся с неоднородностью других культурных артефактов в сейминско-турбинских могильниках...

Наш вывод о том, что предки Yakutia_LNBA сначала распространились на запад, почти в Европу, с сейминско-турбинским феноменом, имеет археологическое и лингвистическое значение. Индивид Kra001 на памятнике Нефтепровод-2, датирующийся около 4,2 тыс. лет назад, близок или предшествует людям с горы Татарка и указывает на то, что предки Yakutia_LNBA пришли в Красноярско-Канскую лесостепь 4,2 тыс. лет назад и оставались там до появления в более западных сейминско-турбинских могильниках. На Нефтепроводе-2 и горе Татарка наблюдаются схожие погребальные ритуалы, позволяющие предположить, что генетическая популяция, принеся предков Yakutia_LNBA в Крас-

ноярско-Канскую лесостепь и повлиявшая на сейминско-турбинские могильники, также была культурно целостной (так мы определяем Анжевский комплекс...). Другое материальное подтверждение генетической связи между сейминско-турбинскими могильниками и группами, в конечном итоге, происходящими из Северо-Восточной Сибири, усматривается в доспехах из костяных пластин, которые найдены в глазковской, а особенно в ымыйяхтахской культурах. Один набор был погребён с мужчиной с Yakutia_LNBA (N4a1.SG из Кёрдюгена), а другие – из Красноярско-Канской лесостепи, около Нефтепровода-2 и горы Татарка... Три набора найдены в Ростовке, один связан с мужчиной (I32816 из могилы 33...), имевшего как Yakutia_LNBA, так и Cisbaikal_LNBA.

Лингвисты задокументировали сотни индо-иранских заимствований, унаследованных современными уральскими языками от прото-уральской языковой общности или от ранних уральских сообществ сразу после её распада... Наши данные, полученные из Ростовки и Сатыги-16, указывают на контакт и смешение между населением Steppe_MLBA (которое с точки зрения археологии, очевидно, относится к абашевской культуре [Janhunen, 2009; Chernykh, 2008; Chernykh, 2017; Ковтун, 2013]) и Yakutia_LNBA, представляя привлекательный контекст, в котором этот языковой обмен мог впервые начаться, и предлагают ещё одну линию доказательств присутствия уралоязычных групп на сейминско-турбинских памятниках в соответствии с предшествующими определениями [Ковтун, 2013; Grunthal et al., 2022]» [Zeng et al., 2025, p. 10].

Так суммированные в археологическом контексте данные популяционной палеогенетики, сравнительно-исторического языкознания и компаративной мифологии составляют совокупное обоснование истоков уральской языковой семьи. Этот факт означает признание сейминско-турбинского транскультурного массива колыбелью кладогенеза раннеуралоязычных, в т. ч. протоугорских/праугро-самодийских популяций.

Литература

- Абаев В. И. К вопросу о прародине и древнейших миграциях индоиранских народов // Древний Восток и античный мир. Сборник статей, посвящённых проф. В.И. Авдиеву. М.: Изд-во МГУ, 1972. С. 26–37.
- Абаев В. И. Доистория индоиранцев в свете арио-уральских контактов // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (II тыс. до н. э.). М.: Наука, 1981. С. 84–89.
- Абаев В. И. *Slavo-avestica* // Вопросы языкознания. 1982. № 2. С. 18–25.
- Арутюнов С. А. Современный антропологический состав населения Индостана и историческая ретроспектива его формирования (по материалам совместных советско-индийских этнографо-антропологических исследований 1970–1983 гг.) // Scripta Gregoriana: Сборник в честь семидесятилетия академика Г. М. Бонгард-Левина. М.: Восточная литература, 2003. С. 421–439.
- Бадер О. Н. Могильники турбинского типа, их возраст и связь с поселениями // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Сборник статей к 30-летию отдела истории первобытной культуры. Л.: Изд-во ГЭ, 1964. Вып. 6. С. 103–117.
- Барроу Т. Санскрит. М.: Изд-во «Прогресс», 1976. 411 с.
- Бонгард-Левин Г. М., Грантовский Э. А. От Скифии до Индии. Древние арии: мифы и история. 2-е изд., доп. и испр. М.: Мысль, 1983. 206 с.
- Вильхельм Г. Древний народ хурриты. Очерки истории и культуры. М.: Наука, 1992. 157 с.
- Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. Индоевропейский язык и индоевропейцы: реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и пракультуры. Тбилиси: Изд-во Тбилисского университета, 1984. Т. I-II. 1328 с.
- Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейская прародина и расселение индоевропейцев: полвека исследований и обсуждений // Вопросы языкового родства. 2013. № 9. С. 109–136. (Вестник РГГУ. Серия «Филологические науки. Языкознание»).
- Гиоргадзе Г. Г. A. Kammenhuber. Die Arier im Vorderen Orient. Heidelberg, 1968 // Вестник древней истории. 1971. № 1. С. 120–123.
- Гиндин Л. А. Некоторые ареальные характеристики хеттского, I // Этимология. 1970. М.: Наука, 1972. С. 272–321.
- Гиндин Л. А. Некоторые ареальные характеристики хеттского. II (К балкано-хетто-лувийским изоглоссам в преданатолийский период) // Этимология. 1972. М.: Наука, 1974. С. 149–159.
- Гиндин Л. А. Пространственно-хронологические аспекты индоевропейской проблемы и «Карта предполагаемых прародин шести ностратических языков» В. М. Иллич-Свитыча // Вопросы языкознания. 1992. № 6. С. 54–65.
- Грантовский Э. А. Ранняя история иранских племён Передней Азии. 2-е изд., испр. и доп. М.: Восточная литература, 2007. 510 с.
- Гуревич Л. Л. О круглых городах древних иранцев // Зоны и этапы урбанизации (теоретические аспекты проблемы «Город и процессы урбанизации в Средней Азии»). ТД. Ташкент: Фан, 1989. С. 48–49.
- Дьяконов И. М. Арийцы на Ближнем Востоке: конец мифа (к методике исследования исчезнувших языков) // Вестник древней истории. 1970. № 4. С. 39–63.
- Дьяконов И. М. Архаические мифы Востока и Запада. М.: Наука, 1990. 247 с.
- Дьяконов И. М. Прародина индоевропейцев (По поводу книги Е. Е. Кузьминой «Откуда пришли индоарии?». М., 1994) // Вестник древней истории. 1995. № 1. С. 123–130.
- Дюмезиль Ж. Верховные боги индоевропейцев. М.: Наука, 1986. 235 с.
- Елизаренкова Т. Я. Аорист в «Ригведе». М.: Изд-во восточной литературы, 1960. 152 с.
- Елизаренкова Т. Я. «Ригведа» – великое начало индийской литературы и культуры // Ригведа. Мандалы. I–IV. Приложения. М.: Наука, 1989. С. 426–543.
- Елизаренкова Т. Я. Мир идей ариев Ригведы // Ригведа. Мандалы V–VIII. Изд-е втор., испр. Приложения. М.: Наука, 1999. С. 452–486.
- Зданович Г. Б. Аркаим: арии на Урале или несостоявшаяся цивилизация // Аркаим: Исследования. Поиски. Открытия. Челябинск: Творческое объединение «Каменный пояс», 1995. С. 21–42.

Зубова А. В., Чикишева Т. А., Поздняков Д. В. Антропологические аспекты генезиса представителей андроновской культурно-исторической общности // Арии степей Евразии: эпоха бронзы и раннего железного века в степях Евразии и на сопредельных территориях. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2014. С. 541–554.

Иванов Вяч. Вс. К вопросу о возможной лингвистической интерпретации открытия Аркаима и Синташты // Комплексные общества Центральной Евразии в III–I тыс. до н. э.: региональные особенности в свете универсальных моделей. Материалы к конференции. Челябинск: ЧелГУ, 1999. С. 45–47.

Иванов Вяч. Вс. Хеттский язык. 2-е изд., испр. и дополн. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 296 с.

Иванов Вяч. Вс. Евразийские эпические мифологические мотивы // Евразийское пространство: Звук, слово, образ. (Язык. Семиотика. Культура). М.: Языки славянской культуры, 2003а. С. 13–53.

Иванов Вяч. Вс. Двадцать лет спустя. О доводах в пользу расселения носителей индоевропейских диалектов из древнего Ближнего Востока // У истоков цивилизации. Сборник статей к 75-летию В. И. Сарияниди. М.: Старый сад, 2004. С. 41–67.

Итина М. А., Яблонский Л. Т. Мавзолеи Северного Тагискаена. Поздний бронзовый век Нижней Сырдарьи. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2001. 295 с.

Ковалевская В. Б. Конь и всадник: история одомашнивания лошадей в евразийских степях, на Кавказе и Ближнем Востоке. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: КомКнига, 2010. 160 с.

Ковтун И. В. Древнейшее скульптурное изображение лошадиных «причёсок» в Северной и Центральной Азии // Тропой тысячелетий. К юбилею М. А. Дэвлет. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2008. С. 137–141. (Труды САИПИ. Вып. IV).

Ковтун И. В. Каменные жезлы с фигурным зооморфным навершием эпохи бронзы Северо-Западной и Центральной Азии // «Homo Eurasicus». СПб.: Астерион, 2009. С. 401–412.

Ковтун И. В. Змеи и кинжалы: прообраз героического эпоса // Культура как система в историческом контексте: Опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний. Томск: Аграф-Пресс, 2010. С. 188–189.

Ковтун И. В. Иконографические и смысловые планы ростовкинской композиции // Материалы и исследования древней, средневековой и новой истории Северной и Центральной Азии: Труды музея археологии и этнографии Сибири ТГУ. Томск: ТГУ, 2010а. Т. III, вып. 1. С. 105–123.

Ковтун И. В. Символические мотивы и персонажи скульптурной композиции ножа из Турбино II // Материалы научной сессии ИЭЧ СО РАН. Кемерово: ИП Скобликов, 2010б. Вып. 2. С. 77–83.

Ковтун И. В. Фигуративно-орнаментальная композиция ростовкинского кельта // Торевтика в древних и средневековых культурах Евразии. Барнаул: Азбука, 2010в. С. 118–123.

Ковтун И. В. Ножи из Елунино I и Усть-Муты // Хозяйственно-культурные традиции Алтая в эпоху бронзы. Барнаул: Слово, 2010г. С. 66–80.

Ковтун И. В. Змея в змее // Религия в истории России и Центральной Азии. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2011. С. 109–111.

Ковтун И. В. Индоарийские диалекты и сейминско-турбинские бронзы // Этническая история и культура тюркских народов Евразии. Омск: Издатель-Полиграфист, 2011а. С. 331–338.

Ковтун И. В. Композиция сейминского кинжала и предыстория индоарийской мифологии // Материалы научной сессии ИЭЧ СО РАН 2011 года. Кемерово: ИЭЧ СО РАН, 2011б. Вып. 3. С. 92–111.

Ковтун И. В. Сюжет сейминской композиции // Археология Южной Сибири. К 80-летию Я. А. Шера. Кемерово: РИО КемГУ, 2011в. Вып. 25. С. 121–128.

Ковтун И. В. Происхождение масленицы // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. СПб.: ИИМК РАН, Периферия, 2012. Кн. 1. С. 172–178.

Ковтун И. В. Смысловые планы рукояти ножа из Сеймы // VIII исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. Омск: «Амфора», 2012а. С. 106–116.

Ковтун И. В. «Конноголовые» жезлы и культ конской головы в Северо-Западной Азии во II тыс. до н.э. // Археология, этнография и антропология Евразии. 2012б. № 4 (52). С. 95–105.

Ковтун И. В. Сейминско-турбинские древности и индоарии // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2012в. № 4 (19). С. 53–70.

Ковтун И. В. Конь и лыжник. Томск: ТГУ, 2012. 128 с. (Труды Музея археологии и этнографии Сибири ТГУ. Т. IV).

Ковтун И. В. Образы и символы джетыгарского копья // Культуры и народы Северной и Центральной Азии в контексте междисциплинарного изучения: сборник Музея археологии и этнографии Сибири им. В. М. Флоринского. Томск: ТГУ, 2013. Вып. 3. С. 193–205.

Ковтун И. В. Образы коней-змееборцев из Елунино I, Усть-Муты и Нижней Красавки-II // Вестник Томского государственного университета. История. 2013а. № 3 (23). С. 138–141.

Ковтун И. В. Праобраз Варуны на кинжале из Сеймы // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2013б. Вып. VI. С. 18–35.

Ковтун И. В. Предыстория индоарийской мифологии. Кемерово: Азия-Принт, 2013в. 702 с.

Ковтун И. В. Сюжет турбинской композиции // Арии степей Евразии: эпоха бронзы и раннего железного века в степях Евразии и на сопредельных территориях. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2014. С. 470–478.

Ковтун И. В. Хвост и грива конской фигурки из Ростовки // Российская археология. 2014а. № 1. С. 5–13.

Ковтун И. В. Шёпот духов (Этнолингвокультурные очерки мифологии нижнетомских писаниц). Кемерово: Азия-Принт, 2014б. 171 с.

Ковтун И. В. Сова Томской писаницы // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2014в. № 1 (24). С. 61–68.

Ковтун И. В. Происхождение и смысловое значение андроновской каннелюрно-«ёлочной» орнаментации // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 2 (62). Т. 6. С. 51–61.

Ковтун И. В. Андроновский орнамент (морфология и мифология). Казань: Издательский дом «Казанская недвижимость», 2016. 547 с.

Ковтун И. В. Сейминско-турбинские кинжалы, полнолуние и ашвамедха // V (XXI) Всероссийский археологический съезд [Электронный ресурс]: сборник научных трудов. Электрон. текст. дан. (36,739 Мб). Барнаул: АлтГУ, 2017. С. 494–495.

Ковтун И. В. Образы и символы конского жертвоприношения на кинжалах сейминско-турбинской эпохи // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле–Белокурихе. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2017а. Т. III. С. 110–116.

Ковтун И. В. Луна в мифологии культур эпохи бронзы Северо-Западной Азии (III – нач. II тыс. до н. э.) // Теория и практика археологических исследований. 2019. № 3 (27). С. 66–101.

Ковтун И. В. Лунарные мифы Северо-Западной Азии (III–II тыс. до н. э.). Кемерово: ООО «Техно-Принт», 2019а. 264 с.

Ковтун И. В. Идеографические образы самусьских «богов-духов» // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре. В 3-х т. Самара: СГСПУ, 2020. Т. III. С. 86–89.

Ковтун И. В. Остроголовые персонажи эпохи палеометалла в изобразительном искусстве Южной Сибири // Проблемы истории, филологии, культуры. 2021. № 2. С. 69–88.

Ковтун И. В. Деревянные столбы андроновских захоронений // Древние культуры Монголии, Южной Сибири и Северного Китая. Абакан: ИИМК РАН, 2021а. С. 63–68.

Ковтун И. В. Происхождение североазиатского мифа о космической погоне // Учёные записки музея-заповедника «Томская Писаница». 2021б. Вып. 14. С. 11–46.

Ковтун И. В. Наскальное искусство Кузбасса. Изыскания. Исследователи. Идеи. Кемерово: Вектор-принт, 2021в. 416 с.

Ковтун И. В. Персонажи с лучезарным ореолом эпохи ранней бронзы Южной Сибири (часть I) // Учёные записки музея-заповедника «Томская Писаница». 2023. Вып. 18. С. 5–32.

Ковтун И. В. Персонажи с лучезарным ореолом эпохи ранней бронзы Южной Сибири (часть II) // Учёные записки музея-заповедника «Томская Писаница». 2024. Вып. 19. С. 5–34.

Ковтун И. В. Персонажи с лучезарным ореолом эпохи ранней/начала развитой бронзы Южной Сибири (часть III) // Учёные записки музея-заповедника «Томская Писаница». 2024а. Вып. 20. С. 27–44.

Ковтун И. В. Серпентоморфная идеограмма самусьской группировки на юге Кузбасса // Труды VII (XXIII) Всероссийского археологического съезда: в 3 т. Красноярск: СФУ, 2025. Т. III. С. 186–189.

- Ковтун И. В. Серпентоморфные идеограммы в орнаменте культур Северо-Западной Азии (конец III – начало II тыс. до н. э.) // Учёные записки музея-заповедника «Томская Писаница». 2025а. Вып. 21. С. 47–68.
- Кони, колесницы и колесничие степей Евразии / В. С. Бочкарёв, А. П. Бужилова, А. В. Епимахов, Л. С. Клейн, П. А. Косинцев, С. В. Кулланда, П. Ф. Кузнецов, Е. Е. Кузьмина, М. Б. Медникова, А. Н. Усачук, А. А. Хохлов, Е. А. Черленок, И. В. Чечушков. Екатеринбург–Самара–Донецк: ООО «ЦИКР «Рифей»», 2010. 371 с.
- Кузьмина Е. Е. Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. М.: Российский институт культурологии РАН и МК РФ, 1994. 464 с.
- Кузьмина Е. Е. Финно-угры и индо-иранцы: динамика культурных связей // Балто-славянские исследования 1988–1996. М.: Изд-во «Индрик», 1997. С. 184–190.
- Кузьмина Е. Е. Арии – путь на юг. М.; СПб.: Летний сад, 2008. 558 с.
- Лелеков Л. А. R. Ghirshman. l'Iran et la migration des Indo-Aryens et des Iraniens, E. J. Brill, 1977, 88 p.
- Р. Гиришман. Иран и миграция индоариев и иранцев // Народы Азии и Африки. 1978. № 5. С. 220–226.
- Лелеков Л. А. Термин «арья» в древнеиндийской и древнеиранской традициях // Древняя Индия. Историко-культурные связи. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1982. С. 149–163.
- Лелеков Л. А. Проблема индоиранских аналогий к явлениям скифской культуры // Скифо-сибирское культурно-историческое единство. Кемерово: КемГУ, 1980. С. 118–125.
- Лелеков Л. А. Проблемы индоиранистики на современном этапе // Народы Азии и Африки. 1988. № 6. С. 168–184.
- Лелеков Л. А. Авеста в современной науке. М.: Государственный НИИ реставрации Министерства культуры и туризма РФ, 1992. 363 с.
- Матющенко В. И., Синицына Г. В. Могильник у деревни Ростовка вблизи Омска. Томск: ТГУ, 1988. 136 с.
- Медведев А. П. Авестийский «Город Йимы» в историко-археологической перспективе // Комплексные общества Центральной Евразии в III–I тыс. до н.э.: региональные особенности в свете универсальных моделей. Челябинск: ЧелГУ, 1999. С. 283–285.
- Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.; Л.: Государственное социально-экономическое издательство, 1938. 510 с.
- Михайлов Ю. И. К проблеме определения этнокультурной принадлежности синташтинских памятников // Степи Евразии в древности и средневековье. СПб.: Изд-во ГЭ, 2002. Кн. I. С. 200–204.
- Молодин В. И., Соловьёв А. И., Кобелева Л. С., Мыльникова Л. Н. Ритуальный комплекс с захоронением коня раннего железного века на памятнике Тартас-1 (Барабинская лесостепь) // Археолого-этнографические исследования Северной Евразии: от артефактов к прочтению прошлого. К 80-летию С. В. Студзицкой и М. Ф. Косарева. Томск: Аграф-Пресс, 2012. С. 154–166.
- Огибенин Б. Л. Структура мифологических текстов «Ригведы» (Ведийская космогония). М.: Наука, 1968. 115 с.
- Пандей Р. Б. Древнеиндийские домашние обряды (обычай). 2-е изд. М.: Высшая школа, 1990. 319 с.
- Пьянков И. В. Аркаим и индоиранская вара // Комплексные общества Центральной Евразии в III–I тыс. до н.э.: региональные особенности в свете универсальных моделей. Челябинск: ЧелГУ, 1999. С. 280–281.
- Пьянков И. В. Средняя Азия и Евразийская степь в древности. СПб.: Петербургское лингвистическое общество, 2013. 736 с.
- Редеев К. Древнейшие индоевропейские заимствования в уральских языках // Балто-славянские исследования 1988–1996. М.: Изд-во «Индрик», 1997. С. 141–155.
- Смирнов К. Ф., Кузьмина Е. Е. Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. М.: Наука, 1977. 82 с.
- Соколов С. Н. Авестийский язык. М.: Изд-во восточной литературы, 1961. 123 с.
- Стеблин-Каменский И. М. Примечания // Авеста. Избранные гимны; Из Видевдата. Пер. с авест., предисл., примеч. и словарь И. Стеблин-Каменского. М.: Дружба народов; КРАМДС–Ахмед Ясави, 1993. С. 181–197.
- Стеблин-Каменский И. М. Арийско-уральские связи мифа об Йиме // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Челябинск: ЧелГУ, 1995. Ч. V. Кн. 1. С. 166–167.

- Стеблин-Каменский И. М. Вступительные статьи // Гаты Заратуштры / Пер. с авестийского, комм. и прил. И. М. Стеблин-Каменского. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2009. С. 4–32.
- Райх Д. Кто мы и как сюда попали. Древняя ДНК и новая наука о человеческом прошлом. М.: АСТ; Corpus, 2020. 443 с.
- Хайду П. Уральские языки и народы. М.: «Прогресс», 1985. 430 с.
- Хелимский Е. А. Южные соседи финно-угров: иранцы или исчезнувшая ветвь ариев («арии-андроновцы»)? // Компаративистика, уралистика: Лекции и статьи. М.: Языки славянской культуры, 2000. С. 502–510.
- Чайлд Г. Арийцы. Основатели европейской цивилизации. М.: ЗАО Центрполиграф, 2009. 269 с.
- Чаттерджи С. К. Введение в индоарийское языкознание. Восемь лекций, прочитанных в 1940 г. в Гуджаратском обществе родного языка (Ахмадабад). М.: Наука, 1977. 256 с.
- Членова Н. Л. Археологические материалы к вопросу об иранцах доскифской эпохи и индоиранцах // Советская археология. 1984. № 1. С. 88–103.
- Членова Н. Л. Проблема прародинны иранцев и древнейшие городища Южного Урала и сопредельных территорий // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Челябинск: ЧелГУ, 1995. Ч. V. Кн. 1. С. 177–184.
- Эдельман Д. И. Иранские и славянские языки: Исторические отношения. М.: Восточная литература, 2002. 230 с.
- Элиаде М. Шаманизм: архаические техники экстаза. Киев: «София», 2000. 480 с.
- Эрман В. Г. Очерк истории ведийской литературы. М.: Наука, 1980. 231 с.
- Яблонский Л. Т. Саки Южного Приаралья: (Археология и антропология могильников). М.: Информ.-изд. центр «ТИМР», 1996. 184 с.
- Akurgal E. The Hattian and Hittite civilizations. Ankara: Republic of Turkey Ministry of Culture, 2001. 300 p.
- Allentoft M. E., Sikora M., Sjögren K.-G., Rasmussen S., Rasmussen M., Stenderup J., Damgaard P. B., Schroeder H., Ahlström T., Vinner L., Malaspina A.-S., Margaryan A., Higham T., Chivall D., Lynnerup N., Harvig L., Baron J., Della Casa Ph., Dąbrowski P., Duffy P. R., Ebel A. V., Epimakhov A. V., Frei K., Furmanek M., Gralak T., Gromov A. V., Gronkiewicz S., Grupe G., Hajdu T., Jarysz R., Khartanovich V., Khokhlov A., Kiss V., Kolář J., Křiška A., Lasak I., Longhi C., McGlynn G., Merkevicius A., Merkyte I., Metspalu M., Mkrtychyan R., Moiseyev V., Paja L., Pálfi G., Pokutta D., Pospieszny Ł., Price T. D., Saag L., Sablin M., Shishlina N., Smrčka V., Soenov V. I., Szeverényi V., Tóth G., Trifanova S. V., Varul L., Vicze M., Yepiskoposyan L., Zhitenev V., Orlando L., Sicheritz-Pontén Th., Brunak S., Nielsen R., Kristiansen K., Willerslev E. Population genomics of Bronze Age Eurasia // Nature. 2015. (11 June 2015). Vol. 522. P. 167–172.
- Anthony D. W. The horse, the wheel and language: how Bronze-Age riders from the Eurasian steppes shaped the modern world. Princeton: Princeton University Press. Princeton and Oxford, 2007. 553 p.
- Blažek V., Hegedűs I. On the position of Nuristani within Indo-European // In The Sound of Indo-European 2: papers on Indo-European phonetics, phonemics and morphophonemics. Lincom Studies in Indo-European Linguistics. Vol. 41. Munich: Lincom, 2012. P. 40–66.
- Bryant E. The Quest for the Origins of Vedic Culture. The Indo-Aryan Migration Debate. Oxford: University Press, 2001. 387 p.
- Chernykh E. N. Formation of the Eurasian 'Steppe Belt' of Stockbreeding Cultures: Viewed through the Prism of Archaeometallurgy and Radiocarbon Dating // Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia. 2008. № 35. P. 36–53.
- Chernykh E. N. Nomadic Cultures in the Mega-Structure of the Eurasian World. Academic Studies Press, LRC Publishing House. 2017. P. 234–249.
- Childebayeva A., Fricke F., Rohrlach A. B., Huang L., Schiffels S., Vesakoski O., Mannermaa K., Semerau L., Aron F., Solodovnikov K., Rykun M., Moiseyev V., Khartanovich V., Kovtun I., Krause J., Kuzminykh S., Haak W. Bronze age Northern Eurasian genetics in the context of development of metallurgy and Siberian ancestry // Communications Biology 7. 2024. Article number: 723. DOI: <https://doi.org/10.1038/s42003-024-06343-x>.
- Gray R. D., Atkinson Q. D. Language-tree divergence times support the Anatolian theory of Indo-European origin // Nature. 27 November 2003. Vol. 426. P. 435–439.
- Grünthal R., Heyd V., Holopainen S., Janhunen J., Khanina O., Miestamo M., Nichols J., Saarikivi J. & Sinnemäki K. Drastic demographic events triggered the Uralic spread // Diachronica. 2022. № 39. P. 490–524.

Janhunen J. Proto-Uralic – what, where, and when? // The quasiquicentennial of the Finno-Ugrian Society. 2009. № 258. P. 57–78.

Kassian A. S., Zhivlov M., Starostin G., Trofimov A. A., Kocharov P. A., Kuritsyna A., Saenko M. N. Rapid radiation of the inner Indo-European languages: an advanced approach to Indo-European lexicostatistics // *Linguistics*. 2021. 59 (4). P. 949–979.

Kovtun I. V. Lunar images in the cultural traditions in the south of Western Siberia in the second half of the 3rd – the beginning of the 2nd millennium BC. // *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. Soc. Sci.* 2021. 14 (1). P. 49–68.

Kristiansen K. Bridging India and Scandinavia: Institutional Transmission and Elite Conquest during the Bronze Age // *Interweaving Worlds. Systemic Interaction in Eurasia, 7th to the 1st Millennia BC*. Oxford: Oxbow Books, 2011. P. 243–265.

Lamberg-Karlovsky C. C. Archaeology and Language. The Indo-Iranians // *Current Anthropology*. February 2002. Volume 43, Number 1. P. 63–88.

Lubotsky A. Indo-European and Indo-Iranian Wagon Terminology and the Date of the Indo-Iranian Split. Part IV. The Bronze Age Chariot and Wool Horizons // *The Indo-European Puzzle Revisited Integrating Archaeology, Genetics and Linguistics*. Cambridge University Press. 29 April 2023. P. 257–262.

Narasimhan V. M., Patterson N., Moorjani P., Rohland N., Bernardos R., Mallick S., Lazaridis I., Nakatsuka N., Olalde I., Lipson M., Kim A. M., Olivieri L. M., Coppa A., Vidale M., Mallory J., Moiseyev V., Kitov E., Monge J., Adamski N., Alex N., Broomandkhoshbacht N., Candilio F., Callan K., Cheronet O., Culleton B. J., Ferry M., Fernandes D., Freilich S., Gamarra B., Gaudio D., Hajdinjak M., Harney É., Harper Th. K., Keating D., Lawson A.-M., Mah M., Mand K., Michel M., Novak M., Oppenheimer J., Rai N., Sirak K., Slon V., Stewardson K., Zalzal F., Zhang Z., Akhatov G., Bagashev A. N., Bagnera A., Baitanayev B., Bendezu-Sarmiento J., Bissembaev A. A., Bonora G.-L., Charyginov T. T., Chikisheva T., Dashkovskiy P. K., Derevianko A., Dobeš M., Douka K., Dubova N., Duisengali M. N., Enshin D., Epimakhov A., Fribus A. V., Fuller D., Goryachev A., Gromov A., Grushin S. P., Hanks B., Judd M., Kazizov E., Khokhlov A., Krygin A. P., Kupriyanova E., Kuznetsov P., Luiselli D., Maksudov F., Mamedov A. M., Mamirov T. B., Meiklejohn Ch., Merrett D. C., Micheli R., Mochalov O., Mustafokulov S., Nayak A., Pettener D., Potts R., Razhev D., Rykun M., Sarno S., Savenkova T. M., Sikhymbaeva K., Slepchenko S. M., Soltobaev O. A., Stepanova N., Syvatko S., Tabaldiev K., Teschler-Nicola M., Tishkin A. A., Tkachev V. V., Vasilyev S., Velemínský P., Voyakin D., Yermolayeva A., Zahir M., Zubkov V. S., Zubova A., Shinde V. S., Lalueza-Fox C., Meyer M., Anthony D., Boivin N., Thangaraj K., Kennett D. J., Frachetti M., Pinhasi R., Reich D. The formation of human populations in South and Central Asia // *Science*. 2019. (6 September 2019). № 365 (6457), eaat7487. P. 1–15.

Parpola A. Location of the Uralic Proto-Language in the Kama River Valley and the Uralic Speakers' Expansion East and West With The 'Sejma-Turbino Transcultural Phenomenon' 2200–1900 BC // *Археология евразийских степей*. 2022. № 2. С. 258–277.

Zeng T. C., Vyazov L. A., Kim A., Flegontov P., Sirak K., Maier R., Lazaridis I., Akbari A., Frachetti M., Tishkin A. A., Ryabogina N. E., Agapov S. A., Agapov D. S., Alekseev A. N., Boeskorov G. G., Derevianko A. P., Dyakonov V. M., Enshin D. N., Fribus A. V., Frolov Y. V., Grushin S. P., Khokhlov A. A., Kiryushin K. Yu., Kiryushin Y. F., Kitov E. P., Kosintsev P., Kovtun I. V., Makarov N. P., Morozov V. V., Nikolaev E. N., Rykun M. P., Savenkova T. M., Shchelchkova M. V., Shirokov V., Skochina S. N., Sherstobitova O. S., Slepchenko S. M., Solodovnikov K. N., Solovyova E. N., Stepanov A. D., Timoshchenko A. A., Vdovin A. S., Vybornov A. V., Balanovska E. V., Dryomov S., Hellenthal G., Kidd K., Krause J., Starikovskaya E., Sukenik R., Tatarinova T., Thomas M. G., Zhabagin M., Callan K., Cheronet O., Fernandes D., Keating D., Francesca C., Iliev L., Kearns A., Özdoğan K. T., Mah M., Micco A., Michel M., Olalde I., Zalzal F., Mallick S., Rohland N., Pinhasi R., Narasimhan V., Reich D. Postglacial genomes from foragers across Northern Eurasia reveal prehistoric mobility associated with the spread of the Uralic and Yeniseian languages // *bioRxiv preprint*. October 2023. DOI: <https://doi.org/10.1101/2023.10.01.560332>.

Zeng T. C., Vyazov L. A., Kim A., Flegontov P., Sirak K., Maier R., Lazaridis I., Akbari A., Frachetti M., Tishkin A. A., Ryabogina N. E., Agapov S. A., Agapov D. S., Alekseev A. N., Boeskorov G. G., Derevianko A. P., Dyakonov V. M., Enshin D. N., Fribus A. V., Frolov Y. V., Grushin S. P., Khokhlov A. A., Kiryushin K. Yu., Kiryushin Y. F., Kitov E. P., Kosintsev P., Kovtun I. V., Makarov N. P., Morozov V. V., Nikolaev E. N., Rykun M. P., Savenkova T. M., Shchelchkova M. V., Shirokov V., Skochina S. N., Sherstobitova O. S., Slepchenko S. M., Solodovnikov K. N., Solovyova E. N., Stepanov A. D., Timoshchenko A. A., Vdovin A. S., Vybornov A. V., Balanovska E. V., Dryomov S., Hellenthal G., Kidd K., Krause J., Starikovskaya E., Sukenik R., Tatarinova T., Thomas M. G., Zhabagin M., Callan K., Cheronet O., Fernandes D., Keating D., Francesca C., Iliev L., Kearns A., Özdoğan K. T., Mah M., Micco A., Michel M., Olalde I., Zalzal F., Mallick S., Rohland N., Pinhasi R., Narasimhan V., Reich D. Ancient DNA reveals the prehistory of the Uralic and Yeniseian peoples // *Nature*. 2025. Vol. 644. P. 122–132.

УДК 902/904

DOI 10.24412/2411-7838-2025-22-61-86

ТАМГИ НА ПЛИТАХ ОГРАД КУРГАНОВ В ОКРЕСТНОСТЯХ СЕЛА АБАКАНО-ПЕРЕВОЗ В ХАКАСИИ

И. Д. Русакова*Музей-заповедник «Томская Писаница»*

Статья посвящена продолжающимся работам автора по обследованию камней в оградах тагарских курганов с целью поиска древних рисунков и достоверительных знаков. Обследовано около 210 курганов, на 52-х обнаружено 85 камней с рисунками и знаками, которые расположены обычно на одной из граней, реже – на двух, трёх или четырёх. Всего зафиксировано 105 граней с изображениями и знаками. В статье уделяется внимание тамгам, которых к настоящему времени на курганных камнях открыто порядка 60. С учётом знаков, обнаруженных на скалах Боярского хребта, коллекция тамг в окрестностях с. Абакано-Перевоз насчитывает около 100 знаков. В статье проанализированы некоторые тамги, встреченные в данном археологическом микрорайоне впервые. Сделан вывод о том, что ряд тамг был нанесён на курганные камни в кыргызскую эпоху, некоторые из них продолжали использоваться хакасами. Часть знаков появилась на курганных камнях в новое время.

Ключевые слова: Хакасия, Абакано-Перевоз, Боярский хребет, петроглифы, тамги, кыргызское время, новое время

TAMGAS ON THE MOUND FENCE SLABS FROM THE VICINITY OF ABAKANO-PEREVOZ IN KHAKASSIA

I. D. Rusakova*"Tomskaya Pisanitsa" Museum-Reserve*

The paper publishes new results of the author's ongoing research on fence slabs of Tagar mounds aimed at finding ancient images and identification marks. About 210 mounds have been examined, and 85 stones with images and signs were found on 52 of them, which are usually located on one of the stone faces, less often on two, three or four faces. A total of 105 surfaces with images and signs have been recorded. The article focuses on tamgas, of which about 60 have been discovered on the burial mounds so far. Taking into account the signs found on the rocks of the Boyary Ridge, the tamga collection includes about 100 signs in the vicinity of the Abakan-Perevoz village. The article analyzes some tamgas that were found in this archaeological area for the first time. It is concluded that a number of tamgas were made on burial mounds in the Kyrgyz Period, and some of them continued to be used by the Khakas. A part of the signs appeared on the burial mounds during the ethnographic period.

Keywords: Khakassia, Abakan-Perevoz, Boyary Ridge, petroglyphs, tamgas, Kyrgyz period, Modern Period

Введение

Автором продолжают работы по обследованию камней оград курганов в окрестностях с. Абакано-Перевоз в Боградском районе Республики Хакасия на предмет рисунков и знаков. С 2023 г. обследованы курганы с каменными оградами с северо-запада, запада, юго-запада и юго-востока от села, всего 14 групп и два одиночных кургана, а также группа курганов на северо-западном берегу Тесинского залива (рис. 1).

По визуально определяющимся признакам они относятся к подгорновскому, биджинскому и сарагашенскому этапам тагарской культуры [Русакова, 2024, с. 120–122].

Территория, на которой расположено основное количество курганов, образует условный прямоугольник, северо-восточный угол которого «срезан» Красноярским водохранилищем. Южная сторона прямоугольника составляет 5 км, западная – около 6 км (рис. 1: 3). Всего обследовано около

210 курганов, имеющих в своих конструкциях каменные плиты, выступающие над поверхностью. На 52 курганах обнаружено 85 камней с рисунками и знаками. На большинстве курганов (31) рисунки нанесены на один камень; на 13-ти курганах рисунки содержатся на двух камнях, на четырёх курганах – на трёх. Два кургана, занимающие господствующее положение в своих группах, имеют по четыре камня с рисунками и знаками. На одном из обследованных курганов, по визуальным признакам являющемся престижным, для нанесения рисунков и знаков были использованы шесть камней. На трёх камнях изображения и знаки нанесены на две грани.

В целом же на большинстве обследованных камней рисунки присутствуют только на одной грани. На 11-ти камнях изображения зафиксированы на двух гранях, на трёх камнях – на трёх гранях, у одного

каменя рисунками покрыты все четыре грани. Всего, таким образом, зафиксировано 105 граней с рисунками и знаками. Камни, на которых имеется беспорядочная выбивка, не складывающаяся в какое-либо изображение, не учитывались.

Отмечено пять камней, на которых рисунки содержатся на верхних гранях. Скорее всего, это блоки, когда-то бывшие частью скальных выходов с древними писаницами. По всей вероятности, наличие рисунков не имело значения для строителей курганов, при выломке блоков они не заботились об их сохранности, и на верхних гранях камней оград курганов мы видим лишь фрагменты изображений.

Количество рисунков и знаков на гранях различно – от одного изображения или знака до многофигурных композиций.

При сооружении некоторых курганов в качестве угловых, простеночных и вы-

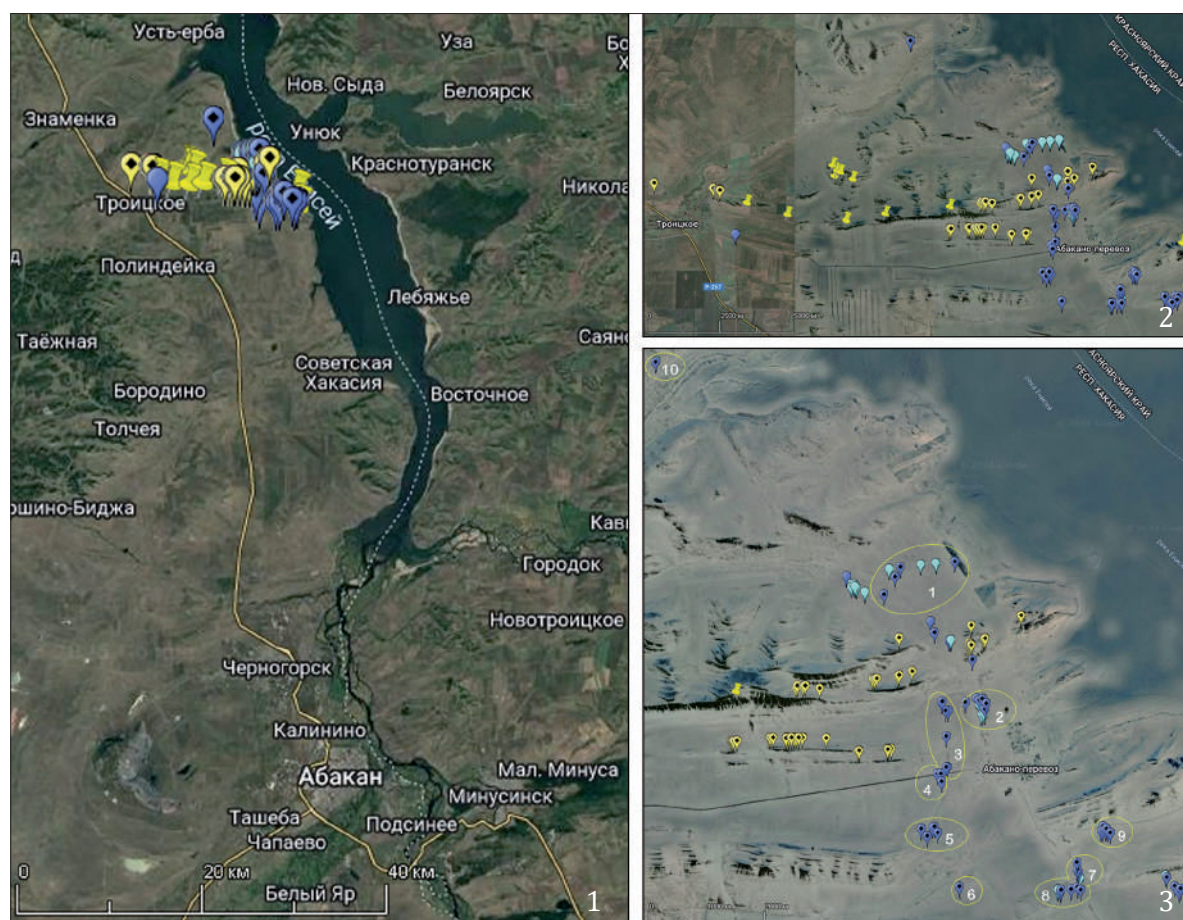

Рис. 1. Изображения на скалах и курганных камнях в окрестностях с. Абакано-Перевоз: 1 – на карте Хакасии; 2 – скальные выходы (жёлтые метки) и курганные камни (синие метки) с рисунками и тамгами; изваяния или их обломки в качестве курганных камней (метки бирюзового цвета); 3 – цифрами от 1 до 10 обозначены курганные группы, в которых на камнях оград обнаружены тамги

носных камней использовались изваяния и стелы окуневского времени, по большей части их обломки. В 2024 г. в составе четырёх могильников на 14-ти курганах было зафиксировано минимум 15 таких случаев. Было отмечено ещё несколько камней в оградах, которые также имеют следы обработки, но они слишком разрушены, и полной уверенности в принадлежности их к изваяниям или стелам нет [Там же, с. 122, 133].

В 2025 г. в курганных группах к юго-востоку от с. Абакано-Перевоз и на северо-западном берегу Тесинского залива было обнаружено еще 12 обломков изваяний и стел на девяти курганах, где они были использованы в качестве угловых и простеночных камней; в одном случае обломок изваяния выполнял функцию южного камня «ворот» с восточной стороны кургана. На некоторых из этих обломков зафиксированы рисунки более позднего, по сравнению с изготовлением изваяний, времени.

Описание

Настоящая статья посвящена тамгам, которые достаточно часто встречаются на курганных камнях обследуемого археологического микрорайона. Приведем их описание.

1. С северной стороны от сопки восточной оконечности Боярского хребта, близко к береговой линии Красноярского водохранилища расположен могильник с насыпями курганов высотой до 1,5–3 м, диаметром до 25–30 м. Пять крупных курганов вытянуты цепочкой по линии 3–В (рис. 1: 3), остальные разбросаны по полю без видимой системы. Вперемежку встречаются курганы меньшей высоты и с меньшими диаметрами насыпей. В целом здесь визуализируется более десяти курганов, ориентированных осями оград по сторонам света с небольшим отклонением против часовой стрелки. На камнях трёх из них обнаружены рисунки, в конструкциях трёх курганов зафиксированы статуарные объекты или их обломки [Там же, с. 127, 128].

На восточной периферии могильника располагается небольшой четырёхкаменный курган со стороной ограды около 4 м

(полевой шифр АП 24-08-17). Угловые камни – высотой до 1,5 м. На южной неровной грани ЮВ углового камня выбито несколько рисунков и тамга, которая представляет собой горизонтальную дугу концами вверх. Возможно, что изображённая ниже фигура в виде буквы «У» вверх ногами также является частью этой тамги (рис. 2)¹.

2. На северо-западной окраине с. Абакано-Перевоз находится достаточно скученно расположенный могильник, вытянутый по линии С–Ю и состоящий из курганов с четырёх-, восьми- и десятикаменными оградами, ориентированными своими длинными осями по линии СЗ–ЮВ (рис. 1: 3). Высота насыпей – до 1 м, диаметр от 8–10 до более чем 20 м. Высота камней – до 1,5–2 м от поверхности. Всего в могильнике насчитывается около 35 курганов. На камнях четырёх из них обнаружены рисунки и тамги. В конструкциях как минимум трёх курганов были использованы обломки изваяний и стела [Там же, с. 130].

На выносном камне одного из восьмикаменных (?) курганов (полевой шифр АП 24-08-03), наклонившемся на Ю примерно на 25 градусов, на восточной грани выбиты: тамга (?), представляющая собой кириллическую букву «Н»; тамга в виде окружности, разделённой пополам вертикальной линией; тамга в виде горизонтальной дуги концами вверх и окружности над ней. Вероятно, знаки были нанесены ещё в то время, когда камень стоял прямо (рис. 3: 1).

Северо-восточнее описанного кургана располагается восьмикаменный (?) курган, юго-восточная часть которого разрушена траншеей (АП 24-08-05). Угловой ЮЗ камень высотой около 1 м обтёсан до трапециевидной формы, верх скошен таким образом, что восточная часть выше западной. На южной очень неровной грани в верхней части выбита тамга, состоящая из двух пар горизонтальных дуг, соединённых между собой внутренними концами и расположенных друг над другом, так называемая четырёхдужная, над ней прочерчена тонкими линиями тамга, состоящая из двух горизонтальных дуг, расположенных в ряд и соединённых внутренними концами (дву-

¹ Все фото курганных камней выполнены М. В. Воробьёвым, за что приношу ему огромную благодарность.

Рис. 2. Тамга и на южной грани углового ЮВ камня четырёхкаменного кургана (АП 24-08-17)

дужная) (рис. 3: 2). Помимо этих знаков здесь видны остатки выветренных гравированных и выбитых изображений.

3. Группа из восьми крупных курганов западнее с. Абакано-Перевоз, вытянутых цепочкой по линии С–Ю, пересекаемой дорогой Троицкое–Абакано-Перевоз (рис. 1: 3). Курганы восьми- и десятикаменные, с насыпями высотой до 1,5 м, диаметром 25–35 м. Ограды ориентированы осями по сторонам света. Некоторые курганы имеют выносные камни и «ворота» с восточной стороны. Камни оград высотой от 0,5 до 1,2 м. На плитах оград четырёх курганов зафиксированы рисунки и тамги. На одном из них, со стороны ограды порядка 25 м и высотой насыпи до 1,5 м (полевой шифр АП 22-01), на южной грани ЮЗ углового камня, расколовшегося на две части по высоте, выбита тамга в виде окружности с двумя перекрещенными линиями внутри. Возможно, здесь были выбиты и другие знаки, но из-за сильной их выветренности говорить об этом сложно (рис. 4).

4. Юго-юго-западнее от описанного выше могильника находится скопление мини-

Рис. 3: 1 – Тамги на восточной грани выносного камня восьмикаменного (?) кургана (АП 24-08-03); 2 – тамги на южной грани углового ЮЗ камня восьмикаменного кургана (АП 24-08-05)

Рис. 4. Тамги и остатки изображений на южной грани расколовшегося углового ЮЗ камня восьмикаменного кургана (АП 22-01)

мум из 12 курганов, вытянутое по линии С-Ю (рис. 1: 3). В сравнении с курганами предыдущего могильника их насыпи меньшего диаметра (до 20 м) и меньшей высоты (до 1 м). Стенки оград осями ориентированы по сторонам света. Угловые и простеночные камни – до 1 м высотой. В ограде восьмикаменного кургана с западной сто-

роны скопления (полевой шифр АП 23-05) на южной грани углового ЮЗ камня с помощью выбивки нанесены две антропоморфные фигуры и три тамги: крест; окружность с вертикальной линией внутри и с отростком с левой стороны; горизонтальная дуга концами вверх с окружностью над ней (рис. 5).

Рис. 5. Тамги и рисунки на южной грани углового ЮЗ камня восьмикаменного кургана (АП 23-05)

5. На расстоянии около 600–700 м на юго-юго-запад от этого могильника располагается группа из десяти восьми- и десятикаменных курганов высотой 1–1,5 м, ориентированных осями оград по сторонам света (рис. 1: 3). Самый крупный курган в группе (полевой шифр АП 23-10) имеет

насыпь диаметром примерно 20 м и высоту около 1,5 м. Он десятикаменный, с «воротами» с восточной стороны и выносным камнем на западе, отстоящим от ограды на расстояние около 20 м. Высота камней – 1,2–1,6 м. Шесть из них были использованы для нанесения рисунков и знаков. На выносном камне изображения находятся на южной и восточной гранях (рис. 6). На южной грани наряду с антропоморфными фигурами присутствует шесть тамг, представляющих собой: две – окружность с точкой в центре; две – дугу концами вверх с окружностью внутри вогнутой части; одна – дугу на кресте; одна – букву «С» или окружность с выветренной правой частью (рис. 6: 3, 4).

На угловом СЗ камне рисунки и знаки содержатся на южной и восточной гранях (рис. 7). На южной грани среди остатков изображений, выполненных с помощью выбивки, сохранились две двудужные тамги, расположенные горизонтально (рис. 7: 3); на восточной грани в верхней части – окружность на кресте, ниже – окружность; оба

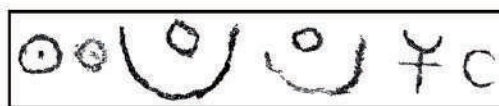

Рис. 6. Тамги и рисунки на восточной (1, 2) и южной (3, 4) гранях выносного камня престижного десятикаменного кургана (АП 23-10)

знака выполнены тщательно, глубокой выбивкой и располагаются над фигуративными изображениями (рис. 7: 4).

На восточной грани углового ЮВ камня кургана видны остатки плохо сохранившихся изображений и три тамги: крест, вы-

полненный глубокой тщательной выбивкой, и две окружности (рис. 8: 3, 4).

На южных гранях двух простеночных камней – в СЗ секторе (рис. 8: 1, 2) и в Ю стенке ограды (рис. 9: 1, 3) – плохо сохранившаяся выбивка, в том числе тамги, об-

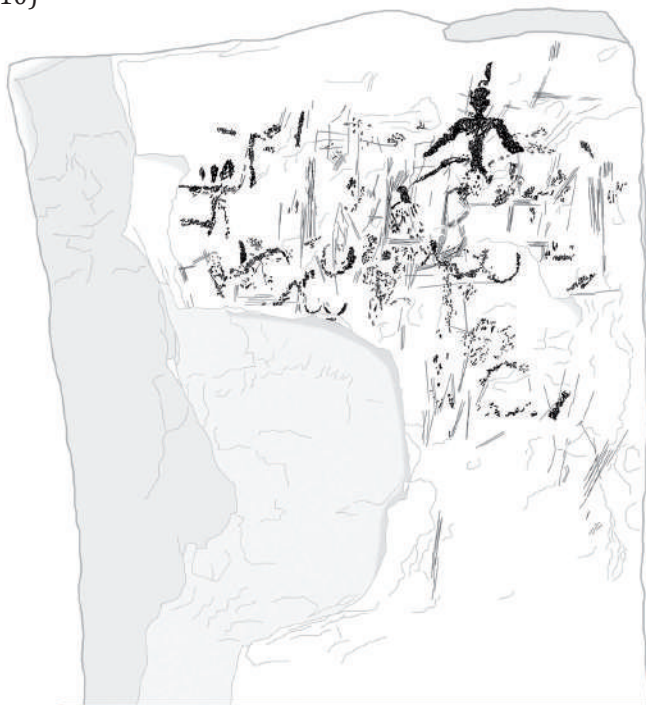

1

2

Рис. 7. Тамги и рисунки на южной (1, 3) и восточной (2, 4) гранях углового СЗ камня престижного десятикаменного кургана (АП 23-10)

3

4

щим элементом которых является скобчатая фигура концами вверх. Снизу от обеих «скобок» были ещё какие-то элементы, но достоверно судить о них нельзя из-за плохой сохранности знаков. Возможно, что на простеночном камне из СЗ сектора также

1

2

3

4

изображена тамга в виде стилизованной антропоморфной фигуры со сложенными в кольцо ногами, которая перекрывается тамгой со скобчатой фигурой в верхней части (рис. 8: 2).

На угловом СВ камне в верхней трети восточной грани – крупная тамга в виде окружности (рис. 9: 2, 4). Подобная тамга, но гораздо хуже сохранившаяся, выбита в центре восточной грани простеночного камня, находящегося в северной стенке ограды этого кургана.

Юго-западнее описанного кургана располагается десятикаменный курган (полевой шифр АП 23-12). Угловой ЮЗ камень сильно завален на север. На северной грани – изображения антропоморфных фигур и две тамги в виде окружности с поперечной линией внутри.

Северо-восточнее кургана АП 23-12 находится ещё один десятикаменный курган, который имеет «вход» с восточной стороны (полевой шифр АП 23-13). Угловой ЮЗ камень хорошо обтёсан, имеет трапециевидную форму, нижняя часть оформлена в виде постамента; высокой стороной направлен на восток. На южной грани выби-

Рис. 8. Тамги и остатки изображений на южной грани простеночного камня в СЗ секторе (1, 2) и восточной грани углового ЮВ камня (3, 4) престижного десятикаменного кургана (АП 23-10)

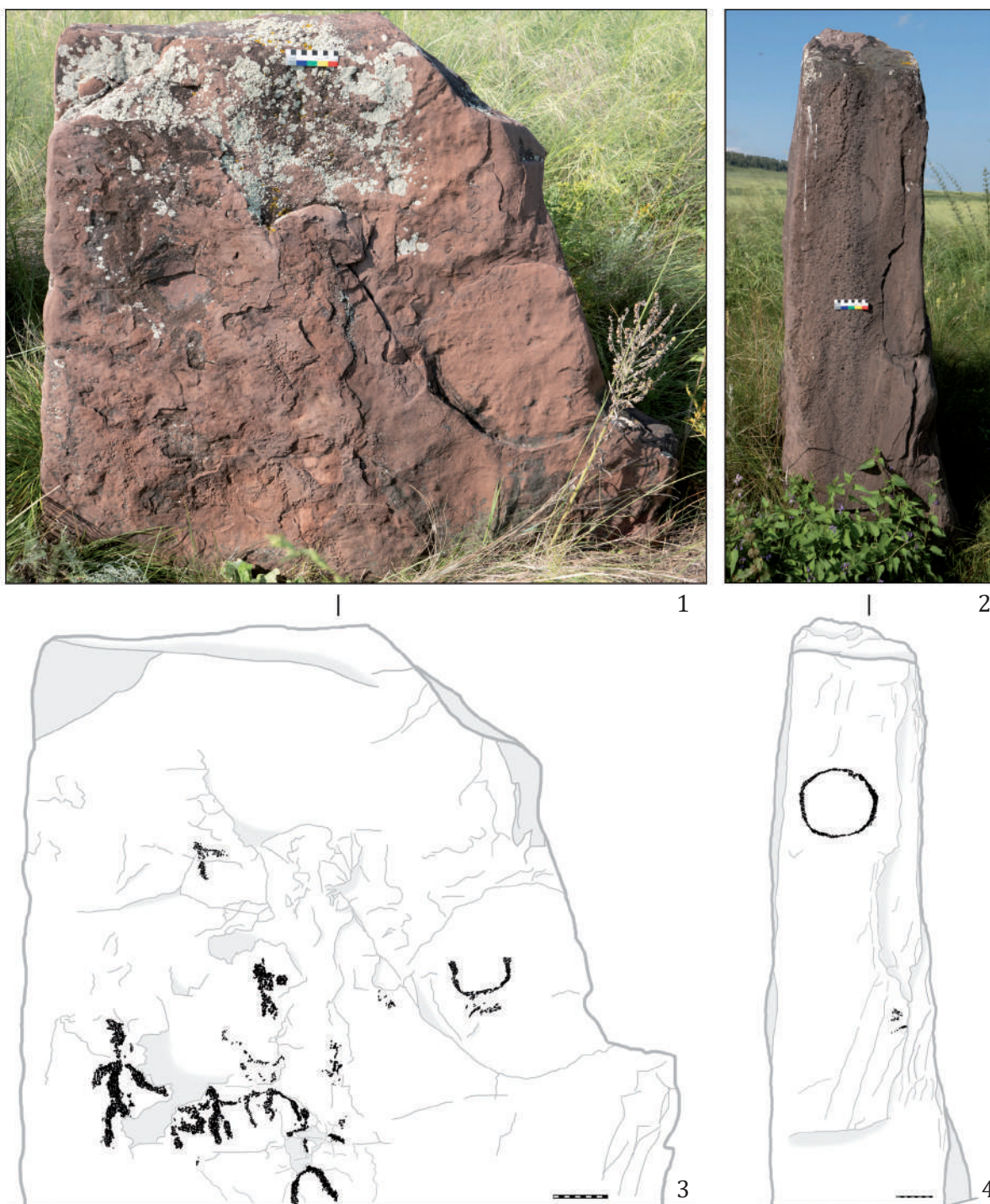

Рис. 9. 1, 3 – тамга и остатки изображений на южной грани простеночного камня в южной стенке; 2, 4 – тамга на восточной грани углового СВ камня престижного десятикаменного кургана (АП 23-10)

то четыре тамги в виде окружности, которую делит пополам вертикальная линия. Одна тамга выбита глубоко и тщательно, остальные три – более мелкой выбивкой, которая уже достаточно сильно выветрилась (рис. 10).

6. На расстоянии около 800 м к юго-востоку от описанной группы курганов, у подножия небольшой возвышенности располагается одиночный десятикаменный (?) курган диаметром около 30-ти м и высотой насыпи до 1,5 м (рис. 1: 3). Сохранилось

Рис. 10. Тамги на южной грани углового ЮЗ камня десятикаменного кургана с «воротами» (АП 23-13)

Рис. 11. Тамги и плохо сохранившиеся изображения на южной грани углового СЗ камня одиночного десятикаменного (?) кургана

три угловых камня высотой 2–2,5 м. СВ камень обтёсан до антропоморфной формы. На южной грани СЗ камня видны остатки выбивки и три (?) тамги. Одна тамга представляет собой окружность, разделённую пополам вертикальной линией, которая продолжается вверх и пересекается горизонтальной линией. Основу второй тамги также представляет собой окружность с вертикальной линией внутри, которая продолжается вниз и соединяется с горизонтальной дугой концами вверх. В верхней части, возможно, ещё одна тамга – скобчатая фигура концами вверх (рис. 11).

7. Юго-юго-восточнее с. Абакано-Перевоз, за грядой невысоких горok находится цепочка из пяти курганов, вытянутая по линии ССЗ–ЮЮВ (рис. 1: 3). Четыре кургана – четырёхкаменные, практически без насыпей, со сторонами оград длиной 4,5–7 м. Один курган – удлинённой формы, со сторонами ограды 10 × 5,5 м, длинной осью ориентированный по линии ССЗ–ЮЮВ. Камни оград – высотой от 1 до 2 м.

На одном из курганов (полевой шифр АП 25-08-04) с «воротами» с восточной стороны, на угловом ЮЗ камне, на южной грани сохранилось два антропоморфных изображения, остатки неопределённой выбивки и в правой части – тамга в виде дуги концами вверх с отростком в правой части (рис. 12: 1).

8. Следующее скопление курганов располагается юго-юго-западнее группы 7, на расстоянии от неё около 200 м. Скопление вытянуто с запада на восток, состоит из пяти четырёхкаменных, восьмикамennого и десятикаменного курганов (рис. 1: 3).

Десятикаменный курган крупных размеров (полевой номер АП 25-08-05; диаметр около 25 м, высота насыпи около 1,5 м) находится на восточном склоне холма, выше, чем остальные курганы, тем самым занимает господствующее положение на местности. Длинной осью ориентирован по линии ССЗ–ЮЮВ. С восточной стороны – «ворота», расстояние между камнями которых – около 5 м. Один из камней «ворот» (южный) представляет собой обломок изваяния в виде скульптуры животного (?), простеночный камень в СВ секторе огра-

Рис. 12. 1 – тамга и рисунки на южной грани углового ЮЗ камня четырёхкаменного кургана с «воротами» (АП25-08-04); 2 – тамга и остатки изображений на восточной грани углового СВ камня десятикаменного кургана (АП25-08-05)

ды – возможно, расколотая вдоль узкой грани стела овальной формы. На двух угловых камнях присутствует выбивка. На восточной грани углового СВ камня высотой около 1 м, имеющего наклон на Ю, в верхней части выбита тамга в виде окружности с вертикальной линией внутри (рис. 12: 2).

Подобная тамга находится на южной грани угловой ЮЗ плиты четырёхкаменного кургана (полевой номер АП 25-08-07),

расположенного ниже по склону на восток (рис. 13: 1).

Четырёхкаменный курган, находящийся восточнее описанных, практически не имеет насыпи; ограда со сторонами 5 × 3 м длинной осью ориентирована по линии С–Ю (полевой номер АП 25-08-08). На южной грани углового СВ камня, заполненной плохо «читаемой» выбивкой, определяются две тамги – дуга концами вверх

Рис. 13: 1 – тамга и рогатый антропоморфный персонаж на южной грани углового ЮЗ камня четырёхкаменного кургана (АП 25-08-07); 2 – тамги и плохо «читаемые» изображения на южной грани углового СВ камня четырёхкаменного кургана (АП 25-08-08)

Рис. 14. Палимпсест из двух тамг на южной грани углового СЗ камня четырёхкаменного кургана (АП 25-08-09)

с отроостком слева и две горизонтальные дуги, соединённые своими концами (двудужная) (рис. 13: 2).

От этого кургана на ВЮВ располагается ещё один, когда-то четырёхкаменный, курган (полевой шифр АП 25-08-09). Ограда размером 5 × 4 м длинной осью ориентирована по линии С–Ю. Сохранилось три угловых камня. На южной грани угловой СЗ плиты – остатки выбивки и две тамги, расположенные в восточной части: окружность с двумя перекрещенными линиями внутри и перекрывающая её четырёхдужная тамга (рис. 14).

На четвёртом, полуразрушенном четырёхкаменном кургане (полевой шифр АП 25-08-010), сохранилось два угловых камня, а также восточная стенка и камни «ворот», вросшие в землю. Массивная угловая ЮВ плита наклонена на С под углом около 50 градусов. На узкой восточной грани – остатки выбивки и две тамги в виде окружности, поделённой пополам вертикальной линией (рис. 15: 1). На северной неровной грани, в настоящее время расположенной под отрицательным углом, с во-

Рис. 15. Тамги на восточной (1) и северной (2) гранях углового ЮВ камня четырёхкаменного кургана (АП 25-08-10)

Рис. 16. Тамги на восточных гранях угловых ЮВ (1) и СЗ (2) камней четырёхкаменного кургана (АП 25-08-012)

сточной стороны – тамга в виде горизонтальной дуги концами вверх и тамга в виде окружности, поделённой пополам вертикальной линией. С западной стороны грани выбита четырёхдужная тамга. Выбивка очень неглубокая и сильно выветренная (рис. 15: 2). По всей видимости, все имеющиеся на этом камне тамги были выбиты ещё тогда, когда он стоял вертикально.

9. Небольшое скопление, состоящее из 11 (?) курганов, находится на южном склоне гряды возвышенностей, которую с востока завершает гора Пахина. Курганная группа расположена ближе к западной оконечности гряды (рис. 1: 3). Один курган – восьмикаменный, остальные предположительно четырёхкаменные (не у всех курганов полностью сохранились ограды).

Крайний западный курган в группе (АП 25-08-012) имеет высоту насыпи около 0,5 м. Размеры ограды 7 × 10 м, длинной осью ориентирован по линии ССЗ–ЮЮВ.

На трёх угловых камнях содержатся рисунки и знаки. На восточной грани ЮВ углового камня высотой около 1 м тщательно выбиты две крупные тамги в виде окружностей с горизонтальными линиями внутри. Тамги расположены одна над другой (рис. 16: 1). На восточной грани углового СЗ камня высотой 0,8 м выбито две антропоморфные фигуры и тамга в виде окружности с дугообразным отростком от верхней части контура, направленным влево, и с выбивкой в центре (?) (рис. 16: 2).

Восьмикаменный курган с массивными угловыми и простеночными плитами высотой 1,5–1,7 м (полевой шифр АП 25-08-013) – самый северный в группе, находится на наиболее высокой точке по сравнению с остальными курганами, занимает доминирующее положение на местности. Высота насыпи до 0,8 м, размеры ограды около 15 × 20 м. Длинной осью ориентирован по линии С–Ю. На южной грани угловой ЮВ

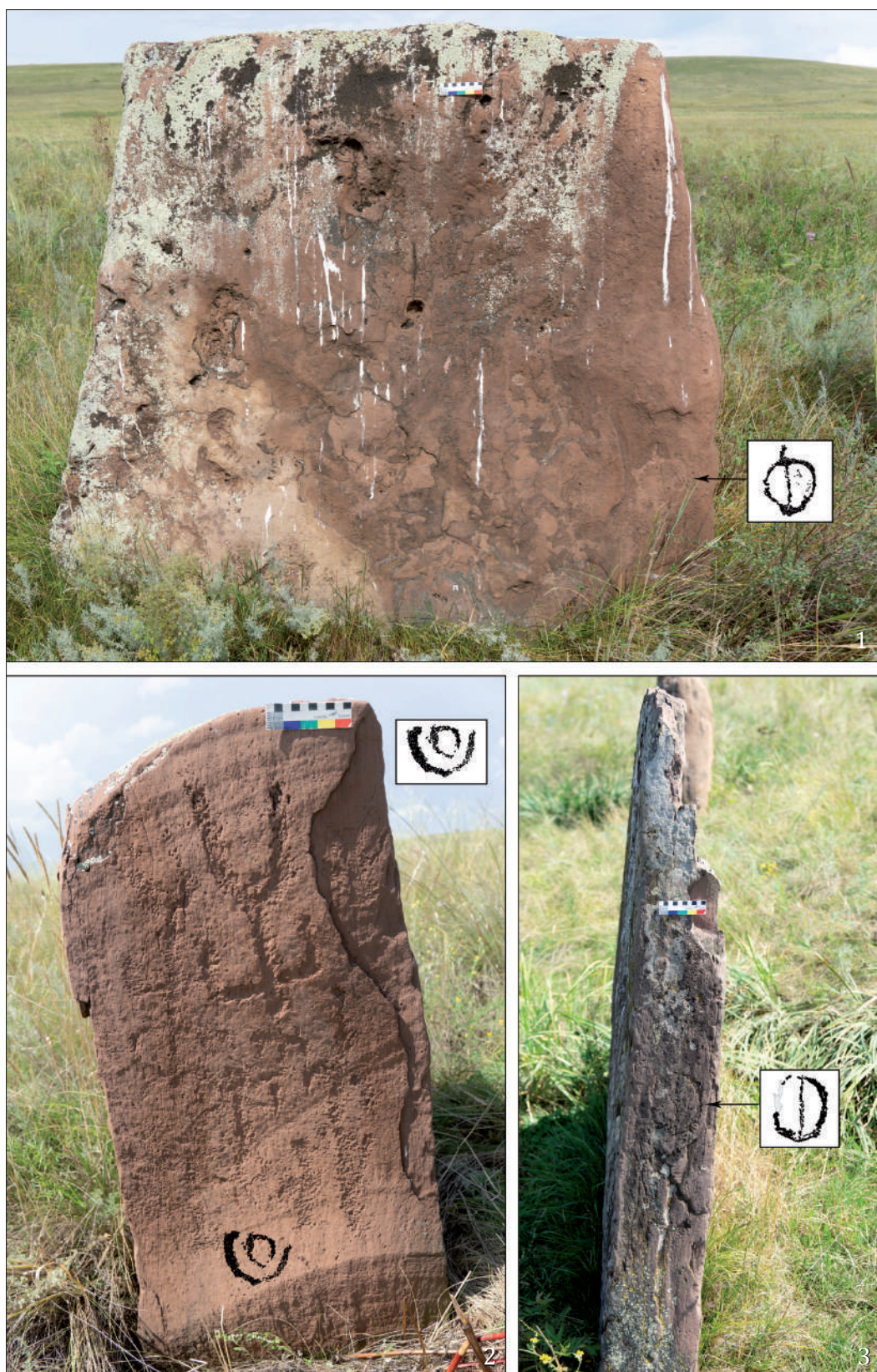

Рис. 17. 1 – тамга и плохо «читаемая» выбивка на южной грани углового ЮВ камня восьмикаменного кургана (АП 25-08-013); 2 – тамга и антропоморфные фигуры на юго-восточной грани углового ЮВ камня четырёхкаменного кургана (АП 25-08-016); 3 – тамга на западной грани простеночного камня в северной стенке восьмикаменного кургана (ТЗ-25-08-01)

плиты – антропоморфные изображения, остатки неопределяемой выбивки и тамга в виде окружности с вертикальной линией внутри и небольшим вертикальным отростком в верхней части контура. Тамга имеет более светлую патину, чем другая выбивка (рис. 17: 1).

Курган с остатками небольшой насыпи высотой до 0,5 м (АП 25-08-015). Сохранились два угловых камня почти правильной прямоугольной формы высотой около 1 м. На всех четырёх гранях СВ углового камня есть рисунки. На северной грани – выбивка под лишайником, в том числе тамга в виде окружности, разделённой вертикальной линией. Тамга, как и остальная выбивка, очень плохо визуализируется. Требуется расчистка грани от биообрастателей.

Четырёхкаменный курган (АП 25-08-016), ближе других располагающийся к доминирующему, на расстоянии около 60 м на ЮВ. Высота насыпи до 0,5 м, размеры ограды около 8 × 10 м, длинной осью ориентирован по линии ССВ–ЮЮЗ. Угловой ЮВ камень высотой около 0,8 м слегка развёрнут и ориентирован длинной осью на СЗ–ЮВ. На юго-восточной грани выбиты антропоморфные фигуры, одна из них, самая крупная, показана вверх ногами. Внизу, под фигурами, выбита тамга в виде дуги с окружностью в центре вогнутой части (рис. 17: 2).

10. Группа из четырёх курганов на северо-западном берегу Тесинского залива, около 2 км на юго-запад от Копёнского чаатаса (рис. 1: 3). Рисунки и тамга обнаружены на камнях ограды крупного восьмикамennого кургана (ТЗ-25-08-01) с насыпью диаметром около 25 м, высотой до 1 м. Длинной осью ограды ориентирован на СЗ–ЮВ. Расположен выше по склону по сравнению с другими курганами и занимает доминирующее положение в группе. Угловые и простеночные камни массивные, высотой 1,4–2,5 м. На четырёх из них зафиксированы рисунки; один камень представляет собой обломок изваяния. На северном простеночном камне высотой около 1,5 м от поверхности на западной узкой грани выбита тамга в виде окружности с вертикальной линией внутри (рис. 17: 3).

Анализ

Таким образом, в настоящий момент на курганных камнях в окрестностях с. Абакано-Перевоз зафиксировано порядка 60 знаков (рис. 18). С учётом знаков, обнаруженных на скалах Боярского хребта, а их около 40 [Русакова, 2021; 2022; 2023], в указанном археологическом микрорайоне известно около 100 тамг.

На курганных камнях знаки расположены на восточных (рис. 3: 1; 7: 2, 4; 8: 3, 4; 9: 2, 4; 12: 2; 15: 1; 16) и западных (рис. 17: 3) узких торцевых гранях, а также на широких южных (рис. 2; 3: 2; 4; 5; 6: 3, 4; 7: 1, 3; 8: 1, 2; 9: 1, 3; 10; 11; 12: 1; 13; 14; 17: 1) и северных (рис. 15: 2), зачастую имеющих неровную поверхность. В одном случае для нанесения рисунков и тамги была использована ЮВ грань углового ЮВ камня (рис. 17: 2), но это связано, по всей вероятности, с тем, что камень, установленный с традиционной ориентацией узких граней на З–В, был развёрнут в результате каких-то естественных (?) процессов, возможно, в результате сползания насыпи.

В целом картина с использованием курганных камней для нанесения рисунков и знаков не отличается от других могильников Минусинской котловины и на наш взгляд связана с их визуальным восприятием. Восточные и южные грани, особенно по прошествии определённого времени, – более свободны от биообрастания, к тому же восточные грани обычно наиболее ровные, а южные дольше освещены солнцем. Поэтому в большинстве случаев изображения наносились на эти грани. На северных и западных гранях также фиксируются знаки и рисунки, в том числе и многофигурные композиции, однако гораздо реже. Что касается качества выбираемой для нанесения рисунков поверхности [Миклашевич, Бове, 2015, с. 60], то порой остаётся только удивляться, почему для этого использовалась неровная, казалось бы, очень неудобная грань (рис. 3: 2; 6: 3; 7: 1; 9: 1; 10; 11; 13: 1; 14; 15: 2).

Расположение тамг на поверхностях граней различно и не имеет какой-либо системы. Они могли быть нанесены в верхней части грани или в её центре и даже сегодня

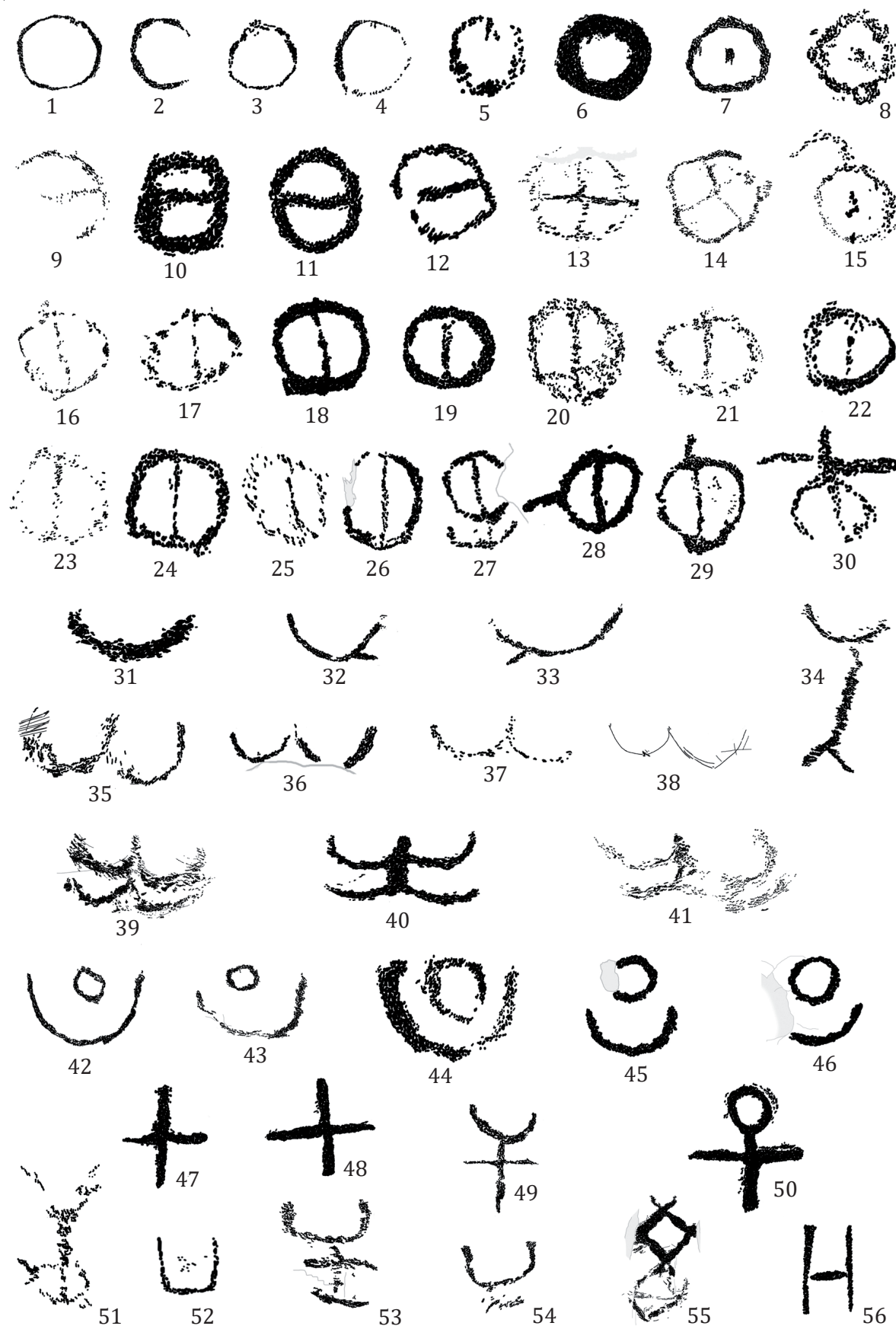

Рис. 18. Сводная таблица тамг на курганных камнях в окрестностях с. Абакано-Перевоз

сразу бросаются в глаза (рис. 3: 1; 5; 9: 4; 16: 1; 17: 3), довольно часто перекрывая выбитые ранее рисунки (рис. 6: 3; 7: 2, 4; 8: 3, 4); или же могли располагаться сбоку или снизу на участках, свободных от фигуративных изображений (рис. 2; 9: 1, 3; 16: 2; 17: 2), а иногда наносились едва заметной, к настоящему времени сильно выветренной выбивкой или гравировкой, как уже сказано, на неудобных поверхностях. случаев перекрывания удостоверительных знаков фигуративными изображениями не зафиксировано.

В большинстве своём обнаруженные тамгообразные знаки имеют простые формы: в виде окружности (рис. 18: 1–6); окружности с точкой в центре (рис. 18: 7, 8); окружности, разделённой пополам горизонтальной (рис. 18: 9–12) или вертикальной линией (рис. 18: 16–26); окружности, разделённой двумя перпендикулярными линиями (рис. 18: 13, 14); знаки в виде креста (рис. 18: 47, 48), дуги концами вверх (рис. 18: 31).

Встречаются более сложные знаки: окружность с точкой или с линией внутри и с отростком (рис. 18: 15, 27–29); дуга с отростком (рис. 18: 32, 33); две горизонтальные дуги в ряд, соединённые внутренними концами (двудужные) (рис. 18: 35–38); четырёхдужные тамги (рис. 18: 39–41); дуга с окружностью в центре вогнутой части (рис. 18: 42–46); дуга на кресте (рис. 18: 49); окружность на кресте (рис. 18: 50); тамга в виде стилизованной антропоморфной фигуры (рис. 18: 51), тамги со скобчатой фигурой в верхней части (рис. 18: 52–54) и другие. Некоторые тамги сохранились настолько плохо, что восстановить их форму в настоящее время не представляется возможным.

Преобладают знаки, в основе которых лежит окружность: простая окружность, окружность с точкой в центре, окружность с вертикальным или горизонтальным отрезком внутри, окружность с двумя перекрещенными линиями внутри и др. Подобных знаков на курганных камнях обнаружено более тридцати (рис. 18: 1–30). С учётом знаков на скальных поверхностях (14 знаков) они составляют почти половину от общего количества. Среди этих знаков больше всего тамг в виде окружности, раз-

делённой пополам вертикальной линией, их на сегодняшний день зафиксировано как минимум 12 на камнях (рис. 18: 16–26) и три на скалах (~15 %).

Следующая по численности – группа знаков в виде прямого креста. Зафиксировано восемь таких знаков на скалах и два – на курганных камнях (рис. 18: 47, 48). Восемь знаков – горизонтальная дуга с коротким отростком слева или справа: шесть на скалах и два на камнях (рис. 18: 32, 33); пять знаков – в виде горизонтальной дуги с окружностью в центре вогнутой части (рис. 18: 42–46), четыре – двудужные тамги (рис. 18: 35–38), три – четырёхдужные (рис. 18: 39–41). Остальные знаки встречены в одном или двух экземплярах (рис. 18: 31, 34, 49–56).

В большинстве зафиксированных случаев на одну грань было нанесено по одной тамге (13 граней). На десяти гранях встречено по две тамги, на пяти гранях – по три, на одной грани – четыре и на одной – шесть тамг. Чаще всего там, где выбито два удостоверительных знака или более, это разные знаки (десять случаев), но встречается и по две одинаковых тамги на одной грани (рис. 6: 4; 7: 3; 8: 4; 15: 1; 16: 1). Так, например, среди шести тамг, нанесённых на южную грань выносного камня кургана с полевым номером АП 23-10, выбито по две одинаковых тамги: в виде окружности с точкой в центре и в виде дуги концами вверх с окружностью в центре вогнутой части (рис. 6: 3, 4). При создании подобных «энциклопедий» тамг, по мнению исследователей, наличие одинаковых удостоверительных знаков говорит об участии нескольких представителей одного клана во время проведения соответствующих ритуалов [Яценко, Марсадолов, 2005, с. 213].

Более подробно остановимся на нескольких тамгах, которые были нами зафиксированы на курганных камнях.

Четырёхдужные тамги (рис. 18: 39–41). Подобные тамги подробно рассмотрены в литературе. Время их появления связывается с таштыкской культурой: четырёхдужная тамга нанесена на лопатку лошади, выполненной в таштыкском стиле на скалах горы Суханиха [Есин, 2018, с. 66, рис. 5: 1].

Считается, что это изображение так же, как и ряд изображений из таштыкских склепов, которые могли быть исходной формой этой тамги, появилось на позднем этапе культуры [Там же, с. 67]. В целом же время бытования четырёхдужной тамги соотносится с енисейскими кыргызами, что зафиксировано, в частности, в китайском письменном источнике «Танхуйяо» [Зуев, 1960], «Тан Хуйяо» [Рогожинский, 2012; Есин, 2017] или «Танхуэйяо» [Васильев, 2021]. Это подтверждается сочетанием тамги с древнетюркскими руническими надписями на скальных выходах горы Тепсей [Есин, 2017, с. 64; Шишкина, 2023, с. 295] и на окуневской стеле, расположенной рядом с могиломником Уйтаг-10 в Аскизском районе Республики Хакасия [Бутанаев, 2015, с. 16, текст «а»; Васильев, 2015б, с. 45; 2021, с. 69; рис. 1].

По китайскому письменному источнику время бытования четырёхдужной тамги может быть отнесено к VII–VIII вв. [Есин, 2017, с. 62], надпись на стеле под горой Уйтаг датируется VIII–IX вв. [Васильев, 2021, с. 69] или концом IX–X в. [Есин, 2017, с. 64].

Как известно, некоторые кыргызские тамги доживают до этнографической современности, они бытовали у хакасов вплоть до XX в. [Копкоев, 1969, с. 36, 38; Кызласов, Леонтьев, 1980, с. 46–48; Бутанаев, Худяков, 2000, с. 122; Бутанаев, 2004, с. 97, 98]. Однако знаков, идентичных четырёхдужным, нами в публикациях не встречено. В коллекции тамг, собранных В. Я. Бутанаевым среди «скотоводов Хонгорая», есть знаки, которые состоят, скорее, из двух дуг, расположенных друг над другом и соединённых вертикальной линией [Бутанаев, 2004, табл.: 391, 394; 434; 441]; есть знаки из четырёх дуг, похожие на абакано-перевозинские, но они изображались вверх ногами и могут иметь другое происхождение. Так, тамги 396 и 397 назывались «пага танма» («лягушечья тамга») и использовались семьями Ачитаевых и Токояковых из сеока кичин; знак 405 принадлежал семье Топоевых из сеока хобын [Там же, табл.: № 396, 397, 405; 2015, с. 16].

Двудужные тамги обнаружены на курганных камнях юго-западнее и юго-юго-

восточнее с. Абакано-Перевоз (рис. 18: 35–38). Если исходить из принципа «от простого к сложному», а также из наблюдений практически всех исследователей, в орбиту внимания которых попадали удостоверительные знаки, сначала появлялся базовый вариант тамги, а затем, с расширением рода, к нему добавлялись различные детали. Тогда тамги, состоящие из двух дуг, должны быть более ранними, чем тамги из четырёх дуг, хотя на этот счёт есть и другое мнение: появление двудужных тамг связывается с сегментацией семейно-родственных групп, имеющих тамги, состоящие из четырёх дуг [Есин, 2017, с. 64–65; 2018, с. 65]. Если предположить, что двудужные тамги первичны по отношению к четырёхдужным, то начало их бытования относится ко времени не позднее кыргызского, а возможно, и таштыкского.

Распространены они были и в новое время среди хакасских фамилий, принадлежащих к сеоку кыргыз. Например, двудужная тамга принадлежала фамилии Аршановых, которые относились к тубинскому роду Качинской думы [Бутанаев, Худяков, 2000, с. 272].

«Дуга на кресте» (рис. 18: 49) зафиксирована нами пока в единственном экземпляре. В целом же это широко известный знак, имеющий большое распространение в бассейне Енисея. На территории Республики Тыва он часто встречается на стелах вместе с руническими надписями [Рыгдылон, 1954, с. 67, 68; рис. 2, 6–10; Кызласов, 1960, рис. 9; с. 103–111; Кормушин, 1997, с. 189; 2008, с. 58; 66; Васильев, 2009, рис. 5; и др.].

В Туве датированные памятники енисейской письменности, в том числе и имеющие тамги в виде дуги на кресте, большинством исследователей относятся к периоду вхождения этой территории в государство древних кыргызов, начиная с середины IX и до рубежа X–XI вв. [Кызласов, 1960, с. 111; Грач и др., 1998, табл. XXVII]². Обычай установки стел в кыргызских памятниках Тувы доживает до XI–XII вв., но к этому времени с них исчезают тамги, и только в единичных случаях встречаются стелы с руниче-

² Д. Д. Васильев датирует время существования тамги «дуга на кресте» периодом уйгуро-кыргызских войн на рубеже VIII–IX вв. [Васильев, 2009, с. 44].

скими надписями. С конца X в. основная масса кыргызов возвращается на Средний Енисей [Длужневская, Овчинникова, 1980, с. 87, 88; 93], к XII–XIII вв. памятники енисейских кыргызов преобладают в Минусинской котловине, где они продолжают жить на протяжении последующего времени [Грач и др., 1998, с. 13; 50, 51; 53]. Здесь тамга в виде дуги на кресте также широко представлена [Кызласов Л.Р., 1965, рис. 7, 1; Сунчугашев, 1979, рис. 41; Кызласов И.Л., 1994, с. 306–307; Семёнов и др., 2003, рис. 8; Миклашевич, 2018, рис. 3, 3; Рогова, 2020, рис. 3, 4; Васильев, 2021, рис. 1; и др.]. Время её появления здесь может быть более ранним, чем в Туве, исходя из факта экспансии кыргызов со Среднего Енисея на другие территории, в том числе на территорию Тувы в середине IX в.

Знак в виде дуги на кресте приводит А.Е. Рогожинский в числе редких знаков, встречающихся среди тамг-петроглифов тюркского средневековья Казахстана и Кыргызстана [Рогожинский, 2012, табл. 1; 2014, рис. 1]. Автор указывает, что есть набор тамг, имеющих трансрегиональное распространение, ареал которых простирается от Монгольского Алтая на востоке до Поволжья и Северного Кавказа на западе [Рогожинский, 2012, с. 95]. Оригинальный знак «дуга на кресте» мог быть связан с определёнными группами кыргызов, которые во время своих походов продвинулись в разных направлениях по территории Центральной Азии, о чём свидетельствуют письменные источники и археологические памятники [Грач и др., 1998, с. 72–74].

Тамга в виде дуги на кресте продолжала использоваться на территории Минусинской котловины вплоть до нового времени. Этот достоверительный знак присутствует среди хакасских тамг, собранных в 1950–1960-е гг. Л.Р. Кызласовым [Кызласов, Леонтьев, 1980, рис. 15; с. 157], а также среди полевых материалов В.Я. Бутанаева [2004, табл.: 653, 728]. По сведениям В.Я. Бутанаева, знак 653 принадлежал семье Тхатарковых из сеока тиин, знак 728 – семье Добровых из сеока хасха [Там же].

Тамга в виде дуги с окружностью в центре вогнутой части, или «круг над полудугой концами вверх» [Рыбаков, 2008,

с. 63, 64; рис. 1: 2, 3; 2: 3: 1], в окрестностях с. Абакано-Перевоз обнаружена на четырёх курганных камнях в пяти экземплярах (рис. 18: 42–46). Аналогия этим тамгам присутствует в закрытом комплексе: подобный знак был прочерчен по сырой глине на сосуде из Ташебинского чаатаса [Кызласов, Король, 1990, с. 26, 27]. Кроме того, в своей работе 1965 г. Л.Р. Кызласов, приводя таблицы тамг, собранных А.В. Адриановым [Кызласов, 1965, рис. 7; 8], указывает, что описываемая тамга встречена два раза на Тепсейской писанице среди енисейских надписей [Там же, рис. 8, 18]. В междуречье Июсов Н.И. Рыбаковым было обнаружено до 50 подобных знаков, которым в ряде случаев сопутствовали специфические «фигуры в мантиях» [2008, с. 64] (или «длиннополые» фигуры по: [Панкова, 2002]), что позволило исследователю датировать эти тамги VII – концом VIII в. н.э. [Рыбаков, 2008, с. 77].

Точно такая же тамга приводится в работе А.Е. Рогожинского, где он размещает её среди достоверительных знаков тюркского средневековья Казахстана и Кыргызстана [Рогожинский, 2012, табл. 1, № 30; 2014, рис. 1, № 30]. Остаётся добавить, что так же, как тамга «дуга на кресте», этот знак мог попасть на другие территории вместе с группами кыргызов в результате их походов во время так называемого периода великодержавия, а затем, возможно, осевшими в местах своего нового расселения [Грач и др., 1998, с. 73, 74].

О продолжении применения тамги в виде дуги с окружностью в центре вогнутой части хакасами Л.Р. Кызласов и Н.В. Леонтьев пишут в контексте использования её отдельных элементов («кружок» и дуга) в качестве самостоятельных тамг [1980, рис. 12: 46; с. 26; 28]. Однако у нас нет данных о том, что эта тамга использовалась хакасами как единое целое.

Тамга в виде горизонтальной дуги концами вверх (рис. 18: 31). Это второй экземпляр в окрестностях с. Абакано-Перевоз (одна тамга зафиксирована на местонахождении Абакано-Перевоз VIII [Русакова, 2023, рис. 23: 14]).

Тамга в виде простой дуги не так часто встречается в Минусинской котловине.

Она присутствует на местонахождении петроглифов Усть-Туба III, где перекрывает древнетюркскую надпись [Blednova et al., 1995, 25.14; Советова и др., 2021, рис. 111], в Черёмушном логоу на плоскости рядом с четырёхдужной тамгой [Sher et al., 1999, 16.15], на курганных камнях могильников Мохов I [Николаева, 1983, табл. XX: 9]; Большое озеро VIII [Семенов и др., 2003, табл. 59; 61], Большого Салбыкского кургана [Яценко, Марсадоллов, 2005, табл.: 42].

По вопросу времени использования знака в виде горизонтальной дуги в числе других знаков простых типов исследователи отмечают, что он известен как у древних иранцев, так и у хакасов. На угловом юго-восточном камне Большого Салбыкского кургана этот знак вместе с другими помещён «среди несомненно древних тамг (неизвестных у хакасов), что делает вероятным отнесение их к раннему времени» [Там же, с. 212, 213].

На одной из кыргызских ваз по сырой глине вырезан знак в виде буквы «С» и горизонтальной дуги концами вверх над ней (Капчалы I [Кызласов, Король, 1990, табл. V: 5; рис. 4]). Таким образом, дуга в качестве тамги или её составной части использовалась в Минусинской котловине в кыргызское время. За её пределами тамга в виде горизонтальной дуги встречается чаще [см., напр.: Пэрлээ, 1976, с. 103, № 240; с. 104, № 60, 101, 117, 121, 141, 153, 173, и др.]. Казахские исследователи помещают её среди древнетюркских тамг, датируя в пределах VII–IX вв. [Самашев и др., 2010, рис. 86; табл. на с. 140; 142; 143; 147].

Важное значение имеет аналитика тамг и рунической надписи на сосудах, обнаруженных в составеклада на острове Муруйском на р. Ангаре. Тамга в форме дуги, или полумесяца, присутствует на донцах обоих найденных сосудов – редких изделий тюркской торевтики VIII–IX вв. [Тишин и др., 2020, с. 201]. При сопоставлении нанесённых на сосуды знаков идентичности с известными памятниками центральноазиатского региона авторы публикации приводят аналогии из Центральной Монголии и допускают, что обладатели тамги в виде дуги-полумесяца, представители пока не идентифицированного клана, могли иметь высокий статус при династии Ашина вос-

точных тюрков и в составе политического объединения племён под властью уйгуров [Там же, с. 197, 198, 201].

Удостоверительный знак в виде дуги, по всей вероятности, входит в группу тамг, ареал которых включает разные территории Центральной Азии, что может быть связано с большой подвижностью населения этого региона во время существования наиболее крупных государственных объединений, созданных тюркоязычными правящими династиями VI–X вв. [Савинов, 1984, с. 6], перемещением представителей разных кланов на новые земли в связи с военными походами или мирными договорённостями [Там же, с. 77]. Таким образом одна и та же тамга в виде дуги и/или её производные сегодня фиксируются, в частности, на территории Тувы, Монголии, Минусинской котловины.

Производный от тамги, представляющей собой простую горизонтальную дугу – **знак в виде дуги с прямым коротким отростком слева или справа** (рис. 18: 32; 33). На разных местонахождениях петроглифов Боярского хребта в настоящее время известно шесть таких тамг [Русакова, 2021, рис. 8: 8; 2022, с. 71, рис. 34: 8–10], ещё одна тамга в виде дуги с отростком слева, вероятно, была на горе Перевозной [Appelgren-Kivalo, 1931, Abb. 125, 4]. Обоснование хронологической атрибуции этих удостоверительных знаков кыргызским временем уже приводилось автором [Русакова, 2021, с. 99, 100; рис. 8: 8]. Аналогии этим тамгам в Минусинской котловине единичны. Подобный знак с отростком справа присутствует на скальной плоскости на горе Озёрной среди фигуративных изображений рядом с тамгой «дуга на кресте». Слева от изображений у края камня вырезана древнетюркская надпись [Кызласов, 1994, рис. на с. 307]. При этом знак в виде горизонтальной дуги с отростком слева или справа или отростками с обеих сторон нередко является составной частью сложных тамг, в том числе таких, как «ламповые» фигуры [Appelgren-Kivalo, 1931, Abb. 40 (a); 61; 63; 66; 70; 77; Семёнов и др., 2003, рис. 7; 33; 66; 67; табл. 30–32; 35, 36; 55].

В окрестностях с. Абакано-Перевоз дуга выступает исходным элементом для нескольких типов тамг: дуги с коротким от-

ростком слева или справа, четырёхдужной и двудужной тамг, дуги на кресте, дуги на вершине фигуры из трёх соединяющихся концами линий, дуги с окружностью в центре вогнутой части (рис. 18: 32–46; 49). Практически все эти тамги имеют обоснованную датировку кыргызским временем. По верному замечанию Ю. Н. Есина, горизонтальная дуга является «специфической деталью ряда важнейших типов тамг средневековых племён Минусинской котловины и Тувы, отличая их от большинства удостоверительных знаков других регионов Евразийского степного пояса» [2017, с. 67]. Наличие инвариантной тамги простой формы в виде горизонтальной дуги, представительная серия различных тамг на её основе в окрестностях с. Абакано-Перевоз говорит о том, что этот археологический микрорайон входил в ареал формирования и развития какого-то кыргызского клана, в дальнейшем оставившего свои следы в других регионах Центральной Азии.

Тамга в виде окружности с дуговидным отростком («усом») в верхней части, направленным влево, и с выбивкой в центре (?) (рис. 18: 15). Возможно, что был и второй отросток, но плохая сохранность выбивки не позволяет утверждать это с уверенностью. В любом случае этот знак – третий в группе родственных тамг, обнаруженных в окрестностях с. Абакано-Перевоз. Тамга в виде окружности, от верхней части которой отходят два дугообразных отростка, присутствует на местонахождении петроглифов Абакано-Перевоз III [Русакова, 2022, с. 49; 72; рис. 33: 1], на местонахождении Абакано-Перевоз VIII в скоплении тамг находится знак в виде окружности с точкой в центре и четырьмя дугообразными отростками в верхней части [Русакова, 2021, с. 93; рис. 5: 11].

Таким образом, наличие трёх вариантов тамги в виде окружности с «усами» [Вайнберг, Новгородова, 1976, с. 69], или «раскрыльями» [Кызласов, 2000, с. 74], в данном микрорайоне может говорить о владении землями/проживании здесь как минимум трёх поколений семьи или трёх родственных семей одного рода [Русакова, 2021, с. 98, рис. 7]. Время использования удостоверительных знаков этой группы в Минусинской котловине исследователи

определяют тагарской [Семёнов и др., 2003, с. 69, 70] или кыргызской эпохами [Кызласов, 2000, с. 72–74].

Знак в виде окружности с двумя «усами» имеет аналогии от Южной Монголии до плато Устюрт и верховьев Дона и Северного Донца, время его использования – от ахеменидского периода до средневековых аланов VII–X вв. [Яценко, 2001, табл. 6: IV-2-90; 17: II-a-3, II-b-8; 32: a-7; 35: d-88; 36: III-2]. Тамга в виде окружности с двумя «усами» присутствует и среди хакасских тамг [Бутанаев, 2004, табл.: № 211, 224, 295, 315, 486]. То есть этот знак может быть датирован в широком хронологическом диапазоне.

При этом аналогий тамге с четырьмя «усами» нами пока не встречено. Однако она прекрасно вписывается и дополняет «древо личных тамг», построенное И. Л. Кызласовым для семейства, членом которого был автор тамги, нанесённой рядом с рунической надписью на скальном выходе сопки Крес-Хая на правом берегу Белого Июса [Кызласов, 2000, рис. 5; Русакова, 2021, рис. 7: 12]. Кроме того, тамга в виде окружности с двумя «усами» находится на плоскости Абакано-Перевоза III среди других тамг в составе «энциклопедии» [Русакова, 2022, рис. 10]. В числе этих тамг – знак в виде горизонтальной дуги с отростком справа, датируемый кыргызской эпохой. Поэтому применительно к нашему археологическому микрорайону считаем наиболее вероятной датировку группы тамг в виде окружности с «усами» этим временем [Русакова, 2021, с. 98, 99].

Тамга в виде окружности на кресте (рис. 18: 50). Такая тамга в окрестностях с. Абакано-Перевоз также встречена пока в единственном экземпляре.

Аналогичная тамга зафиксирована на угловом юго-восточном камне Большого Салбыкского кургана среди скопления знаков, большинство которых авторы публикации относят ко времени, синхронному сооружению погребального комплекса и поминальному обряду вокруг него [Яценко, Марсадолов, 2005, с. 213; табл.: 19], аналогии знаку присутствуют среди знаков ахеменидского Ирана [Яценко, 2001, рис. 32: 6].

Подобная тамга, только с окружностью большего диаметра, была обнаружена на

горе Тепсей рядом с древнетюркской надписью [Кызласов, 1965, рис. 8 (по А. В. Адрианову), 41]. Эта тамга, по мнению С. Г. Кляшторного, обычна для древнекыргызской геральдики [Кляшторный, 1976, рис. 9; с. 69, 70; 2006, табл., 9; с. 324]. Датировку надписей Тепсея и Турана, и, соответственно, связанных с ними тамг С. Г. Кляшторный предлагает в пределах VIII–IX вв. [Там же].

По данным исследователей, тамги в виде креста, имеющего на вершине окружность большего или меньшего диаметра, довольно широко использовались в новое время хакасами [Катанов, 1897, таблица к с. 21; Копкоев, 1969, с. 36; Кызласов, Леонтьев, 1980, рис. 12, 6; 15, 9, 10; с. 24; 157]. А. А. Кыржинаков публикует тамгу, подобную абакано-перевозинской, среди традиционных геометрических удостоверительных знаков хакасов XIX – начала XX в. [2022, табл.]. В значительном количестве эти тамги приведены В. Я. Бутанаевым в «Таблице тамг скотоводов Хонгорая» [2004, табл.: №26, 48, 49, 72, 156, 238, 239, 284 и др.]. Абакано-перевозинская тамга ближе многочисленным хакасским тамгам, которые встречаются практически на всей территории Минусинской котловины.

Тамга в виде буквы «Н». Как известно, с приходом русских и внедрением фамилий среди коренного населения Сибири у хакасов получили распространение тамги, состоящие из букв русского алфавита [Катанов, 1893, с. 110, 111; Кызласов, Леонтьев, 1980, с. 22; Бутанаев, 1994, с. 32; Кыржинаков, 2022, с. 107]. Возможное использование русских букв в качестве тамг на скалах Боярского хребта уже отмечалось автором [Русакова, 2021, с. 100]. Русская буква «Н» в верхней части восточной грани выносного камня кургана с полевым шифром АП 24-08-03 также может выступать в качестве хакасской тамги (рис. 18: 56). Одиночная буква «Н» дважды зафиксирована на скалах Боярского хребта [Русакова, 2011, рис. 4, b; 2021, рис. 3: 3]. Известна она и на других местонахождениях Минусинской котловины, например, на могильнике Мохов 1 [Николаева, 1983, табл. XX: 13], на Усть-Тубе III [Шишкина и др., 2025, с. 36]. Присутствует этот знак и в сводке хакасских тамг в монографии И. Л. Кызласова и Н. В. Леонтьева [1980, рис. 12: 97].

Хотя возможно, что он не имеет отношения к русскому алфавиту и мог использоваться в качестве тамги ранее, до распространения в Минусинской котловине русской письменности. С. А. Яценко и Л. С. Марсадилов пишут, что знак в виде буквы «Н» в числе других знаков простых типов известен ещё у древних иранцев. По мнению авторов, присутствие на угловом камне Большого Салбыкского кургана «среди несомненно древних тамг» делает вероятным отнесение его к раннему времени, то есть ко времени сооружения погребального комплекса [2005, с. 212, 213; табл.: 37]. Однако на скалах Боярского хребта знак «Н» в одном случае перекрывает фигуративные изображения раннего железного века и имеет более светлую патину, чем окружающие рисунки и тамги (Абакано-Перевоз VIII), во втором случае (Малая Боярская писаница, группа II) патина знака также светлее, чем изображения раннего железного века. Поэтому наиболее вероятно, что эти знаки были нанесены в новое время.

Выводы

Исследования автора ещё раз подтверждают сложность идентификации и хронологической атрибуции тамговых знаков, находящихся на открытых поверхностях. Многие знаки использовались населением разных культур на протяжении столетий, если не сказать больше, соответственно, определить датировку того или иного конкретного знака порой не представляется возможным. Помимо поиска достоверно датированных аналогий, определённую помощь в этом вопросе может оказать анализ расположения знака на скальной плоскости или на грани камня, палимпсестов, степени патинизации, который порой помогает сделать некоторые выводы.

В целом можно говорить об использовании тамг на курганных камнях в исследуемом археологическом микрорайоне в качестве удостоверительных знаков, которыми отмечались границы владений рода/семьи. Также тамги могли наноситься при проведении каких-то ритуальных действий, молений, при заключении договорённостей или союзов [Васильев, 2015а, с. 366]. Например, у выносного камня престижного кургана АП 23-10, привлекающего

внимание и по сей день, могло происходить какое-то важное действие, во время которого представители четырёх (?) семей/кланов выбили на южной грани свои тамги, причём две тамги были выбиты по два раза (рис. 6: 3). Таким образом могла выражаться семейная/клановая сплочённость или повышенная активность, когда от одной семьи/клана присутствовал не один представитель [Яценко, Марсадолов, 2005, с. 214; Яценко, 2012, с. 72].

Могли проводиться акции, связанные с выражением солидарности. В тюркском мире известны скопления, состоящие из идентичных тамг. Предполагается, что в подобных случаях участники, независимо от клана, демонстрировали свою солидарность, не изображая личного знака [Яценко, 2012, с. 72]. Так, на угловом камне кургана АП23-13 на одной грани выбито четыре одинаковых тамги в виде окружности с вертикальным отрезком внутри (рис. 10). Возможно также, что эти тамги были выбиты в разное время разными поколениями одной семьи в подтверждение того, что земельные угодья оставались по-прежнему в её владении. С этой же целью могли быть выбиты и по две одинаковых тамги на одной грани (рис. 7: 3; 8: 4; 15: 1; 16: 1).

На курганных камнях нами зафиксировано два палимпсеста, каждый из которых состоит из двух разных тамг (рис. 8: 1, 2; 14). В обоих случаях вторая, «верхняя» тамга была выбита именно на том участке, где уже находилась первая, хотя на плоскости камня достаточно свободного места. Это могло быть сделано намеренно, чтобы «нейтрализовать» действие более ранней тамги, показать, кто теперь новый «хозяин места». Наличие этих палимпсестов не согласуется с выводом о том, что обычно более поздние знаки не перекрывают ранние, т.к. считалось, что порча чужого знака могла привести к беде [Яценко, Марсадолов, 2005, с. 212]. Также вполне вероятно, что «верхние» тамги у с. Абакано-Перевоз были нанесены существенно позже, когда о хозяевах более ранних тамг уже ничего не было известно.

Палимпсест на южной грани СЗ углового камня кургана АП 25-08-09 (рис. 14) позволяет сделать вывод о времени нанесения «нижней» тамги в виде окружности

с двумя перекрещенными линиями внутри. Время существования четырёхдужной тамги с большой долей уверенности может быть определено кыргызской эпохой. Соответственно, более ранняя тамга могла быть нанесена не позднее этого времени. Подобные знаки относятся к разряду универсальных и встречаются на разных территориях и в разные хронологические периоды. Для данного региона мы можем говорить об использовании этого знака по крайней мере с раннего средневековья.

Таким образом, для археологического микрорайона в окрестностях с. Абакано-Перевоз появление наиболее ранних тамг на данном этапе исследований мы можем связывать с кыргызским временем. Это четырёхдужные тамги (рис. 18: 39–41); тамги в виде дуги с окружностью в центре вогнутой части (рис. 18: 42–46); в виде горизонтальной дуги (рис. 18: 31); в виде горизонтальной дуги с коротким отростком справа или слева (рис. 18: 32, 33). По всей вероятности, это именно кыргызские тамги, т.к. точных аналогий им среди достоверных знаков хакасов мы не встретили. Судя по палимпсесту, в кыргызское время могла быть нанесена тамга в виде окружности с двумя перекрещенными линиями внутри (рис. 14; 18: 13). К этому же времени, на наш взгляд, относятся тамги в виде окружности с «усами».

Такие разновидности тамг, как «дуга на кресте» (рис. 18: 49) или двудужная тамга (рис. 18: 35–38) могли быть нанесены на курганные камни как в раннее средневековье, так и в новое время. Тамга в виде буквы «Н» (рис. 18: 56), хотя и имеет ранние датировки [Яценко, Марсадолов, 2005, с. 212, 213], в окрестностях с. Абакано-Перевоз, по всей вероятности, появилась уже в новое время. То же самое можно сказать про тамгу «окружность на кресте»: имея прототип среди кыргызских тамг, она получила широкое распространение у хакасов и была тщательно и глубоко выбита представителями какого-то хакасского рода на одной из граней курганного камня в самой верхней части, над другой тамгой и рисунками (рис. 7: 3).

По мнению исследователей, тамги представителей сеока кыргыз у хакасов не только имеют параллели у рода кыргыз в Туве

и Монголии, но и восходят к тамгам на кыргызских памятниках рунической письменности, что подтверждает их взаимосвязь с предками [Бутанаев, 2004, с. 97, 98]. Однако уже в XIX в., как пишет С. А. Токарев, тамги распределялись между родами хакасов самым прихотливым образом: у каждого рода оказалось в пользовании большое количество различных тамг, измеряемое десятками. С другой стороны, одна и та же тамга могла оказаться в употреблении у нескольких родов [1952, с. 129, 130]. Наличие одинаковых или схожих тамг у представителей разных родов И. Л. Кызласов и Н. В. Леонтьев объясняют тем, что они могли использоваться семьями, которые жили за десятки километров друг от друга, и стада их никогда не сталкивались [1980, с. 30]. Эти семьи могли попросту не знать о существовании друг друга.

Исследователи также приводят случаи «преемственности» тамг, которая никак не связана с наследственностью: некоторые хакасские семьи использовали в качестве

своих знаки, увиденные ими на курганных камнях или на скалах [Катанов, 1893, с. 111; Бутанаев, 1994, с. 32; 2004, с. 100].

Подводя итог, следует отметить, что в последние годы научный интерес к изображениям на курганных камнях Минусинской котловины неизменно растёт [Семёнов и др., 2003; Миклашевич, Бове, 2015; Мухарева, Рогова, 2019; Рогова, 2020; Советова, Шишкина, 2025; и др.]. Но, по сути, систематическая работа по документированию и интерпретации изобразительного и эпиграфического наследия, связанного с курганными камнями, находится на начальной стадии. Огромные могильные поля с возвышающимися над землёй стелами и плитами практически по всей территории Минусинской котловины ещё ждут своих исследователей. Нет сомнений, что продолжение этой работы принесёт множество открытий, которые существенно дополнят наши знания по истории проживавших здесь когда-то и живущих поныне народов.

Литература

- Бутанаев В. Я. Происхождение хакасских родов и фамилий. Абакан: Хакасия, 1994. 96 с.
- Бутанаев В. Я. Степные законы Хонгорая. Абакан: Изд-во ХакГУ им. Н. Ф. Катанова, 2004. 279 с.
- Бутанаев В. Я. Новые памятники кыргызской рунической письменности в Хонгорое (Хакасия) // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2015. № 4 (13). С. 15–18.
- Бутанаев В. Я., Худяков Ю. С. История енисейских кыргызов. Абакан: Изд-во ХакГУ им. Н. Ф. Катанова, 2000. 272 с.
- Вайнберг Б. И., Новгородова Э. А. Заметки о знаках и тамгах Монголии // История и культура народов Средней Азии (древность и средние века). М.: ГРВЛ, 1976. С. 66–74, 176–179.
- Васильев Д. Д. Новые находки древнетюркских надписей в Туве // Наследие народов Центральной Азии и сопредельных территорий: изучение, сохранение и использование. Кызыл: «Аныяк», 2009. Ч. I. С. 40–47.
- Васильев Д. Д. Древнетюркские надписи и петроглифы Южной Сибири как источник по истории периферии Тюркского каганата // Актуальные вопросы археологии и этнологии Центральной Азии. Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2015а. С. 361–366.
- Васильев Д. Д. Стела окуневской культуры с тюркской рунической надписью и тамгой (Курган Уйтаг, Хакасия) // Проблемы востоковедения. 2015б. № 3 (69). С. 43–46.
- Васильев Д. Д. Тюркская руническая надпись и тамга стелы могильника Уйтаг // Эпиграфика Востока. 2021. Вып. 36 (№ 1–2). С. 69–75.
- Грач А. Д., Савинов Д. Г., Длужневская Г. В. Енисейские кыргызы в центре Тувы (Эйлиг-Хем III как источник по средневековой истории Тувы). М.: «Фундамент-Пресс», 1998. 84 с.
- Длужневская Г. В., Овчинникова Б. Б. Кочевое население Тувы в раннем средневековье // Новейшие исследования по археологии Тувы и этногенезу тувинцев. Кызыл: ТувНИИЯЛИ, 1980. С. 77–94.
- Есин Ю. Н. К проблеме идентификации тамг кыргызов и чиков из «Танхуйяо» // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2017. № 1 (17). С. 57–75.

- Есин Ю. Н. О сходстве тамг енисейских кыргызов и правителей Западно-тюркского каганата // Материалы V Международной научной конференции «Народы и культуры Саяно-Алтая и сопредельных территорий», посвященной 85-летию со дня рождения востоковеда, археолога, доктора исторических наук Виталия Епифановича Ларичева. Абакан: Хакасское книжное изд-во, 2018. С. 64–73.
- Катанов Н. Ф. Письма из Сибири и Восточного Туркестана. Приложение к LXXIII тому Записок Академии наук. СПб., 1893. Вып. № 8. 114 с.
- Катанов Н. Ф. Отчёт о поездке, совершенной с 15 мая по 1 сентября 1896 г. в Минусинский округ // Учёные записки Казанского университета. 1897. Кн. 3. 104 с.
- Кляшторный С. Г. Руническая эпиграфика Южной Сибири (наскальные надписи Тепсея и Турана) // Советская тюркология. 1976. № 1. С. 66–70.
- Копкоев К. Г. «Енисейские киргизы» и этногенез хакасов // Учёные записки Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. 1969. Вып. 13. С. 21–38.
- Кормушин И. В. Тюркские енисейские эпитафии. Тексты и исследования. М.: Наука, 1997. 303 с.
- Кормушин И. В. Тюркские енисейские эпитафии: грамматика, текстология. М.: Наука, 2008. 342 с.
- Кызласов И. Л. Рунические письменности евразийских степей. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 1994. 327 с.: ил.
- Кызласов И. Л. Фыркальская руническая надпись и её тамга // Ежегодник института саяно-алтайской тюркологии ХГУ им. Н. Ф. Катанова. Абакан: Изд-во ХакГУ им. Н. Ф. Катанова. 2000. Вып. IV. С. 69–75.
- Кызласов Л. Р. Новая датировка памятников енисейской письменности // Советская археология. 1960. № 3. С. 93–120.
- Кызласов Л. Р. О датировке памятников енисейской письменности // Советская археология. 1965. № 3. С. 38–49.
- Кызласов Л. Р., Король Г. Г. Декоративное искусство средневековых хакасов как исторический источник. М.: Наука. Главная редакция вост. лит-ры, 1990. 216 с.
- Кызласов Л. Р., Леонтьев Н. В. Народные рисунки хакасов. М.: Наука, 1980. 176 с.
- Кыржинаков А. А. Типология тамг – знаков собственности хакасов // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44. № 2. С. 105–110.
- Миклашевич Е. А. Наскальные изображения горы Туран на Среднем Енисее // Теория и практика археологических исследований. 2018. 1 (21). С. 24–39.
- Миклашевич Е. А., Бове Л. Л. Исследование изображений на курганных плитах могильников под горой Бычиха (Минусинская котловина) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 3 (63). Т. 1. С. 52–64.
- Мухарева А. Н., Рогова И. Г. Петроглифы на курганных камнях могильников в окрестностях села Тесь Минусинского района Красноярского края (некоторые результаты полевых исследований 2018 года) // Учёные записки музея-заповедника «Томская Писаница». 2019. Вып. 10. С. 43–52.
- Николаева Т. Н. Изображения на плитах оград курганов тагарской культуры (методика и хронология). Дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1983. 229 с.
- Панкова С. В. К интерпретации загадочных фигур из Хакасии // История и культура Востока Азии. Новосибирск, 2002. Т. 2. С. 135–140.
- Пэрлээ Х. Монгол тумний гарлыг тамгаар хайж судлах нь (Изучение этногенеза монгольских народностей по родовым знакам (Опыт историко-этнографического исследования)). Улаанбаатар: ШУАХ, 1976. 272 с. (на монг. яз.).
- Рогова И. Г. Новые петроглифы на курганных камнях Минусинской котловины: некоторые результаты расчистки изображений от лишайников // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2020. № 1. С. 126–132.
- Рогожинский А. Е. Тамги-петроглифы средневековых кочевников Казахстана: итоги новейших исследований и перспективы дальнейшего изучения // Историко-культурное наследие и современная культура. Алматы: ServicePress, 2012. С. 91–105.
- Рогожинский А. Е. Тамги-петроглифы средневековых кочевников Казахстана (опыт типологии и идентификации знаков) // Диалог культур Евразии в археологии Казахстана. Сб. науч. статей, посвященный 90-летию со дня рождения выдающегося археолога К. А. Акишева. Астана: Сарыарка, 2014. С. 534–547.

- Русакова И. Д. По следам первопроходцев (исследование петроглифов Боярского хребта в Хакасии) // Наскальное искусство в современном обществе (к 290-летию научного открытия Томской писаницы). Кемерово: Кузбассвуиздат, 2011. Т. 2. С. 226–233. (Труды САИПИ. Вып. VIII).
- Русакова И. Д. Тамги Боярского хребта в Хакасии // Учёные записки музея-заповедника «Томская Писаница». 2021. Вып. 14. С. 90–102.
- Русакова И. Д. Петроглифы восточной части Боярского хребта в Хакасии (местонахождения Абакано-Перевоз II, II A, III, IV) // Учёные записки музея-заповедника «Томская Писаница». 2022. Вып. 16. С. 43–76.
- Русакова И. Д. Местонахождение Абакано-Перевоз VIII на Боярском хребте в Хакасии // Учёные записки музея-заповедника «Томская Писаница». 2023. Вып. 18. С. 60–84.
- Русакова И. Д. К вопросу об использовании статуарных объектов окуневской культуры при сооружении тагарских курганов // Учёные записки музея-заповедника «Томская Писаница». 2024. Вып. 20. С. 119–137.
- Рыбаков Н. И. «Солнце–луна» в петроглифах июсских степей // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. Барнаул: Изд-во «Азбука», 2008. Вып. II. С. 60–82.
- Рыгдылон Э. Р. О знаках на плитах с руническими надписями // Эпиграфика Востока. 1954. IX. С. 65–72.
- Савинов Д. Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л.: Изд-во ЛГУ. 1984. 174 с.
- Самашев З., Базылхан Н., Самашев С. Древнетюркские тамги. Алматы: ABDIcompany, 2010. 168 с.
- Семёнов Вл. А., Килуновская М. Е., Красниченко С. В., Субботин А. В. Изображения на плитах тагарских курганов (Шарыповский район Красноярского края). СПб.: ИИМК РАН, 2003. 122 с.
- Советова О. С., Шишкина О. О. Изображения на плитах оград тагарских курганов у горы Тепсей. Кемерово: Форма, 2025. 180 с.
- Советова О. С., Шишкина О. О., Аболонкова И. В. Наскальное искусство Тепсейского археологического микрорайона. Кемерово: Вектор-Принт, 2021. 288 с.
- Сунчугашев Я. И. Древняя металлургия Хакасии. Эпоха железа. Новосибирск: Наука, 1979. 191 с.
- Тишин В. В., Рогожинский А. Е., Серёгин Н. Н. Тамги и руническая надпись на двух сосудах с острова Муруйский на Ангаре. Восток (Oriens). 2020. № 1. С. 191–206.
- Токарев С. А. Пережитки родовых отношений у хакасов в XIX в. // Сибирский этнографический сборник. М.–Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1952. Т. I. С. 108–141. (Труды Института этнографии имени Н.Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. Т. XVIII).
- Шишкина О. О. Тамги в наскальном искусстве Тепсейского археологического микрорайона // Проблемы истории, филологии, культуры. 2023. № 2. С. 290–306.
- Шишкина О. О., Советова О. С., Сирюкин И. В. «Поздние» изображения на курганных камнях тагарского могильника у горы Тепсей // Народы и религии Евразии. 2025. Т. 30. № 1. С. 29–46.
- Яценко С. А. Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 2001. 190 с.: ил.
- Яценко С. А. О некоторых проблемах изучения знаков-тамг Центральной Азии // Историко-культурное наследие и современная культура. Алматы: ServicePress, 2012. С. 68–75.
- Яценко С. А., Марсадалов Л. С. Знаки-тамги на камнях ограды Большого Салбыкского кургана // Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия. Сборник докладов международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения С. В. Киселёва. Красноярск: РИО КГПУ им. В. П. Астафьева, 2005. С. 212–215.
- Appelgren-Kivalo J. Alt-Altäische Kunstdenkmäler. Briefe und Bildermaterial von J. R. Aspelins Reisen in Sibirien und der Mongolei 1887–1889. Helsingfors, 1931. 120 S.
- Blednova N., Francfort H.-P., Legtchilo N., Martin L., Sacchi D., Sher Ja. A., Smirnov D., Soleilvoup F., Vidal P. Repertoire des Petroglyphes d'Asie Centrale. Fascicule No. 2: Sibirie du sud 2: Tepsej I–III, Ust'-Tuba I–VI (Russie, Khakassie). Paris, 1995, 153 p.
- Sher Ja., Legchilo N., Sher M. Sibirie du Sud 4: Cheremushny Log, Ust'-Kulog // Repertoire des Petroglyphes d'Asie Centrale. Fascicule No. 4. Paris, 1999. P. 5–51; 75–103.

УДК 069.12

DOI 10.24412/2411-7838-2025-22-87-93

ВЫСТАВОЧНЫЙ ПРОЕКТ «ХРУПКИЙ МИР» МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА «ТОМСКАЯ ПИСАНИЦА» (ИЗ ОПЫТА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ НАСКАЛЬНОГО ИСКУССТВА ПРИТОМЬЯ)

Д. Ю. Семёнов*Музей-заповедник «Томская Писаница»*

В статье рассматривается опыт музея-заповедника «Томская Писаница» по репрезентации наскального искусства Притомья. Созданная сотрудниками музея-заповедника передвижная выставка «Хрупкий мир», включающая высокоточные факсимильные копии и интерактивные элементы, сопровождается активной просветительской работой среди местного населения. Полученные отклики позволяют заключить, что репрезентация наскального искусства Притомья посредством специализированного выставочного проекта способствует не только знакомству жителей региона с археологическим наследием, но и его популяризации и сохранению.

Ключевые слова: музей-заповедник «Томская Писаница», «Хрупкий мир», наскальное искусство, репрезентация, сохранение, выставка

THE EXHIBITION PROJECT “FRAGILE WORLD” OF THE “TOMSKAYA PISANITSA” MUSEUM-RESERVE (FROM THE EXPERIENCE OF REPRESENTING THE ROCK ART OF THE TOM REGION)

D. Y. Semenov*“Tomskaya Pisanitsa” Museum-reserve*

The article examines the definition of representation and proposes a systematization of its methods. A detailed review of the practical experience in representation is based on the exhibition project “Fragile World” developed by the “Tomskaya Pisanitsa” Museum-Reserve, which demonstrates the application of a traveling exhibition strategy, allowing for educational activities which involve local communities, as well as the use of high-precision facsimile copies and interactive elements. The author concludes that representation is an effective tool for overcoming spatial and semantic barriers, ensuring the preservation of archaeological heritage through popularization and public engagement.

Keywords: “Tomskaya Pisanitsa” Museum-Reserve, “Fragile World”, rock art, representation, conservation, exhibitions

На территории нашей страны находится значительное количество памятников наскального искусства, начиная от верхнепалеолитических пещерных росписей на Урале и заканчивая этнографическими изображениями на открытых скальных поверхностях в различных регионах. Памятники отличаются не только широким географическим охватом и хронологией, но также техникой исполнения рисунков, стилистическими особенностями, содержанием и сюжетами. Особенно много местонахождений наскального искусства выявлено в восточной части России: в Сибири и на Даль-

нем Востоке. Здесь сосредоточен основной массив петроглифов нашей страны [Дэвлет, Дэвлет, 2005, с. 11, 12].

Удалённость большинства памятников от населённых пунктов и отсутствие транспортной инфраструктуры создаёт определённую проблему – существенно затрудняет их посещение и музеефикацию. Возникает также вопрос о последствиях их популяризации. Ведь с увеличением числа посетителей растёт и степень негативного антропогенного воздействия, помимо уже имеющихся природных факторов. Пути решения всё ещё остаются дискуссионными:

в научной среде существуют полярные точки зрения и компромиссные стратегии, подразумевающие развитие регулируемого туризма, основанного на музейном менеджменте [Дэвлет, 2002, с. 184–186]. Сложность заключается и в недостаточной информированности общества о значимости наскального искусства, что усложняет формирование ценностного отношения к его сохранению. И это далеко не все существующие на современном этапе проблемы. В сложившейся ситуации одним из выходов может стать репрезентация наскального искусства посредством современных выставочных проектов.

Сам термин «репрезентация» широко употребляется сразу в нескольких научных дисциплинах: в философии, психологии, социологии, культурологии и др. Изначальный смысл обозначался как «представление об одном в другом и посредством другого»; или замещение и вторичность по отношению к самому оригиналу [История философии..., 2002, с. 880]. В последние годы термин встречается и в научных публикациях, касающихся музейной деятельности. Но, несмотря на это, стоит отметить, что единого определения для репрезентации в целом и для репрезентации наскального искусства в частности на данный момент не существует, что оставляет пространство для формулировок. Заметим также, что в отечественной науке существует ограниченный список источников, касающихся темы репрезентации наскального искусства. Большая часть из них затрагивает смежные категории: музеефикацию, консервацию, вопросы экспонирования наскального искусства в музее, актуализацию, презентацию и др.

По мнению автора, суть репрезентации в музее, которая прошла определённую трансформацию, легко объясняется в сравнении с уже привычной презентацией. Если презентация подразумевает простой показ или демонстрацию музейных предметов, то репрезентация же строится вокруг закладывания смыслов и контекста, воспринимаемых зрителем в музейном пространстве. То есть, репрезентация не обязательно исполняет роль копии, а ско-

рее является отображением определённой идеи, явления, исторического или культурного аспекта [Словарь..., 2010, с. 168]. Репрезентация, таким образом, пронизывает весь процесс работы над выставкой: начиная от изначального отбора предметов и заканчивая дизайнерскими решениями. Каждый подобный пункт влияет на итоговое восприятие человека.

К репрезентации наскального искусства в определённой степени можно отнести сохранение памятника *in situ*, когда он включается в музейную инфраструктуру. Однако репрезентация заключается не столько в представлении (показе) объекта, а в той интерпретации, которую формируют музейные сотрудники при помощи экскурсий, сопроводительных стендов, медийных и иных материалов.

В целом, к основным инструментам репрезентации можно отнести:

- использование оригинальных объектов;
- традиционное включение плоскостных и объёмных факсимильных копий;
- создание точных архитектурных моделей-макетов памятников: копий пещер или открытых скальных поверхностей;
- использование фотографий;
- использование различных документальных источников;
- создание 3d-моделей и виртуальных туров;
- включение мультимедийных технологий, используемых при экспонировании выставок: виртуальная и дополненная реальность, интерактивные панели, мобильные приложения, видеомэппинг и т. д.;
- использование современных работ художников, вдохновлённых древним искусством и его образами;
- экскурсии, лекции и схожие форматы предоставления информации;
- текстовое сопровождение выставки;
- архитектура и дизайн выставки.

В зарубежных музеях репрезентация наскального искусства представлена в первую очередь копиями европейских палеолитических пещер: Ласко, Альтамира и Шове. Создание таких копий обусловлено угрозой исчезновения оригинальных па-

мятников из-за туристического потока, негативно воздействующего на микроклимат пещер. Этот вариант замещения стал стандартным решением в выборе между сохранением и доступом. Идентичный пример на территории России связан с пещерой Шульган-Таш, включённой в 2025 г. в список Всемирного наследия ЮНЕСКО. Строительство музейного комплекса проходило в период 2018–2022 гг., где экспозиция с наскальными рисунками представлена в одной из семи тематических зон [Гаухман, 2023, с. 21].

Наскальное искусство Притомья также является значимой частью археологического наследия, отражающего аспекты духовной и ритуальной жизни древнего населения региона. Оно представляет сложную семиотическую систему, транслирующую сакральные знания и представления в дописьменную эпоху. На примере древних рисунков мы можем проследить формирование мифологического сознания, предшествующего современному рационально-логическому мышлению.

Одним из примеров репрезентации наскального искусства Притомья является выставочный проект «Хрупкий мир», разработанный сотрудниками музея-заповедника «Томская Писаница» при поддержке

Благотворительного фонда Владимира Потанина (рис. 1).

Концепция проекта подчёркивает проблему уязвимости памятников наскального искусства перед лицом времени и человека и актуализирует важную задачу их сохранения. Памятники наскального искусства региона находятся под угрозой разрушения вследствие естественных причин и особенно в результате неосознанного антропогенного вандализма: нанесение граффити, использование скал для тренировок альпинистами, их загрязнение бытовыми отходами. Основная причина подобного отношения – низкая информированность об историко-культурной ценности объектов. Проект «Хрупкий мир», создававшийся в 2024–2025 гг., нацелен на изменение ситуации и формирование у населения региона бережного отношения к древнему наследию, к осознанию его значимости. Таким образом, помимо репрезентации, данный проект выполняет просветительско-образовательную функцию, заключающуюся в информировании местных жителей, проживающих на территории Притомья вблизи писаниц. Выставка даёт ключ к пониманию контекста, касающегося не только местных памятников, но и всего наскального искусства как

Рис. 1. Выставка «Хрупкий мир» (общий вид) в МБОУ «Красносельская ООШ», 2025 г.

Рис. 2. Проведение экскурсии для учащихся МБОУ «Красносельская ООШ» по выставке «Хрупкий мир», 2025 г.

феномена [Горяев, 2025, с. 51–53; Горяев, Аболонкова, 2025, с. 504, 505].

Начиная с мая 2025 г. выставка «Хрупкий мир» была представлена в ряде населённых пунктов Яшкинского и Юргинского муниципальных округов Кузбасса: в пгт. Яшино, с. Колмогорово, с. Красносёлка, с. Новороманово, с. Проскоково. Организация осуществлялась совместно со школами и домами культуры перечисленных населённых пунктов. Сотрудниками музея велось её экскурсионное сопровождение (рис. 2). Выставку активно посещали школьники и местные жители близлежащих поселений. Ядро целевой аудитории составляла возрастная группа от 8 до 18 лет.

В том же году концепция выставки «Хрупкий мир» была представлена специалистами на международном симпозиуме «Наскальное искусство в контексте мирового культурного наследия» в историко-культурном музее-заповеднике «Шульган-Таш» и на всероссийском музейном форуме в Кемеровском государственном институте культуры. «Хрупкий мир» экспонировался в г. Красноярске на VII (XXIII) Всероссийском археологическом съезде, где был

сделан доклад о концепции выставки как инструмента работы с местным сообществом. В 2026 г. планируется дальнейшая реализация выставочного проекта.

Несомненным преимуществом выставки «Хрупкий мир» является её мобильность, достигаемая за счёт использования металлических экспозиционных ферм. Такое решение позволяет создать отдельное выставочное пространство в не предусмотренных для этого помещениях. Кроме того, металлические конструкции позволяют варьировать экспозиционное построение, устанавливать световое оборудование, осуществлять быстрый монтаж и демонтаж.

Дизайн экспозиции был выполнен в минималистичной манере, что позволило сфокусировать внимание аудитории на её эмоционально насыщенном содержании. Основу экспонируемых предметов выставки составляют информационные стенды и факсимильные копии наскальных изображений Томской и Новоромановской писаниц, привлекающие к себе основное внимание посетителей (рис. 1; 3).

Информационные стенды, несмотря на свою лаконичность, рассказывают не толь-

ко об истории памятников, но и о последствиях вандальных действий человека, конкретных примерах таких действий, о научных способах сохранения и их важности.

Факсимильные копии изображений были выполнены при помощи силиконовых оттисков, снятых со скальных поверхностей, что позволило воссоздать достоверный облик камня и находящихся на нём петроглифов [Миклашевич, Кочанович, 2005, с. 178, 179]. Фиксация готовых экспонатов осуществляется на специальных выставочных мольбертах. Факсимильные

копии – прекрасный материал как для научного изучения, так и для экспонирования благодаря своей прочности и долговечности, возможности точного документирования изображений, особой передаче визуальной и тактильной информации. Подобные копии в определённых случаях могут заменить оригинал при его физической недоступности (рис. 3: 2).

Концепцию выставки развивают элементы дополненной реальности «Призраки прошлого: виртуальное возрождение утраченных петроглифов» (рис. 4: 1) и интерак-

Рис. 3. Экспонирование информационных стендов и факсимильных копий на передвижной выставке «Хрупкий мир» на площадке МБУ «ЦДК» в пгт. Яшкино, 2025 г. Фото С. Гавриленко

тивная мини-игра «Вандалофф: спаси Хрупкий мир!», доступные по QR-коду в экспозиции. В первом случае на экранах мобильных устройств посетителей оживают утраченные изображения лосей, демонстрируя былое великолепие. В мини-игре посетитель может почувствовать себя реставратором, удаляющим вандальные надписи со скальных поверхностей. С мини-игрой связана выставляемая копия фрагмента верхнего фриза (плоскости 7) Томской писаницы, содержащего изображение главного символа музея – совы. Факсимильная копия так же, как и в игре, намеренно дополнена не существующими в действительности граффити (рис. 4: 2). Такой ход воздействует в первую очередь на эмоции и эмпатию посетителя, показывая сценарий утраты хрупкого мира древнего наследия. Мультимедийная составляющая нацелена на внимание детской и подростковой аудитории. Она служит примером успешного использования мультимедийных технологий даже при проведении компактных и мобильных выставок.

Помимо выставки, проект «Хрупкий мир» включает лекции по наскальному искусству, работы, связанные с анализом антропогенного влияния на состояние петроглифов Томи, составление реестра повреждённых изображений, осуществление фотофиксации, создание одноимённого документального фильма. Его показ является одним из этапов проведения экскурсии, углубляя общее восприятие. Помимо наскальных рисунков Притомья, в фильме можно увидеть процесс проведения экспедиционных исследований, услышать интервью со специалистами по наскальному искусству и местными жителями.

Подводя итоги, отметим, что общее число посетителей выставки за 2025 г. составило около 6000 человек. Именно поэтому «Хрупкий мир» можно рассматривать как эффективную выставочную модель в рамках репрезентации не только наскального искусства Притомья, но и археологического наследия региона в целом. Применение сборных конструкций позволило монтировать выставку в разных населённых пунк-

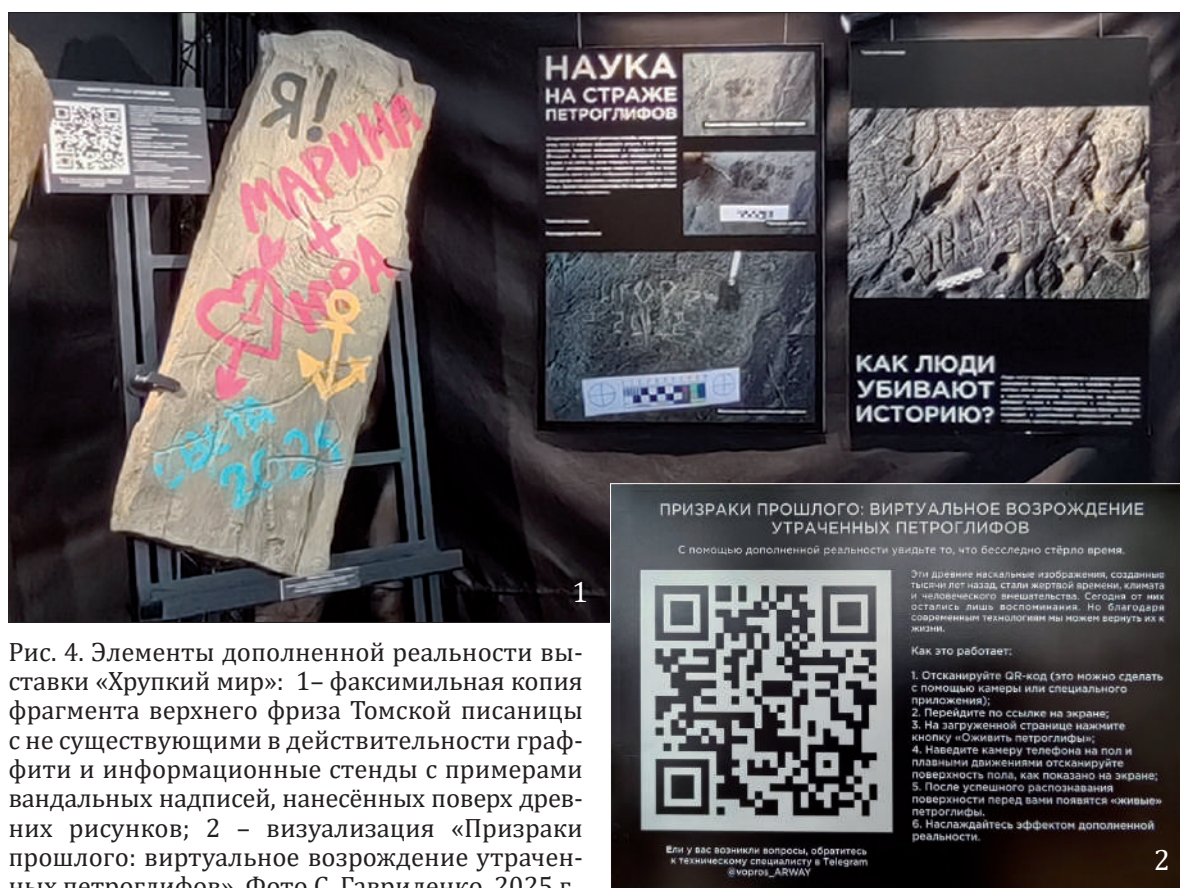

Рис. 4. Элементы дополненной реальности выставки «Хрупкий мир»: 1 – факсимильная копия фрагмента верхнего фриза Томской писаницы с не существующими в действительности граффити и информационные стенды с примерами вандальных надписей, нанесённых поверх древних рисунков; 2 – визуализация «Призраки прошлого: виртуальное возрождение утраченных петроглифов». Фото С. Гавриленко, 2025 г.

тах в достаточно короткий срок, без больших физических, временных и финансовых затрат. Соединение факсимильных копий с интерактивными цифровыми инструментами даёт возможность не только представить наскальное искусство региона, но и создать конкретный посыл личной ответственности каждого человека за сохранение культурного наследия. Подобные проекты могут осуществляться в качестве регионального компонента образовательных

программ в школах, способствуя не только популяризации знаний среди молодёжи, но и потенциальному выбору будущей профессии. Таким образом, «Хрупкий мир» не просто снимает противоречие между сохранением и доступностью, но и превращает пассивного зрителя в активного участника, что доказывает перспективность развития и использования репрезентации на выставках и в экспозиционных пространствах музеев.

Литература

Гаухман М. Музейная сеть Республики Башкортостан: современное состояние и ближайшие перспективы // Башкирский край. 2023. № 1 (8). С. 17–24.

Горяев В. С. Работа с местным сообществом как инструмент сохранения культурного наследия // Сохранение и актуализация культурного наследия: тезисы докладов Всероссийского музейного форума (28–30 мая 2025 г.). Кемерово: КемГИК, 2025. С. 51–53.

Горяев В. С., Аболонкова И. В. Просветительские выставки как инструмент сохранения наскального искусства: опыт проекта «Хрупкий мир» в Кузбассе // Труды VII (XXIII) Всероссийского археологического съезда. Красноярск: СФУ, 2025. Т. 3. С. 504–505.

Дэвлет Е. Г. Памятники наскального искусства: изучение, сохранение, использование. М.: Научный мир, 2002. 256 с.

Дэвлет Е. Г., Дэвлет М. А. Мифы в камне: Мир наскального искусства России. М.: Алетея, 2005. 472 с.

История философии: Энциклопедия / сост. и науч. ред. А. А. Грицанов, Т. Г. Румянцева, М. А. Можейко. Минск: Книжный Дом, 2002. 1376 с.

Миклашевич Е. А., Кочанович А. В. Объёмные копии наскальных рисунков – вред или польза // Мир наскального искусства. М.: ИА РАН, 2005. С. 177–180.

Словарь музейных терминов [сост.: Л. И. Арапова и др.]; отв. ред. С. А. Архангелов; науч. ред. Т. Г. Шумная. 2-е изд., перераб., доп. и испр. М.: ГЦМСИР, 2010. 232 с.

УДК 930(571.17)

DOI 10.24412/2411-7838-2025-22-94-105

ФОРМИРОВАНИЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ГЕРАЛЬДИКИ КУЗБАССА XVII – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XXI ВЕКА

И. Ю. Усков

*Федеральный исследовательский центр угля и углехимии СО РАН;
Государственный архив Кузбасса*

В статье на основе обобщения историографического опыта и анализа современной нормативно-правовой и методической базы рассмотрены основные периоды формирования территориальной геральдики Кузбасса: исторический герб города Кузнецка, который генетически восходил к городской печати 1634 г.; советские гербовидные знаки городов Кемеровской области 1960–1980-х гг.; герб Кемеровской области–Кузбасса; гербы современных муниципальных образований Кузбасса.

Ключевые слова: Кузбасс, областная (земельная) геральдика, муниципальная геральдика, Государственный геральдический регистр Российской Федерации

THE FORMATION OF KUZBASS REGIONAL HERALDRY IN THE 17th – EARLY 21st CENTURY

I. Yu. Uskov

*Federal Research Centre for Coal and Coal Chemistry, SB RAS;
State Archive of Kuzbass*

Based on a synthesis of historiographical experience and an analysis of the current legal and methodological framework, the article examines the main periods in the formation of Kuzbass regional heraldry: the historical coat of arms of the town of Kuznetsk, which was derived from the original town seal of 1634; Soviet coat-of-arms of the cities in Kemerovo Region during the 1960s–1980s; the coat of arms of Kemerovo Region – Kuzbass; and the coats of arms of the modern municipalities in the region.

Keywords: Kuzbass, regional heraldry, municipal heraldry, State Heraldic Register of the Russian Federation

Исследование проведено по теме государственного задания ФИЦ УУХ СО РАН «Основные тенденции хозяйственного освоения территории Кузбасса в XVII–XX вв.» (№ гос. регистрации 1023032300036-3-6.1.1).

Истоки отечественных территориальных эмблем восходят к художественным образам Большой государственной печати 1577/78 г., по окружности которой расположено с каждой стороны по 12 эмблем территорий, входящих в объектную часть титула царя Ивана Грозного [Соболева, 1991, с. 213]. В Большой государственной книге 1672 г. или «Титулярнике» приведены изображения 33 печатей городов, перечисляе-

мых в полном царском титуле. Постепенное развитие государственного герба и геральдизация вошедших в его состав областных печатей стали историческим началом русской геральдики [Арсеньев, 1997, с. 317]¹.

Из трёх городов Кемеровской области, образованных до 1917 г. (Кузнецк, Мариинск, Тайга), только уездный Кузнецк имел утверждённый герб, который генетически восходил к городской печати.

¹ Впервые термин «городской герб» официально появляется в царском указе от 18.07.1692 г., который предписывал, чтобы в Ярославской приказной избе «быть печати изображением герб ярославской». См.: [ПСЗ РИ-І, 1830, т. III, № 1444].

В декабре 1634 г. по указу царя Михаила Фёдоровича для одиннадцати сибирских городов и острогов, в том числе для Кузнецкого, были изготовлены «белые» серебряные печати весом четыре золотника и четыре золотника «без чети» (16–17 грамм) и посланы в Тобольск. Причинами послужили случаи подлогов и злоупотреблений с отправляемыми в Москву мешками с пушниной (ясак с местного населения), которые воеводы запечатывали личными печатями, а также убытки государственной казны от неуплаты печатных пошлин торговыми и промышленными людьми [Отписка тобольского воеводы, с. 214–217]. В Кузнецк из Приказа Казанского дворца государева печать была доставлена не позднее 7 мая 1635 г., так как в этот день в Москву отправлена кузнецкая соболиная казна, запечатанная уже печатью Кузнецкого острога [Добжанский, 2018, с. 119, 120].

В росписях печатям сибирских городов 1635 (в изложении С. У. Ремезова), 1656 и 1692 гг. приведено описание городской печати Кузнецка: «На Кузнецкой волк, а около вырезано: печать Государева земли Сибирския Кузнецкаго острога» [Акты исторические..., 1842, с. 247; Дергачёва-Скоп, Алексеев, 2006, с. 24; ПСЗ РИ-І, 1830, т. III, № 1443; см. также: Описание Кузнецкого уезда..., 1996, с. 23].

На сегодняшний день известно четыре изображения печати, функционировавшей в XVII в. [подробно см.: Полухин, 2017]. Одно из них было опубликовано директором Московского архива Министерства юстиции П. Ивановым по печати на межевой грамоте 1694 г., данной священнику Преображенской церкви Ивану Фёдорову с товарищами на владение пашенной землёй. Из-за плохого состояния печати П. Иванов принял изображение волка за лошадь и в печатном варианте придал вполне узнаваемые черты [Сборник снимков..., 1858, л. XIX (№ 304), 32]. Это породило у специалистов и краеведов ошибочный взгляд о наличии у Кузнецка герба с изображением лошади [Соболева, 1981, с. 206; Резун, Васильевский, 1989, с. 193; и др.]. Между тем, в современной историографии в результате источниковедческого и культуроло-

логического исследования доказано, что изображение волка оставалось единственным на кузнецких печатях XVII–XVIII вв. [Полухин, Ломакова, 2020].

В эпоху Анны Иоанновны (1730–1740 гг.) повсеместно на уровне уездов произошла замена государевых печатей. В связи с переходом с воска на сургуч сохранилось достаточное количество их оттисков в российских архивах. Анализ уцелевших оттисков позволяет восстановить оригинальный текст императорской печати Кузнецка: «ЕЯ ІМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛІЧЕСТВА СИБІРСКОЇ ГУБЕРНІЇ ГОРОДА КѢЗНЕЦКА ПЧТЬ». Особенность этой печати в том, что здесь разворот зверя – в правильную правую геральдическую сторону (влево от зрителя). Однако эта традиция не закрепились. Остальные известные печати Кузнецка сохранили обратный, «русский» разворот хищника [Полухин, 2022].

В 1771 г. заканчивается период существования императорских печатей, теперь это просто печать города. Однако земельный её характер сохраняется, так как ею пользовался воевода, управлявший уездом и городом. На новой печати, присланной в Кузнецк из Тобольска, – надпись: «ГОРОДА. КУЗНЕЦКА.», внизу отдельно «1771. ГОДА.» [Полухин, 2018].

В 1780 г. по административной реформе должность воеводы в Кузнецке упраздняется. Возникают специализированные уездные органы управления, на печатях которых в овальном щите бежит по гористой местности обращённый в левую геральдическую сторону (вправо от зрителя) волк. Печати прислал правитель Колыванской области генерал-майор Борис Иванович Меллер. Матрицы (штампы) печатей изготавливались на местном Сузунском заводе. Известны печати Кузнецкого нижнего земского суда и Кузнецкого уездного казначейства. Нижний земский суд управлял уездом и имел полицейские функции. На его печати круговая надпись: «ПЕЧАТЬ. УЕЗДНОГО. ГОРОДА. КУЗНЕЦКА. НИЖНЕГО. ЗЕМС. СУДА» [«Подкованный» волк..., 2016, с. 11].

В августе 1799 г. Павел I повелел переделывать все печати, на которых следовало изо-

бражать утверждённый российский герб [ПСЗ РИ-I, 1830, т. XXV, № 19089].

С учреждением Герольдмейстерской конторы (1722 г.) городское герботворчество в России получает значительное развитие. Товарищ (заместитель) герольдмейстера и церемониймейстер Франциск Санти в 1726 г. первым предложил «говорящий» символ для г. Кузнецка – кузницу с принадлежащими ей орудиями. Однако составленные им проекты городских гербов остались не востребованными [«Подкованный» волк..., 2016, с. 12].

Законодательно городская геральдика оформляется с опубликованием 21 апреля 1785 г. «Грамоты на права и выгоды городам Российской империи». Пункт 28 жалованной грамоты объявлял: «Городу иметь герб, утвержденный рукою Императорского Величества, и оный герб употреблять во всех городских делах» [ПСЗ РИ-I, 1830, т. XXII, № 16188].

20 марта 1804 г. Александр I утвердил гербы городов вновь образованной Томской губернии, в том числе г. Кузнецка: «В щите, разделенном горизонтально надвое, в верхней половине находится герб губернского города Томска [в щите, имеющем зеленое поле, изображена белая лошадь, бегущая в правую сторону], а в нижней в золотом поле кузница с принадлежащими орудиями» [ПСЗ РИ-I, 1830, т. XXVIII, № 21219]. Присутствует подпись самого императора на листе проекта герба: «Быть по сему. Александр» [Кузбасс в документальных памятниках..., 2021, с. 87]. Таким образом, г. Кузнецк получил официальный герб.

В середине XIX в. управляющий гербовым отделением Департамента герольдии барон Борис Васильевич Кёне провёл большую работу по упорядочению городских гербов Российской империи. Усмотрев, что герб Кузнецка не соответствует геральдическим канонам («Губернский герб в городском гербе должен занимать вольную часть право (franc-quartier), или если она

занята другою фигурою, принадлежащею к городскому гербу, то в вольной части влево» [ПСЗ РИ-II, 1958, т. XXXII, № 32037]), он предложил свой вариант герба: «в золотом щите черная наковальня, сопровождаемая в главе щита таковым же накрест положенными молотками. В вольной части щита герб Томской губернии. Щит увенчан червленою башенною короною о трех зубцах и окружен двумя молотками, соединенными александровскою лентою» [«Подкованный» волк..., 2016, с. 13; Кузбасс в документальных памятниках..., 2021, с. 86, 87]. Однако этот проект герба так и не был утверждён. До Великой Российской революции использовался герб, утверждённый в 1804 г.

В Советском Союзе долгое время развивалась только общегосударственная символика, лишь в 1960-е гг. обозначилась тенденция к разработке и утверждению новых городских гербов². Очевидно, что в период «оттепели» в обществе возникла потребность в использовании такого рода символов в различных сферах городской жизни (производственная символика, туризм, контакты городов-побратимов и т. д.) [Фрибус, 2010, с. 257]. Так, организаторами конкурса 1966 г. на лучший кузбасский сувенир был поставлен вопрос о гербах городов области, которые должны присутствовать на продукции, выпускаемой промышленными предприятиями [Моисеев, 1966].

Традиционный руководящий принцип городской геральдики – выявление единичного для всякого конкретного объекта и показ этого единичного на более общем фоне. Сама идея городского герба подразумевает предельно обобщённое обозначение города в его специфических хозяйственных, природных и историко-культурных проявлениях. Если в Российской империи гербы создавались специальным государственным органом (Герольдией), то охвативший страну в 1960–1970-х гг. «геральдический бум» развивался снизу, авторами проектов гербов становились мест-

² Законодательные акты Российской империи об учреждении гербов городов официально не были отменены или признаны утратившими силу ни Временным правительством, ни советской властью, поэтому с формально-юридических позиций утверждённые ранее гербы остаются действующими до наших дней.

ные представители творческих профессий (художники, архитекторы и т. д.). В итоге несогласованность порядка разработки и утверждения гербов способствовала тому, что в качестве символов города зачастую отбирались не наиболее выразительные, характерные исключительно для данного центра, но – по иронии судьбы – самые типизированные, обезличенные, имеющие отношение не только к конкретному населённому пункту, но практически к любому городу страны [Либерман, 1987, с. 218–223].

Первым городским гербом не только в Кузбассе, но и в Сибири, обзавёлся Междуреченск. 30 июня 1966 г. горисполком утвердил один из 79 присланных на конкурс эскизов герба. Герб представлял собой щит, разделённый на два поля. В верхнем красном (цвет труда) – в свете вспыхнувшей искры кусок угля, в нижнем зелёном (цвет тайги) – две голубых ленты – Томь и Уса. Таким образом, герб олицетворял собой две главные особенности города – направленность труда жителей и природные условия. Как признают специалисты, это был один из удачных советских городских гербов [Кошелев, 1999].

7 апреля 1967 г. после проведённого конкурса был утверждён герб Прокопьевска (автор – художник завода шахтной автоматики Е. В. Флягин): «На красно-белом щите – золотой ключ, в головке которого серп и молот. Рабочая часть ключа, открывшая массивную дверь, олицетворяющую земные недра, составлена из цифр 1917» [Герб города, 1967].

34 конкурсных проекта нового герба Новокузнецка экспонировались на выставке в краеведческом музее города. Лучшим был выбран вариант, предложенный архитектором города А. И. Выповым. 8 июля 1970 г. решением горисполкома эскиз был утверждён: «Герб города Новокузнецка представляет собой геральдический щит. На белом поле щита, олицетворяющем сибирскую природу, помещено стилизованное изображение разреза доменной печи красного цвета и чёрный квадрат, символизирующие основные отрасли промышленности города – металлургическую и угольную. От чёрного квадрата исходят

лучи, отображающие энергию солнца, заключённого в угле. В верхней части щита помещается условное изображение стен Кузнецкой крепости, как дань уважения к историческому прошлому Кузнецкого края, символ преемственности поколений» [Булкин, 1970; Герб города-труженика, 1987].

В 1971 г. по итогам проведённого конкурса свою визитную карточку получил г. Ленинск-Кузнецкий: в красном поле (символ революционных традиций города) щита – конструкция копра (эмблема высокой механизации шахт). Щит обрамлён колосьями (как символ монолитного союза с крестьянством) и лентами «Шахтёрской славы» с названием города. В верхней части герба – пятиконечная звезда – символ шахтёрских подвигов [«Визитная карточка» города, 1871; Виталин, 1971].

С марта по октябрь 1972 г. проходил конкурс на лучший проект герба областного центра. На конкурс было представлено более 150 работ 73-х авторов (от школьников до маститых художников и архитекторов). Большинство проектов сейчас хранится в фондах областного краеведческого музея [Винчина, 2005]. Лучшим проектом вновь признан эскиз архитектора А. И. Выпова (утверждён решением горисполкома № 389 от 30 декабря 1972 г.).

«Герб города Кемерово представляет собой геральдический щит, разделённый по горизонтам на два поля: красное – символ города, рождённого Великой Октябрьской социалистической революцией, и чёрное – условное обозначение каменного угля, основного богатства области, центром которой является город Кемерово.

В центре герба помещены стилизованные изображения реторты и части шестерни, символизирующие химическую и машиностроительную отрасли промышленности – главные направления промышленного развития города. Колосья хлеба символизируют плодородие земли от применения минеральных удобрений, вырабатываемых химическими предприятиями города» [КГА, ф. 1, оп. 1, д. 368, л. 269–272].

В последующем были утверждены гербы городов:

Тайга (29.10.1976): «Щит пересечён червленью и зеленью. В верхнем поле золотая гвоздика, в нижнем поле серебряный паровоз. В серебряной главе щита надпись “Тайга”». Символика герба. Зелёное поле обозначает окружающую город тайгу, гвоздика – революционный символ, паровоз – символ исторического прошлого города, связанного со строительством Транссибирской магистрали.

Мыски (12.11.1976): «Щит с закруглённым нижним краем пересечён. В зелёном поле красная зигзагообразная стрела с золотой окантовкой. Нижнее поле пересечено лазурью и чернью. В золотой главе надпись рельефным шрифтом золотого цвета «МЫСКИ». Поля щита и сам герб имеют золотую окантовку». Символика герба. Зелёное поле символизирует лесную и деревообрабатывающую промышленность города. Стрела обозначает развитие энергетической промышленности. Синее поле – расположение города на берегу двух рек: Мрас-Су и Томи, чёрное поле – наличие крупных залежей коксующихся углей. Автор: И. Бурмунтаев.

Юрга (15.03.1978): «Щит круглой формы, в который вписан голубой пятиугольник. В центре пятиугольника изображены колос, шестерня с надписью «ЮРГА», кристалл алмаза с лучами и кирпичная кладка. Окантовка щита, буквы, колос, шестерёнка, кристалл алмаза с лучами и швы кирпичной кладки выполнены золотом. Сегменты вокруг пятиугольника чёрного цвета». Автор: В. Курцев.

Анжеро-Судженск (1981): «В тёмно-красной главе щита надпись «АНЖЕРО-СУДЖЕНСК». В зелёном поле щита с чёрной треугольной оконечностью золотые опоры ЛЭП, шестерня и кольцо». Автор: А. Тевс.

Мариинск (1981): «Деревянный цветок в лазоревом поле. Верх щита венчают колосья, обвязанные красной ленточкой. Вокруг щита венок из золотых тополиных веток, перевитых голубой лентой». Символика герба. Деревянный цветок символизирует деревянную резьбу, украшающую многие архитектурные памятники города. Колосья обозначают, что Мариинск является центром сельскохозяйственного райо-

на. Голубая лента символизирует реку Кию. Автор: Ю. М. Михайлов.

Топки (X.1982): «В центре геральдического щита локомотив – символ железнодорожного транспорта, с которого город начал своё развитие, вокруг – шестерня и колос». Символика герба. Шестерня обозначает городскую промышленность, колос – центр сельскохозяйственного района. Зелёное верхнее поле обозначает, что город расположен на болоте. Автор: А. Хуторной.

Берёзовский (VII.1985): «В щите, пересечённом серебром и чернью, зелёный берёзовый лист, обременённый золотым отбойным молотком. В чёрной главе щита серебряная надпись “БЕРЕЗОВСКИЙ”». Символика герба. Берёзовый лист обозначает название города. Отбойный молоток – символ шахтёрского труда. Чёрное поле символизирует уголь – основу существования города. Автор: В. Андреев.

Гурьевск (15.09.1987): «Во главе щита надпись «ГУРЬЕВСК». Щит пониженно пересечён червленью и зеленью. В красном поле с боковыми лазурными столбами золотой сталеразливной ковш. В зелёном поле три золотые ели. Окантовка герба серебряного цвета». Символика герба. Стилизированный ковш символизирует металлургическую промышленность, ели – лесную промышленность. Автор: В. Аксютин [Борисов, Козина, 2005, с. 153–156].

Всего на 1991 г. гербовидные знаки имелись у 13 из 20 кузбасских городов, практики составления районных геральдических символов не существовало. Гербовидные знаки стали частью фалеристических коллекций музеев области, также они присутствуют в составе архивных фондов личного происхождения, фондов-коллекций.

В феврале 1992 г. на правах самостоятельного управления Комитета по делам архивов при Правительстве Российской Федерации создана Государственная геральдическая служба Российской Федерации (начальник – Георгий Вадимович Вилинбахов) [Постановление Правительства РФ № 102 от 20.02.1992]. В этом же году Комитет по делам архивов реорганизован в Государственную архивную службу России (Росархив) – центральный орган фе-

деральной исполнительной власти, осуществляющий государственную политику в области архивного дела и геральдики; Государственная геральдическая служба преобразована в управление геральдики Росархива (Постановление Правительства РФ № 1006 от 22.12.1992 утратило силу на основании Постановления Правительства РФ № 1032 от 09.09.1999).

В утверждённом в декабре 1998 г. Положении о Федеральной архивной службе (Росархиве) осуществление государственного регулирования в области геральдики за данным федеральным органом исполнительной власти уже не значится [Постановление Правительства РФ № 1562 от 28.12.1998]. Связано это с тем, что ещё в 1994 г. указом Президента Российской Федерации «с целью обеспечения единой государственной политики в области геральдики» образована Государственная герольдия при Президенте Российской Федерации (руководитель – государственный герольдмейстер зам. директора Государственного Эрмитажа по научной работе Г. В. Вилинбахов) [Указ Президента Российской Федерации № 1539 от 25.07.1994]. В июне 1999 г. Государственная герольдия преобразована в Геральдический совет при Президенте Российской Федерации [Указ Президента Российской Федерации № 856 от 29.06.1999].

В марте 1996 г. указом Президента Российской Федерации «в целях обеспечения единой государственной политики в области геральдики, упорядочения и систематизации официальных символов и отличительных знаков» был утверждён Государственный геральдический регистр Российской Федерации. В него после геральдической экспертизы вносятся: «официальные символы Российской Федерации и субъектов Российской Федерации (флаги, гербы); официальные символы федеральных органов государственной власти и органов государственной власти субъектов Российской Федерации (флаги, гербы, эмблемы); официальные символы органов местного самоуправления и иных муниципальных образований (флаги, гербы, эмблемы); знаки отличия и различия, награды

федеральных органов исполнительной власти и органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации» [Указ Президента Российской Федерации № 403 от 21.03.1996]. С момента внесения в регистр символ считается официально признанным государством, которое принимает на себя обязательства по его охране в федеральном юридическом пространстве.

10 октября 1994 г. распоряжением администрации Кемеровской области № 774-р «в целях восстановления исторической символики, в связи с получением Кемеровской областью по Конституции Российской Федерации статуса полноправного субъекта Федерации» впервые утверждены положение и рисунок герба Кемеровской области [Распоряжение..., 1994]. Принятию герба предшествовало двухлетнее обсуждение предлагаемых проектов населением, научной общественностью и специалистами [Алёхин, 1993].

Герб представлял собой «геральдический щит французской формы, разделённый на две равные половины. В верхней части щита – изображение серебряной лошади с червлёными глазами и языком на зелёном фоне. Нижняя часть щита – золотого цвета, на фоне которого изображение кузницы с принадлежащими ей орудиями (тёмно-белое цветовое сочетание, кирпичная печь и огонь в ней – красного цвета). Щит венчан золотой стилизованной «древнецарской» короной с белыми жемчужинами и пурпурным подкладом. Между короной и гербовым щитом помещена красная Александровская лента. Щитодержатели – два соболя тёмного цвета. Под щитом – изображение скрещенных орудий (золотые молот и кирка с серебряными рукоятями). Герб обрамлён фигурной рамкой тёмного цвета». Тем самым за основу герба были взяты исторические гербы Кузнецка и «Царства Сибирского». Авторами-разработчиками принятого герба являлась группа учёных Кемеровского государственного университета, Кемеровского областного краеведческого музея, Государственного архива Кемеровской области – Ю. П. Алёхин, В. В. Бобров, А. М. Кулемзин, Л. Ф. Кузнецова, В. А. Сергиенко [Алёхин, 1997, с. 136].

В 1997 г. принимается Устав (Основной закон) Кемеровской области, согласно которому «Кемеровская область имеет свой герб, гимн и флаг, утверждаемые законодательным (представительным) органом государственной власти Кемеровской области» (Ст. 3, п. 1). Закон, устанавливающий символику Кемеровской области, её описание и порядок использования, был принят 7 июня 2002 г. При разработке официального символа области местная историческая геральдическая традиция прерывается, новый вариант герба был ориентирован на индустриальный характер региона:

«Герб Кемеровской области представляет собой французский щит, обрамлённый дубовыми ветвями, скреплёнными орденой лентой ордена Ленина и увенчанный короной в виде стилизованной чаши.

Щит окаймлён узкими полосами чёрного и золотого цветов. Нижняя часть щита – зелёного цвета. Зелёный цвет символизирует сельское хозяйство и природные богатства. Зелёный цвет – это также традиционный цвет молодости и надежды. В центре щита – треугольник чёрного цвета, усечённый с боков и окаймлённый узкой полосой золотого цвета, – террикон, символизирующий угольную промышленность. В центре террикона расположены перекрещенные кузнечный молот и кирка, обозначающие индустриальную принадлежность Кемеровской области. Из зелёного поля через перекрещенные молот и кирку к вершине террикона устремлены три пшеничных колоса. Колосья символизируют также важность для Кемеровской области сельского хозяйства. Треугольники красного цвета в левом и правом углах щита символизируют раскалённый металл.

Герб обрамлён дубовым венком, определяющим статус Кемеровской области как субъекта Российской Федерации, наделённого правами государственной власти. Нижняя часть венка переплетена орденой лентой ордена Ленина, которым Кемеровская область была награждена дважды:

в 1967 и 1970 гг. В центральной части орденой ленты обозначена дата: 1943 г. – год образования Кемеровской области. В разрыве дубового венка над центром гербового щита изображена корона в виде стилизованной полной чаши, символизирующей богатство Кузбасса» [Закон КО № 42-ОЗ от 07.06.2002].

Однако вновь утверждённый герб, как и предыдущий, был составлен с нарушением правил геральдики. В связи с этим для разработки проекта областного герба распоряжением председателя Совета народных депутатов Кемеровской области В. А. Петрова № 413-р от 16 августа 2019 г. сформирована временная комиссия. Корректировка герба подготовлена творческой группой Союза геральдистов России: Юрий Львович Фрейман (1959–2020; г. Кемерово), Константин Мочёнов (г. Химки), Ольга Френкель и Анна Гарсия (г. Москва). После проведённых общественных слушаний в Закон Кемеровской области «О символике Кемеровской области» были внесены изменения [Закон КО-Кузбасса № 23-ОЗ от 10.03.2020], которые позволили внести герб Кемеровской области–Кузбасса в Государственный геральдический регистр Российской Федерации (под № 12965) [Кемеровская область–Кузбасс].

В 1990-е гг. утверждены новые варианты городских гербов Анжеро-Судженска (1992), Междуреченска (1993), Кемерова (1997), Прокопьевска (2003). В Новокузнецке восстановлен исторический герб 1804 г. (1998), впервые утверждён герб Таштагола (1998). В Ленинске-Кузнецком в 1994 г. прошёл конкурс на лучший проект символики города, по итогам которого первая премия 02.02.1995 г. была присуждена С. Г. Пермякову. Графическое изображение и описание эмблемы города утверждены распоряжением администрации г. Ленинска-Кузнецкого № 561 от 03.08.1998 г. Эскиз С. Пермякова признан лучшим и на конкурсе эмблемы Полысаева, однако официально в качестве герба проект не был утверждён [Маврина, 1995; Эмблема города утверждена, 1998; Таков наш герб, 1999].

К сожалению, практически все гербы были составлены с нарушением геральдических правил³.

Конституция Российской Федерации 1993 г. определила роль местного самоуправления в системе управления делами государства как способа и формы народовластия на муниципальном уровне. Конституционные основы местного самоуправления получили нормативно-правовую реализацию в принятых Федеральных законах «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (от 28 августа 1995 г. № 154-ФЗ (утратил силу) и от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ, который утратит силу с 01.01.2027). Согласно законам, муниципальные образования вправе устанавливать официальные символы (гербы, флаги, должностные и наградные знаки, эмблемы), отражающие исторические, культурные, национальные и иные местные традиции и особенности, которые подлежат государственной регистрации путём их внесения в Государственный геральдический регистр Российской Федерации (ст. 11 № 154-ФЗ; ст. 9, п. 1, 2 № 131-ФЗ).

Во исполнение федерального законодательства был принят закон Кемеровской области «О местном самоуправлении в Кемеровской области» (№ 31-ОЗ от 6 октября

1997 г., утратил силу с 01.01.2006), в котором продублировано право муниципальных образований иметь собственную символику (п. 4 ст. 2) [Закон КО № 31-ОЗ от 06.10.1997; Закон КО № 15-ОЗ от 17.01.2006].

Тем самым начался новый период в развитии отечественной геральдики – *муниципальной геральдики*. В 2006 г. Геральдический Совет при Президенте РФ утвердил «Методические рекомендации по разработке и использованию официальных символов муниципальных образований». Гербы, не соответствовавшие изложенным в них требованиям, не подлежали внесению в Государственный геральдический регистр [Методические рекомендации...]⁴.

Областной закон «О муниципальных образованиях в Кемеровской области и порядке их реорганизации» (№ 11-ОЗ от 19 января 1999 г., утратил силу) в качестве территориальной основы местного самоуправления закрепил уровень административных городов и районов – всего 36. Все остальные поселения области были включены в состав городских и районных муниципальных образований [Закон КО № 11-ОЗ от 19.01.1999]⁵.

С целью реализации положений федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Россий-

³ Так, исторический герб Новокузнецка не прошёл геральдическую экспертизу в связи с тем, что ещё указом 1857 г. верхние «губернские» части составных гербов упразднились. Кроме того, с точки зрения геральдики помещение в верхнем поле томской серебряной лошади указывает на подчинение Новокузнецка Томску, но территориальные гербы (губерний) с отменой уездно-губернского деления (1925–1927 гг.) лишились правового основания и самого смысла.

Принципиальными нарушениями в гербе Кемерова являлись:

- использование негеральдических фигур, таких как шестерня и колба-реторта (в гербах не допускается использование напрямую объектов современной индустрии, которые не вошли в геральдическую практику в период её оформления; такие негеральдические фигуры должны быть заменены несущими в себе похожий смысл);
- золотая кайма вокруг щита, понижающая статус города и использованная в гербе необоснованно;
- размещение каких-либо надписей в поле гербового щита недопустимо;
- необоснованное деление щита на части (поля), которое применяется при объединении разных гербов (например, при объединении двух муниципальных образований) [Письмо..., 2018].

⁴ Населённые пункты и территориальные образования, не являющиеся муниципальными образованиями, правом иметь герб не обладают. В тех случаях, когда такой населённый пункт имел герб, законодательно утверждённый до 1917 г., или герб, внесённый в Государственный геральдический регистр РФ в период с 1996 по 2005 гг., право на данный герб переходит к муниципальному образованию низшего уровня, в который данный населённый пункт входит в настоящее время.

⁵ В состав муниципального образования «Город Гурьевск» вошёл город Салаир; одним муниципальным образованием стали: «Город Междуреченск–Междуреченский район», «Город Таштагол–Таштагольский район»; всего в состав муниципальных образований были включены 46 рабочих посёлков (кроме р. п. Урск, преобразованного в сельский населённый пункт) и 235 сельсоветов.

ской Федерации» принимается закон Кемеровской области № 104-ОЗ от 17 декабря 2004 г. «О статусе и границах муниципальных образований». В соответствии с ним муниципальными образованиями стали:

- в статусе *городских округов*: 15 из 20 городов областного и районного подчинения, а также один посёлок городского типа – Краснобродский;

- в статусе *муниципальных районов* – 18 административных районов (кроме Междуреченского);

- в статусе *городских поселений*: 5 городов и 17 посёлков городского типа;

- в статусе *сельских поселений* – 167 сельских территорий [Закон КО № 104-ОЗ от 08.12.2004]⁶.

На 2018 г. были утверждены представительным органом местного самоуправления и далее после проведения гербовой экспертизы внесены в Государственный геральдический регистр Российской Федерации гербы следующих муниципальных образований: Анжеро-Судженский городской округ (2007, № 3487), Беловский городской округ (2004, № 1444), Калтанский городской округ (2001, № 885), Киселёвский городской округ (2005, № 2085), Краснобродский городской округ (2009, № 5834), Ленинск-Кузнецкий городской округ (2010, № 6244), Междуреченский городской округ (2001, № 822), Мысковский городской округ (2012, № 8022), Новокузнецкий городской округ (2018, № 11894), Полысаевский городской округ (2004, № 1725), Юргинский городской округ (2003, № 1317), Гурьевский муниципальный район (2006, № 2779), Ижморский муниципальный район (2013, № 9507), Кемеровский муниципальный район (2004, № 1470), Крапивинский муниципальный район (2003, № 1251), Ленинск-Кузнецкий муниципальный рай-

он (2005, № 2010), Мариинский муниципальный район (2009, № 4837), Новокузнецкий муниципальный район (2004, № 1620), Промышленновский муниципальный район (2004, № 1736), Тисульский муниципальный район (2003, № 1318), Топкинский муниципальный район (2018, № 11869), Тяжинский муниципальный район (2007, № 3780), Чебулинский муниципальный район (2014, № 10173), Яйский муниципальный район (2007, № 3930), Яшкинский муниципальный район (2007, № 3820). Всего 25 из 34 муниципальных образований в статусе городских округов и муниципальных районов узаконили свою символику. Так как действующее законодательство не содержало прямых санкций за несоблюдение п. 2 ст. 9 № 131-ФЗ, то девять муниципалитетов продолжали использовать незаконную символику⁷. Из других муниципальных образований в Государственный геральдический регистр были внесены гербы городских поселений: Гурьевск (2006, № 2392), Яя (2007, № 3782), Шерегеш (2010, № 6984), а также Сусловского сельского поселения (2016, № 11239) [Кемеровская область–Кузбасс].

С середины 2010-х гг. в России проведена новая муниципальная реформа – трансформация двухуровневой системы местного самоуправления в одноуровневую. Согласно федеральному закону «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ местное самоуправление в Российской Федерации осуществляется через такие муниципальные образования как: городской округ, муниципальный округ и внутригородское муниципальное образование города федерального значения (п. 2 ст. 9). Право устанавливать официальные символы остав-

⁶ Главным критерием обретения статуса муниципального образования для городских и сельских поселений являлась их экономическая самостоятельность. В связи с этим 23 бывших рабочих посёлка были упразднены или реорганизованы в сельские населённые пункты, упразднены 68 сельсоветов.

⁷ Тем не менее, отсутствие символики, официально признанной органами государственной власти РФ, препятствует полноценному использованию такой символики как органами государственной власти (например, выпускам памятных банкнот, монет, почтовых марок или иных государственных знаков), так и в прочих аспектах общественно-политической жизни или экономической деятельности. Также официальные символы, не прошедшие государственную регистрацию, не могут быть защищены со стороны органов государственной власти от каких-либо надругательств.

лено за муниципальными образованиями, причём «с учётом исторических и иных местных традиций, а также наличия почётных званий СССР и Российской Федерации, отдельные населенные пункты, входящие в состав муниципального образования, в соответствии с уставом муниципального образования могут иметь официальные символы населённого пункта» (п. 4 ст. 8). Официальные символы закрепляются на уровне Устава муниципального образования (правомочие, а не обязанность органа местного самоуправления).

В Кузбассе переход на одноуровневую систему местного самоуправления осуществлялся с 2019 по 2025 гг. (муниципальные районы и Междуреченский городской округ наделены статусом муниципальных округов, упразднены Краснобродский, Ленинск-Кузнецкий и Полысаевский городские округа). В этот период завершается формирование муниципальной геральдики Кемеровской области–Кузбасса. С помощью

специалистов Союза геральдистов России (К. Ф. Мочёнов, Ю. Л. Фрейман) и Уральской геральдической ассоциации (А. К. Грефенштейн) произведена геральдическая доработка символов следующих муниципальных образований: Берёзовский городской округ (2019, № 12695), Кемеровский городской округ (2019, № 12697), Осинниковский городской округ (2019, № 12710), Прокопьевский городской округ (2020, № 12984), Тайгинский городской округ (2020, № 12986), Беловский муниципальный округ (2019, № 12826), Ленинск-Кузнецкий муниципальный округ (2025, № 15225), Прокопьевский муниципальный округ (2019, № 12712), Таштагольский муниципальный округ (2020, № 12988), Юргинский муниципальный округ (2019, № 12714) [Кемеровская область–Кузбасс]. Поэтому сейчас гербы всех 31-го (после проведённых реорганизаций) муниципального образования Кузбасса внесены в Государственный геральдический регистр Российской Федерации⁸.

⁸ Все печати и гербы, упомянутые в тексте, представлены на виртуальной выставке Государственного архива Кузбасса «Формирование территориальной геральдики Кузбасса в XVII – начале XXI века» [Электронный ресурс] / <https://arhiv42.ru/pictures/20251222120204VystavkaGaraldikaKuzbassFin.pdf> (дата обращения 02.01.2026).

Источники

Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1842. Т. 4: 1645–1676. 592 с.

Дергачёва-Скоп Е., Алексеев В. Служебная чертежная книга. Семен Ремезов и сыновья. Текст рукописи Российской национальной библиотеки [Санкт-Петербург]. Комментарии. Тобольск: [б. и.], 2006. 167, [2] с.

Закон Кемеровской области № 31-ОЗ от 06.10.1997 г. «О местном самоуправлении в Кемеровской области» // Кузбасс. 1997. 24 окт. С. 3–6.

Закон Кемеровской области № 11-ОЗ от 19.01.1999 г. «О муниципальных образованиях в Кемеровской области и порядке их реорганизации» // Кузбасс. 1999. 29 янв. С. 2–3.

Закон Кемеровской области № 42-ОЗ от 07.06.2002 г. «О символике Кемеровской области» // Кузбасс. 2002. 11 июня. С. 2.

Закон Кемеровской области № 104-ОЗ от 08.12.2004 г. «О статусе и границах муниципальных образований» // Кузбасс. 2004. 24 дек. Офиц. С. I–XL.

Закон Кемеровской области № 15-ОЗ от 17.01.2006 г. «О признании утратившими силу отдельных законов Кемеровской области в сфере местного самоуправления» // Кузбасс. 2006. 26 янв. С. 9.

Закон Кемеровской области–Кузбасса № 23-ОЗ от 10.03.2020 г. «О внесении изменений в Закон Кемеровской области «О символике Кемеровской области» [Электронный ресурс] / <https://kemerovo-pravo.ru/zakon/2020/03/10/n-23-oz/> (дата обращения 02.01.2026).

КГА (Кемеровский городской архив). Ф. 1 (исполком Кемеровского городского Совета народных депутатов). Оп. 1. Д. 368 (Протоколы № 22–25 заседаний, решения № 317–418 исполкома). 306 л.

Кемеровская область–Кузбасс // Heraldicum.Ru [Электронный ресурс] / <https://www.heraldicum.ru/russia/subjects/kemerovo.htm> (дата обращения 02.01.2026).

Кузбасс в документальных памятниках: 300 уникальных и значимых документов по истории Кузбасса XVII – начала XXI века: научно-популярное издание / авт.-сост.: А. Ю. Карпинец (рук. авт. кол.), А. Н. Ермолаев, А. Б. Коновалов, М. Г. Леухова, Л. А. Скрябина, И. Ю. Усков; отв. ред. А. Ю. Прокопов. Кемерово: Кузбасская медиа-группа, 2021. 400 с., ил.

Методические рекомендации по разработке и использованию официальных символов муниципальных образований // Геральдика.Ру [Электронный ресурс] / <https://sovnet.geraldika.ru/print/16244> (дата обращения 02.01.2026).

Описание Кузнецкого уезда Тобольской провинции в Сибири в нынешнем его состоянии, в сентябре 1734 года // Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г. Ф. Миллера / издание подготовил А. Х. Элерт. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1996. 310 с.

Отписка тобольского воеводы князя Андрея Голицына мангазейскому воеводе Григорию Орлову и дьяку Василию Атарскому о посылке городской печати, о соборах и лисицах, которые следует брать в качестве ясака и поминков, и о печатных пошлинах. Не ранее 26 февраля 1635 г. // Миллер Г. Ф. История Сибири. М.: Восточная литература, 2005. Т. III. С. 214–217.

Письмо главного редактора веб-сервера Геральдика.ру Ю. Ю. Росича Главе города Кемерово И. В. Сердюку. Вх. от 02.02.2018.

ПСЗ РИ-I (Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е). СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. канцелярии, 1830. Т. III: 1689–1699. [1], 691 с.

ПСЗ РИ-I (Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е). СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. канцелярии, 1830. Т. XXII: 1784–1788. [1], 1168, 10 с., 2 л. табл.

ПСЗ РИ-I (Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е). СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. канцелярии, 1830. Т. XXV: 1798–1799. 936 с.

ПСЗ РИ-I (Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е). СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. канцелярии, 1830. Т. XXVIII: 1804–1805. 1328, 25 с.

ПСЗ РИ-II (Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е). СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. канцелярии, 1858. Т. XXXII: 1857. 1066 с.

Постановление Правительства Российской Федерации № 102 от 20.02.1992 г. «О государственной геральдической службе Российской Федерации» // Гарант.Ру: информационно-правовой портал [Электронный ресурс] / <https://base.garant.ru/1560134/> (дата обращения 02.01.2026).

Постановление Правительства Российской Федерации № 1006 от 22.12.1992 г. «Об утверждении Положения о Государственной архивной службе России» // Отечественные архивы. 1993. № 2. С. 3–7.

Постановление Правительства Российской Федерации № 1562 от 28.12.1998 г. «Об утверждении Положения о Федеральной архивной службе России» // Отечественные архивы. 1999. № 1. С. 3–8.

Постановление Правительства Российской Федерации № 1032 от 09.09.1999 г. «О признании утратившими силу решений Правительства Российской Федерации по вопросам геральдической службы Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 38. Ст. 4543.

Распоряжение администрации Кемеровской области о гербе Кемеровской области № 774-р от 10.10.1994 г. О гербе Кемеровской области // Кузбасс. 1994. 28 окт. С. 2.

Сборник снимков древних печатей, приложенных к грамотам и другим юридическим актам, хранящимся в Московском архиве Министерства юстиции / Сост. П. Ивановым. М.: Тип. С. Селиванского, 1858. [2], IV, 43 с., 21 л. ил.

Указ Президента Российской Федерации № 1539 от 25.07.1994 г. «О Государственной герольдии при Президенте Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 14. Ст. 1594.

Указ Президента Российской Федерации № 403 от 21.03.1996 г. «О Государственном геральдическом регистре Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 13. Ст. 1307.

Указ Президента Российской Федерации № 856 от 29.06.1999 г. «О Геральдическом совете при Президенте Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 27. Ст. 3309.

Литература

- Алёхин Ю. П. О проекте герба Кемеровской области // Современные проблемы исторического краеведения (к 375-летию основания Кузнецка и 50-летию образования Кемеровской области. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1993. С. 143–145.
- Алёхин Ю. П. Герб Кемеровской области // Гербовед. 1997. № 7 (19). С. 136–139.
- Арсеньев Ю. В. Геральдика: Лекции, читанные в Московском археологическом институте в 1907–1908 году / Сост., подгот. текста, коммент. и послесл. О. Н. Наумова. Ковров: «БЭСТ-В», 1997. 368 с.: ил.
- Борисов И. В., Козина Е. Н. Геральдика России. М.: АСТ: Астрель, 2005. 423, [1] с.: ил.
- Булкин А. Герб города // Кузбасс. 1970. 22 февраля. С. 4.
- «Визитная карточка» города // Ленинский шахтер. 1971. 5 нояб. С. 1.
- Винчина Л. Н. Это нашей истории строки // Балибаловские чтения. Кемерово: «СКИФ», 2005. Вып. 4. С. 63–67.
- Виталин Г. Знак города // Кузбасс. 1971. 21 ноября. С. 3.
- Герб города // Кузбасс. 1967. 26 апреля. С. 4.
- Герб города труженика // Кузнецкий рабочий. 1987. 20 марта. С. 4.
- Добжанский В. Н. Печать Кузнецкого острога: время и причины создания // Сибирский город в фокусе гуманитарных исследований: к 400-летию г. Новокузнецка. Новокузнецк: НФИ КемГУ; «Арт-экспресс», 2018. С. 117–129.
- Кошелев А. В. Первый советский городской герб Сибири. К истории герба г. Междуреченска // Краеведение Сибири. История и современные проблемы. Кемерово: Фирма Полиграф, 1999. С. 90–93.
- Либерман Д. В. О современном состоянии и нерешённых проблемах советской геральдики // Вспомогательные исторические дисциплины. Л.: Наука, 1987. Т. XIX. С. 217–227.
- Маврина Н. У нашего города есть своя символика // Городская газета. 1995. 7 февр. С. 1.
- Моисеев В. Кузбасские сувениры будут // Кузбасс. 1966. 7 июля. С. 4.
- «Подкованный» волк: историческая символика Кузнецка // Прогулки по старому Кузнецку: очерки по истории города / авт.-сост. И. И. Казанцева; [авторы: П. П. Лизогуб, Е. Н. Крюков, И. И. Казанцева]. Новокузнецк: ИД «Кузнецкая книга», 2016. С. 10–13.
- Полухин А. Н. Изображение печатей Кузнецка в «Окладной книге Сибири 1697 года» // Краеведение в современном мире: проблемы, достижения, перспективы. Новокузнецк: ООО «Лотус-Пресс», 2017. С. 149–155.
- Полухин А. Н. Городовая печать Кузнецка 1771–1780 годов // Сибирский город в фокусе гуманитарных исследований: к 400-летию г. Новокузнецка. Новокузнецк: НФИ КемГУ; «Арт-экспресс», 2018. С. 129–133.
- Полухин А. Н. Императорская печать и герб Кузнецка в период правления Анны Иоанновны // Музей и краеведение: взаимодействие науки и практики. Новокузнецк: ООО «Логус-Пресс», 2022. С. 38–54.
- Полухин А. Н., Ломакова А. В. Проблема интерпретации изображения на государственной печати города Кузнецка 1694 г. в аспекте древнерусской художественной традиции // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 452. С. 147–159.
- Резун Д. Я., Васильевский Р. С. Летопись сибирских городов. Новосибирск: Книжное изд-во, 1989. 301 с.
- Соболева Н. А. Русские печати. М.: Наука, 1991. 239 с., [8] л. ил.
- Таков наш герб // Городская газета (г. Ленинск-Кузнецкий). 1999. 15 сент. С. 3.
- Фрибус А. В. Муниципальная геральдика Кемеровской области: старые символы и новые перспективы // Учёные записки факультета истории и международных отношений: сб. научных статей памяти д-ра ист. наук, профессора Ю. В. Галактионова. Кемерово: КемГУ, 2010. Вып. 3. С. 255–263.
- Эмблема города утверждена // Городская газета. 1998. 12 сент. С. 4.

Сведения об авторах

Горяев Вадим Сергеевич, заместитель директора по научной работе, Музей-заповедник «Томская Писаница»; Кемерово, Российская Федерация. E-mail: science-mztp@yandex.ru

Грачёв Дмитрий Алексеевич, независимый исследователь; Абакан, Российская Федерация. E-mail: dilongra19@mail.ru

Заика Александр Леонидович, канд. ист. наук, доцент кафедры отечественной истории, директор Музея археологии, Красноярский государственный педагогический университет; Красноярск, Российская Федерация. E-mail: zaika_al@mail.ru

Илюшин Андрей Михайлович, д-р. ист. наук, профессор кафедры истории, философии и социальных наук, Кузбасский государственный технический университет им. Т. Ф. Горбачёва; Кемерово, Российская Федерация. E-mail: ilushin1963@mail.ru

Ключников Тимофей Александрович, директор АНО «Археологическое исследование Сибири»; Красноярск, Российская Федерация. E-mail: klyuchnikoff.t@yandex.ru

Ковтун Игорь Вячеславович, д-р. ист. наук, независимый исследователь; Кемерово, Российская Федерация. E-mail: ivkovtun@mail.ru

Матвеев Вячеслав Евгеньевич, научный сотрудник ООО «Научно-производственное объединение “Археологическое проектирование и изыскания”»; Красноярск, Российская Федерация. E-mail: rusty05@mail.ru

Русакова Ирина Дмитриевна, канд. ист. наук, научный консультант, Музей-заповедник «Томская Писаница»; Кемерово, Российская Федерация. E-mail: mirnes@mail.ru

Семёнов Дмитрий Юрьевич, младший научный сотрудник, Музей-заповедник «Томская Писаница»; Кемерово, Российская Федерация. E-mail: yarnyarnyarn@yandex.ru

Усков Игорь Юрьевич, канд. ист. наук, доцент, старший научный сотрудник, Федеральный исследовательский центр угля и углехимии СО РАН; главный археограф, Государственный архив Кузбасса; Кемерово, Российская Федерация. E-mail: iuskov1974@yandex.ru

Information about the authors

Goryaev Vadim S., Deputy Director for Research, "Tomskaya Pisanitsa" Museum-Reserve; Kemerovo, Russian Federation. E-mail: science-mztp@yandex.ru

Grachev Dmitry A., Independent researcher; Abakan, Russian Federation. E-mail: dilongra19@mail.ru

Ilyushin Andrey M., Doctor of History, Professor at the Department of History, Philosophy and Social Sciences, T.F. Gorbachev Kuzbass State Technical University; Kemerovo, Russian Federation. E-mail: ilushin1963@mail.ru

Klyuchnikov Timofey A., Director of the NPO «Archaeological Research of Siberia»; Krasnoyarsk, Russian Federation. E-mail: klyuchnikoff.t@yandex.ru

Kovtun Igor V., Doctor of History, Independent researcher; Kemerovo, Russian Federation. E-mail: ivkovtun@mail.ru

Matveev Vyacheslav E., Researcher, Archaeological Projects and Research Scientific and Production Association LLC; Krasnoyarsk, Russian Federation. E-mail: rasty05@mail.ru

Rusakova Irina D., Candidate of History, Research Adviser, "Tomskaya Pisanitsa" Museum-Reserve; Kemerovo, Russian Federation. E-mail: mirnes@mail.ru

Semenov Dmitry Yu., Junior Researcher, "Tomskaya Pisanitsa" Museum-Reserve; Kemerovo, Russian Federation. E-mail: yarnyarnyarn@yandex.ru

Uskov Igor Yu., Candidate of History, Associate Professor, Senior Researcher, Federal Research Centre for Coal and Coal Chemistry SB RAS; Chief archaeographer, State Archive of Kuzbass; Kemerovo, Russian Federation. E-mail: iuskov1974@yandex.ru

Zaika Alexander L., Candidate of History, Assistant Professor at the Department of National History, Director, the Museum of Archaeology, Krasnoyarsk State Pedagogical University; Krasnoyarsk, Russian Federation. E-mail: zaika_al@mail.ru

Научное издание

**Учёные записки
музея-заповедника «Томская Писаница»**

Выпуск 22

2025

*Для оформления издания использованы
фотографии петроглифов Томской писаницы и бронзовой фигурки лошади
из ритуального жертвенника на памятнике*

Формат 60×84¹/₈. Усл. печ. л. 17. Уч-изд. л. 14,5.
Тираж 150.
